

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-49472
24 апреля 2012 г.

Главный редактор
Доктор юридических наук,
доктор философских наук, профессор
Рыбаков Олег Юрьевич

Шеф-редактор
Макаренко Григорий Иванович

Учредитель и издатель
Федеральное бюджетное учреждение
«Научный центр правовой информации»
при Министерстве юстиции
Российской Федерации

Журнал входит в перечень научных изданий ВАК,
в систему Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ) и международную систему научного цитирования
CrossRef (DOI).

Отпечатано в РИО ФБУ НЦПИ при Минюсте России
Печать цветная цифровая
Подписано в печать 28.05.2018
Тираж 100 экз. Цена свободная

Адрес редакции:
125437, Москва, Михалковская ул.,
65, к.1
Телефон: +7-495-539-25-29
E-mail: monitorlaw@yandex.com
Требования, предъявляемые к рукописям,
размещены на сайте журнала
<http://uzulo.su/mon-prav>

Подписка на журнал осуществляется в почтовых отделениях по каталогу «Пресса России». Подписной индекс 44723

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовное право и криминология

Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации, регулирующее порядок обнародования сведений об имущественном состоянии отдельных категорий лиц и соблюдении ими антикоррупционных требований 4
Кабанов П. А.

Особенности правовой оценки мнимой обороны. 15
Меркурьев В. В., Тараканов И. А.

Законодательное использование категории «насилие» ... 20
Потёмкина А. Т.

Семейное право

К вопросу типологии моделей ювенальной юстиции в зарубежных государствах: сравнительно-правовой аспект 25
Дородонова Н. В.

История учений о праве и государстве

Правовые и организационные основы деятельности министерства внутренних дел по развитию промышленности Российской империи в первой половине XIX в. 31
Яковлев К. Л.

Информационное право

«Облачные» технологии: российское и зарубежное законодательство и практика правоприменения 36
Карицхия А. А.

Прокурорская деятельность

Практика судебных актов по спорам, связанных с предоставлением земельных участков 42
Боброва О. В.

Правозащитная и правоохранительная деятельность

Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и за рубежом: сравнительный анализ 49
Атагимова Э. И.

Экономическая социология

Характеристики социальной роли арбитражного управляющего в процедурах несостоятельности (банкротства) 54
Полутин С. В., Мотыкин Р. В.

Трибуна молодых учёных

Современное состояние и перспективы расширения внешнего взаимодействия производственных подразделений уголовно-исполнительной системы в инновационной сфере 59
Бармашов В. И.

Вопросы разграничения насильственного грабежа и разбоя: проблемы квалификации 63
Челябова З. М.

ABSTRACTS, KEYWORDS AND REFERENCES 67

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Юридические науки

БОНДАРЬ Николай Семенович
ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна
ЗАПОЛЬСКИЙ Сергей Васильевич
ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович
ИСАКОВ Владимир Борисович
КАБАНОВ Павел Александрович
КОМАРОВА Валентина Викторовна
КОСТЕННИКОВ Михаил Валерьевич
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович
МЕРКУРЬЕВ Виктор Викторович
ШАРИХИН Александр Егорович
ДЕМИДОВА-ПЕТРОВА
Елизавета Викторовна
РАДЧЕНКО Владимир Иванович

доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург
доктор юридических наук, профессор, г. Москва
доктор юридических наук, профессор, зам. Главного редактора г. Москва
доктор юридических наук, г. Москва
доктор юридических наук, профессор, г. Москва
доктор юридических наук, доцент, г. Казань
доктор юридических наук, профессор, г. Москва
доктор юридических наук, профессор, г. Москва
доктор юридических наук, профессор, г. Москва
доктор юридических наук, профессор, г. Москва
доктор юридических наук, профессор, г. Москва
доктор юридических наук, профессор, г. Москва
кандидат юридических наук, доцент, г. Казань

кандидат юридических наук, доцент, г. Москва

Социологические науки

БАБИНЦЕВ Валентин Павлович
ИВАНОВ Вилен Николаевич
КИСЕЛЕВ Александр Георгиевич
КУБЯКИН Евгений Олегович
МАРКИН Валерий Васильевич
МАЛЫШЕВ Михаил Львович
ПОЛУТИН Сергей Викторович
УРЖА Ольга Александровна
РОГОВАЯ Анастасия Владимировна

доктор социологических наук, профессор, г. Белгород
доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, г. Москва
доктор социологических наук, профессор, г. Москва
доктор социологических наук, профессор, г. Краснодар
доктор социологических наук, профессор, зам. Главного редактора г. Москва
доктор социологических наук, профессор, г. Москва
доктор социологических наук, профессор, г. Саранск
доктор социологических наук, профессор, г. Москва
кандидат социологических наук, г. Москва

Иностранные члены

КУРБАНОВ Габил Сурхай оглы
ШАРШУН Виктор Александрович

доктор юридических наук, профессор, Баку, Азербайджанская Республика
кандидат юридических наук, Минск, Белоруссия

EDITORIAL BOARD

Legal sciences

Nikolai BONDAR'
Tat'iana VASIL'EVA
Sergei ZAPOL'SKII
Sergei ZAKHARTSEV
Vladimir ISAKOV
Pavel KABANOV
Valentina KOMAROVA
Mikhail KOSTENNIKOV
Igor' MATSKEVICH
Viktor MERKUR'EV
Aleksandr SHARIKHIN
Elizaveta DEMIDOVA-PETROVA
Vladimir RADCHENKO

Doctor of Science (Law), Professor, Saint Petersburg
Doctor of Science (Law), Professor, Moscow
Doctor of Science (Law), Professor, Deputy Editor-in-Chief, Moscow
Doctor of Science (Law), Professor, Moscow
Doctor of Science (Law), Professor, Moscow
Doctor of Science (Law), Associate Professor, Kazan
Doctor of Science (Law), Professor, Moscow
Doctor of Science (Law), Professor, Moscow
Doctor of Science (Law), Professor, Moscow
Doctor of Science (Law), Professor, Moscow
Doctor of Science (Law), Professor, Moscow
Doctor of Science (Law), Professor, Moscow
Ph.D. (Law), Associate Professor, Kazan
Ph.D. (Law), Associate Professor, Moscow

Sociological sciences

Valentin BABINTSEV
Vilen IVANOV

Aleksandr KISELEV
Evgenii KUBIAKIN
Valerii MARKIN
Mikhail MALYSHEV
Sergei POLUTIN
Ol'ga URZHA
Anastasiia ROGOVAIA

Doctor of Science (Sociology), Professor, Belgorod
Doctor of Science (Philosophy), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow
Doctor of Science (Sociology), Professor, Moscow
Doctor of Science (Sociology), Professor, Krasnodar
Doctor of Science (Sociology), Professor, Deputy Editor-in-Chief, Moscow
Doctor of Science (Sociology), Professor, Moscow
Doctor of Science (Sociology), Professor, Saransk
Doctor of Science (Sociology), Professor, Moscow
Ph.D. (Sociology), Moscow

Foreign Members

Habil QURBANOV
Viktor SHARSHUN

Doctor of Science (Law), Professor, Baku, Republic of Azerbaijan
Ph.D. (Law), Minsk, Republic of Belarus

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

Registration Certificate No. FS77-49472 of the 24th of April 2012.

Approved for print on the 28th of May 2018

Editor-in-Chief:

Doctor of Science (Law, Philosophy), Professor
Oleg Rybakov

Managing Editor:

Grigoriy Makarenko

Founder and publisher:

Federal State-Funded Institution “Scientific Centre for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation”

The journal is included in the list of scientific publications of the Higher Attestation Commission of Russia and is registered in the Russian Science Citation Index (RINTs) and CrossRef, the official Registration Agency of the International Digital Object Identifier (DOI) Foundation

Printed by the Printing and Publication Division of the Scientific Centre for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation.

Printed in digital colour. Approved for print on the 28.05.2018.
Number of items printed: 100. Free price.

Postal address:

Mikhalkovskaya str., bld. 65/1, 125 438, Moscow, Russia
Telephone: +7 (495) 539-25-29

E-mail: monitorlaw@yandex.com

Guidelines for preparing manuscripts for publication can be found on the website

<http://uzulo.su/mon-prav>

The journal can be subscribed to at post offices through the Press of Russia (Pressa Rossii) Catalogue. Publication index: 44723.

CONTENTS

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Anti-corruption procedural laws of subjects of Russian Federation regulating the procedure for publishing information about the property status of certain categories of persons and their compliance with anticorruption requirements 4
P. Kabanov

Features of legal assessment of imaginary defence 15
V. Merkur'ev, I. Tarakanov

Using the category of ‘violence’ in law-making 20
A. Potemkina

FAMILY LAW

On the question of typology of juvenile justice models in foreign countries: the comparative law aspect 25
N. Dorodonova

HISTORY OF DOCTRINES OF LAW AND STATE

Legal and organisational foundations of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the development of the industry of the Russian Empire in the first half of the 19th century 31
K. Iakovlev

INFORMATION TECHNOLOGY LAW

‘Cloud’ technologies: Russian and foreign laws and law enforcement practice 36
A. Kartskhiia

PROSECUTORIAL ACTIVITIES

Court decisions practice on lawsuits related to providing land lots 42
O. Bobrova

HUMAN RIGHTS ACTIVITIES AND LAW ENFORCEMENT

Legal regulation of combating family and domestic violence in Russia and abroad: a comparative analysis 49
E. Atagimova

ECONOMIC SOCIOLOGY

Characterisations of the social role of court-appointed manager in bankruptcy procedures 54
S. Polutin, R. Mot'kin

YOUNG RESEARCHERS FORUM

The current state and prospects of expanding the external interaction of production divisions of the penal system in the innovation sphere 59
V. Barmashov

Issues of distinguishing violent robbery and dangerous robbery: problems of qualification 63
Z. Cheliabova

ABSTRACTS, KEYWORDS AND REFERENCES 67

Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации, регулирующее порядок обнародования сведений об имущественном состоянии отдельных категорий лиц и соблюдении ими антикоррупционных требований

Кабанов П. А.¹

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, профилактика коррупции, антикоррупционное законодательство, сведения о доходах, сведения о расходах, обнародование информации, информационное право.

Аннотация. В работе впервые в российской юридической науке исследуется антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации, регулирующее порядок обнародования сведений об имущественном состоянии отдельных категорий лиц и соблюдении ими антикоррупционных требований. Подробно раскрывается содержание этого законодательства, особенности его формирования в различных регионах с учетом отраслевой принадлежности. Отражается специфика установления сроков и процедур обнародования сведений об имущественном состоянии отдельных категорий лиц и соблюдении ими антикоррупционных требований.

DOI: [10.21681/2226-0692-2018-2-04-14](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-2-04-14)

Введение

Активное формирование российского регионально-информационного и антикоррупционного законодательства в наступившем XXI веке позволило сформировать не только нормы материального права, но и нормы, регулирующие процедурные вопросы их реализации. Нормы регионального процессуального информационного законодательства, как правило, регулируют порядок создания сайтов органов публичной власти и процедуры размещения и обновления на них сведений².

² Об информационных ресурсах и информатизации города Москвы: закон г. Москвы от 24.10.2001 № 52 (в ред. от 07.05.2014 № 28) // Тверская, 13. 2001. 19-25 декабря; Об официальных сайтах государственных органов Воронежской области: закон Воронежской области от 24.01.2011 № 2-ОЗ (в ред. от 02.06.2017 № 57-ОЗ) // Собрание законодательства Воронежской области. 2011. № 1. Ст. 2; Об официальном сайте Кемеровской области: закон Кемеровской области от 28.12.2011 № 160-ОЗ // Кузбасс. 2011. 30 декабря; Об информационных системах и информатизации Республики Татарстан: закон Республики Татарстан от 13.11.2007 № 58-ЗРТ (в ред. от 09.07.2016 № 62-ЗРТ) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2007. № 11. Ст. 1086; Об информатизации в Удмуртской Республике: закон Удмуртской Республики от 14.12.2006 № 59-ПЗ (в ред. от 04.12.2015 № 80-ПЗ) // Известия Удмуртской Республики. 2007. 23 января; Об информатизации и информационных ресурсах Орловской области: закон Орловской области от 13.05.2008 № 774-ОЗ (в ред. от 04.06.2012 № 1367-ОЗ) // Орловская правда. 2008. 15 мая.

Нормы регионального антикоррупционного законодательства регулируют объем информации по вопросам противодействия коррупции, подлежащей размещению на официальных сайтах органов публичной власти, в том числе и сведения об имущественном положении отдельных категорий лиц и членов их семей³. В отдельных случаях нормы, регулирующие вопросы антикоррупционного информирования об имущественном положении отдельных категорий лиц, закрепляются в ином региональном отраслевом законодательстве⁴ либо под-

³ О противодействии коррупции в Республике Алтай: закон Республики Алтай от 05.03.2009 № 1-ПЗ (в ред. от 07.03.2018 № 5-ПЗ) // Сборник законодательства Республики Алтай. 2009. № 57(63). С.4; О противодействии коррупции в Республике Бурятия: закон Республики Бурятия от 16.03.2009 № 701-IV (в ред. от 07.03.2018 N 2851-V) // Бурятия. 2009. 17 марта; О противодействии коррупции в Астраханской области: закон Астраханской области от 28.05.2008 № 23/2008-ОЗ (в ред. от 02.03.2018 № 13/2018-ОЗ) // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 2008. № 27; О противодействии коррупции в Костромской области: закон Костромской области от 10.03.2009 № 450-4-ЗКО (в ред. от 20.09.2017 № 286-6-ЗКО) // СП - нормативные документы. 2009. 13 марта; О противодействии коррупции в Мурманской области: закон Мурманской области от 26.10.2007 № 898-01-ЗМО (в ред. от 12.03.2018 № 2231-01-ЗМО) // Ведомости Мурманской областной Думы. 2007. 12 декабря. С. 31-35.

⁴ О муниципальной службе в Республике Хакасия: закон Республики Хакасия от 06.07.2007 № 39-ЗРХ (в ред. от 15.03.2018 № 17-ЗРХ) // Вестник Хакасии. 2007. 17 июля; О муниципальной службе в Томской области: закон Томской области от 11.09.2007 № 198-ОЗ (в ред. от 12.03.2018 № 14-ОЗ) // Томские новости. 2007. 27 сентября.

¹ Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова, Российская Федерация, г. Казань.
E-mail: kabanovp@mail.ru

законных нормативных правовых актах⁵. Однако, невзирая на важность и значимость правового регулирования процедурных вопросов обеспечения прозрачности имущественного состояния отдельных категорий лиц, как средства противодействия коррупции, крупных научных исследований, посвященных этому направлению антикоррупционной деятельности до настоящего времени не проводилось. Имеется лишь несколько научных работ, которые фрагментарно дают оценку состояния информационной открытости имущественного положения отдельных категорий лиц [1, с.13-14; 2, с.38-44; 3, с.122-124; 4, с.7-12; 5; 6, с.12-16; 7, с.197-200]. Такое положение дел указывает на необходимость проведения комплексного исследования процессуальных вопросов антикоррупционного информирования об имущественном положении отдельных категорий лиц, в том числе основанное на материалах регионального законодательства, регулирующего вопросы обнародования этих сведений.

Результаты проведенного исследования

Впервые процессуальные вопросы обнародования информации об имущественном положении отдельных категорий должностных лиц в средствах массовой информации были урегулированы в конце XX века указом Президента Российской Федерации «О представлении лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности государственной службы и должности в органах местного самоуправления, сведений о доходах и имуществе»⁶. Именно этим документом была сформулирована основная цель обнародования подобной информации — создание действенных механизмов предотвращения коррупции и злоупотреблений в стране.

Процедурные аспекты размещения информации на официальных сайтах органов публичной власти в информационно-коммуникационной сети Интернет были урегулированы несколько позже указом уже другого Президента Российской Федерации после принятия федерального антикоррупционного законодательства. Этот указ назывался «Об утверждении порядка размещения сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, федеральных государственных служащих и членов их семей на официальных сайтах федеральных государственных органов и государственных органов субъектов Российской Федерации и предоставления этих сведений общероссийским средствам массовой информации для опубликования»⁷. Следует отметить, что на иные категории лиц, кроме лиц, перечисленных в этом указе, данный порядок не распространялся. Вместе с тем, в отдельных субъектах Российской Федерации были приняты специальные законы регулирующие порядок размещения сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные должности субъекта Российской Федерации, государственных гражданских служащих субъекта Российской Федерации и членов их семей на официальных сайтах государственных органов субъектов Российской Федерации в информационно-коммуникационной сети Интернет и предоставления этих сведений средствам массовой информации для опубликования⁸. В других

⁷ Об утверждении порядка размещения сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, федеральных государственных служащих и членов их семей на официальных сайтах федеральных государственных органов и государственных органов субъектов Российской Федерации и предоставления этих сведений общероссийским средствам массовой информации для опубликования: указ Президента РФ от 18.05.2009 № 561 (в ред. от 02.04.2013 № 309) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 21. Ст. 2546.

⁸ О представлении гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Республики Коми, и лицами, замещающими государственные должности Республики Коми, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и размещении указанных сведений на официальных сайтах государственных органов Республики Коми в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: закон Республики Коми от 30.09.2009 № 74-РЗ // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2009. № 33. Ст. 599; О представлении гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Липецкой области, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, и лицами, замещающими государственные должности Липецкой области, сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и порядке размещения этих сведений на официальных сайтах органов государственной власти области и государственных органов области и предоставления средствам массовой информации для опубликования, и иных вопросах по предупреждению коррупции: закон Липецкой области от 07.07.2009 № 288-ОЗ // Липецкая газета. 2009. 10 июня; О размещении сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера на официальных сайтах государственных органов и предоставлении этих сведений средствам массовой информации для опубликования: закон Сахалинской области от 11.07.2012 № 66-ЗО // Губернские ведомости. 2012. 14 июля; О порядке размещения на официальных сайтах государственных органов Ульяновской области в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и представления редакциям средств массовой информации по их запросам для опубликования сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные

⁵ Об отдельных мерах по противодействию коррупции: указ Губернатора Омской области от 20.10.2009 № 129 (в ред. от 30.12.2016 № 223) // Омская правда. 2009. 30 октября; Об утверждении Порядка размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера отдельных категорий лиц и членов их семей на официальных сайтах органов государственной власти (государственных органов) Самарской области и предоставления этих сведений общероссийским и региональным средствам массовой информации для опубликования: постановление Губернатора Самарской области от 29.08.2014 № 226 // Волжская коммуна. 2014. 3 сентября; Об утверждении Порядка размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные должности Смоленской области, государственных гражданских служащих Смоленской области, а также сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера их супруги (супруга) и несовершеннолетних детей на официальных сайтах государственных органов Смоленской области и предоставления этих сведений средствами массовой информации для опубликования: указ Губернатора Смоленской области от 19.05.2010 № 13 (в ред. от 02.05.2017 № 33) // Вестник Смоленской областной Думы и Администрации Смоленской области. 2010. № 3 (часть III). С. 314.

⁶ О представлении лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности государственной службы и должности в органах местного самоуправления, сведений о доходах и имуществе: указ Президента РФ от 15.05.1997 № 484 (в ред. от 25.07.2000 № 1358) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 20. Ст. 2239.

регионах, в целях обеспечения прозрачности имущественного состояния отдельных категорий лиц, были внесены изменения в действующее законодательство, регулирующее порядок прохождения государственной гражданской службы⁹ либо устанавливающие правовой статус лиц, замещающих государственные должности субъекта Российской Федерации и требования к занятию этих должностей¹⁰.

В 2013 году на смену упомянутому указу Президента Российской Федерации 2009 года в развитие положений новых редакций статей 8 и 8.1 Федерального закона «О противодействии коррупции»¹¹, регулирующих вопросы представления и обнаружения сведений об имущественном положении отдельных категорий чиновников и руководителей некоторых организаций был принят другой. Этим нормативным правовым актом органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления были даны юридические рекомендации — руководствоваться нормами, закрепленными в нем, при разработке и утверждении порядка размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации, муниципальные должности и должности муниципальной службы, и членов их семей на официальных сайтах органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и предоставления этих сведений общероссийским средствам массовой информации для опубликования¹². Принятие данного указа повлекло за собой изменение регионального законодательства. Во-первых, были внесены изменения и дополнения в законодательство, регулирующее статус отдельных категорий должностных лиц (лиц, замещающих государственные (муниципальные) должности), закрепляющие порядок размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера на официальных сайтах органов государственной власти субъектов Российской Федерации и предоставления этих сведений средствам массовой информации. Во-вторых, были внесены дополнения и изменения в

региональное законодательство, регулирующее порядок прохождения государственной (муниципальной) службы, закрепившие процедурные вопросы размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственных (муниципальных) служащих на официальных сайтах органов государственной власти субъектов Российской Федерации (сайтах муниципальных образований) в информационно-коммуникационной сети Интернет и предоставления этих сведений средствами массовой информации¹³. В-третьих, были отменены либо заменены другими ранее принятые региональные законы, связанные с процессом размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера отдельных категорий чиновников и предоставления этих сведений средствами массовой информации¹⁴. В-четвертых, появилось большое количество подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих процедурные вопросы размещения на официальных сайтах органов публичной власти в информационно-коммуникационной сети Интернет сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера региональных (муниципальных) чиновников, руководителей хозяйствующих субъектов и членов их семей, и предоставления этих сведений средствами массовой информации¹⁵.

¹³ О внесении изменений в Закон Республики Саха (Якутия) «О государственной гражданской службе Республики Саха (Якутия)» и Закон Республики Саха (Якутия) «О муниципальной службе в Республике Саха (Якутия)»: закон Республики Саха (Якутия) от 24.11.2016 1754-3 № 1065-V // Якутские ведомости. 2016. 20 декабря; О внесении изменений в Закон Республики Башкортостан «О местном самоуправлении в Республике Башкортостан» и Закон Республики Башкортостан «О муниципальной службе в Республике Башкортостан»: закон Республики Башкортостан от 03.07.2013 № 710-з // Ведомости Государственного Собрания — Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2013. № 21(423). Ст. 958.

¹⁴ О правовом регулировании некоторых вопросов по профилактике коррупционных правонарушений в Липецкой области: закон Липецкой области от 15.12.2015 № 476-ОЗ // Липецкая газета. 2015. 25 декабря; О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Коми и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Республики Коми в связи с совершенствованием правового регулирования вопросов противодействия коррупции: закон Республики Коми от 29.02.2012 № 15-РЗ // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2012. № 7. Ст. 173.

¹⁵ Об утверждении Порядка размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственных гражданских служащих Республики Коми и членов их семей на официальных сайтах государственных органов Республики Коми и предоставления этих сведений общероссийским и республиканским средствам массовой информации для опубликования: указ Главы Республики Коми от 14.01.2014 № 6 (в ред. от 09.10.2015 № 108) // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2014. № 2. Ст. 17; Об утверждении Порядка размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные должности Республики Мордовия, государственных гражданских служащих Республики Мордовия, их супруг (супругов) и несовершеннолетних детей в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте органов государственной власти Республики Мордовия и предоставления этих сведений средствами массовой информации для опубликования: указ Главы Республики Мордовия от 24.02.2014 № 40-УГ (в ред. от 25.09.2017 № 229-УГ) // Известия Мордовии. 2014. 25 февраля; Об утверждении Порядка размещения сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера

должности Ульяновской области, и членов их семей: закон Ульяновской области от 06.05.2013 № 52-ЗО // Ульяновская правда. 2013. 8 мая.

⁹ О внесении изменений в Закон Московской области «О государственной гражданской службе Московской области»: закон Московской области от 10.07.2009 № 83/2009-ОЗ // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2009. 15 июля.

¹⁰ О представлении гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Республики Хакасия и должностей государственной гражданской службы Республики Хакасия, лицами, замещающими государственные должности Республики Хакасия, и государственными гражданскими служащими Республики Хакасия сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера: закон Республики Хакасия от 28.12.2009 № 151-ЗРХ // Вестник Хакасии. 2009. 31 декабря.

¹¹ О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 28.12.2017 № 423-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

¹² Вопросы противодействия коррупции: указ Президента РФ от 08.07.2013 № 613 (в ред. от 15.07.2015 № 364) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3813.

В большинстве случаев процедурные вопросы, связанные с процессом размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера отдельных категорий чиновников и членов их семей на официальных сайтах органов публичной власти и предоставления этих сведений средствами массовой информации региональными законодателями делегировались органам государственной власти субъектов Российской Федерации либо органам местного самоуправления, хотя в отдельных случаях они закреплялись региональным законодательством. В результате этого была принята небольшая группа специальных законодательных актов, регулирующих процедурные вопросы обнародования информации о результатах реализации государственной политики противодействия коррупции в регионах и имущественного положения отдельных категорий должностных лиц¹⁶. Это законо-

лиц, замещающих должности руководителей государственных учреждений Республики Мордовия, и членов их семей на официальных сайтах исполнительных органов государственной власти Республики Мордовия в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и представления этих сведений средствами массовой информации для опубликования: постановление Правительства Республики Мордовия от 20.05.2013 № 181 // Известия Мордовии. 2013. 22 мая; Об утверждении Положения о порядке размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные должности Республики Татарстан, государственных гражданских служащих Республики Татарстан и членов их семей на официальных сайтах государственных органов Республики Татарстан и предоставления этих сведений средствами массовой информации для опубликования: указ Президента Республики Татарстан от 19.04.2010 № УП-237 (в ред. от 18.03.2016 № УП-265) // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. 2010. № 21. Ст. 0762; Об утверждении Положения о порядке размещения сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих должности руководителей государственных учреждений Республики Татарстан, их супругов и несовершеннолетних детей на официальных сайтах исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан и предоставления этих сведений средствами массовой информации для опубликования: постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.03.2014 № 171 // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. 2014. № 25. Ст. 0730; Об утверждении Порядка размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера муниципальных служащих и членов их семей в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальных сайтах органов местного самоуправления и предоставления этих сведений для опубликования средствами массовой информации: постановление Правительства Забайкальского края от 17.09.2013 № 387 // Азия-Экспресс. 2013. 26 сентября.

¹⁶ О порядке размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные должности Томской области, государственных гражданских служащих Томской области и предоставления этих сведений общероссийским средствам массовой информации для опубликования: закон Томской области от 19.06.2012 № 101-ОЗ (в ред. от 15.05.2015 № 68-ОЗ) // Собрание законодательства Томской области. 2012. № 6/2(83); О размещении сведений о доходах, расходах, об имуществе, обязательствах имущественного характера и иных сведений и информации, связанных с доходами и расходами, на официальных сайтах государственных органов Сахалинской области и предоставлении этих сведений средствами массовой информации для опубликования: закон Сахалинской области от 15.07.2013 № 86-30 (в ред. от 21.12.2015 № 121-30) // Губернские ведомости. 2013. 20 июля; О порядке размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Тамбовской областной Думы, и о комиссии по контролю за достовер-

ность можно условно именовать словосочетанием «российское региональное информационное антикоррупционное процессуальное законодательство, регулирующее порядок информирования об имущественном состоянии чиновников и членов их семей». Данное законодательство направлено на регулирование взаимоотношений между участниками, в связи с необходимостью обнародования (размещения) сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера отдельных категорий чиновников и членов их семей и предоставления этих сведений средствами массовой информации, в результате которых они наделяются определенными правами и несут юридические обязанности.

В качестве участников этих отношений выступают несколько субъектов. Во-первых, лица, предоставляющие сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера для их проверки и последующего обнародования. Именно их следует уведомлять — как правило, в трехдневный срок — о поступившем запросе средств массовой информации о предоставлении им сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера чиновника и членов его семьи. Во-вторых, средства массовой информации, запрашивающие информацию о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера чиновника и членов его семьи. В-третьих, органы субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений, получающие сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характе-

рости сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Тамбовской областной Думы: закон Тамбовской области от 06.04.2012 № 126-З (в ред. от 03.06.2017 № 107-З) // Тамбовская жизнь. 2012. 13 апреля; О размещении сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные должности Санкт-Петербурга, государственных гражданских служащих Санкт-Петербурга и членов их семей на официальных сайтах государственных органов Санкт-Петербурга и предоставлении этих сведений средствами массовой информации для опубликования: закон Санкт-Петербурга от 26.02.2010 № 69-26 (в ред. от 09.06.2016 № 335-57) // Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга. 2010. № 9; О порядке размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики, на официальном сайте Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики и порядке предоставления этих сведений средствами массовой информации для опубликования в связи с их запросами: закон Карачаево-Черкесской Республики от 29.05.2012 № 46-РЗ (в ред. от 21.12.2015 № 103-РЗ) // День Республики. 2012. 7 июня; О порядке размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера депутатов Законодательного Собрания Оренбургской области и членов их семей на официальном сайте Законодательного Собрания Оренбургской области и предоставления этих сведений средствами массовой информации для опубликования в связи с их запросами: закон Оренбургской области от 09.07.2012 № 919/280-V-ОЗ (в ред. от 17.11.2015 № 3467/980-V-ОЗ) // Оренбуржье. 2012. 19 июля; О порядке размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих отдельные государственные должности Ульяновской области, и членов их семей на официальных сайтах государственных органов Ульяновской области в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и предоставления этих сведений общероссийским средствам массовой информации для опубликования: закон Ульяновской области от 05.11.2013 № 200-30 (в ред. от 17.11.2016 № 165-30) // Ульяновская правда. 2013. 8 ноября.

ра чиновника и членов его семьи и размещающие их на официальном сайте. В-четвертых, подразделения кадровых служб органов государственной власти по профилактике коррупционных и иных правонарушений, получающие сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера чиновника и членов его семьи и размещающие их на официальном сайте. В-пятых, подразделения кадровых служб органов местного самоуправления по профилактике коррупционных и иных правонарушений, получающие сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера чиновника и членов его семьи и размещающие их на официальном сайте. В-шестых, комиссии законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации, на которые возложены функции по проверке сведений об имущественном положении депутатов, получающие сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера депутатов и членов их семей и размещающие их на официальном сайте. В-седьмых, комиссии представительных органов муниципальных образований, на которые возложены функции по проверке сведений об имущественном положении депутатов, получающие сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера чиновника и членов его семьи и размещающие их на официальном сайте. В-восьмых, иные лица, связанные с обеспечением размещения информации о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера чиновника и членов его семьи и размещающие её на официальном сайте. В отдельных законах подразделения государственных органов и их должностные лица, получающие сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера чиновника и членов его семьи, и размещающие их на официальном сайте именуется емким словосочетанием «уполномоченное подразделение» или «уполномоченное должностное лицо»¹⁷.

Региональное антикоррупционное информационное процессуальное законодательство относительно полно указывает на перечень информации, которую следует размещать на официальных сайтах органов публичной власти и предоставлять средствам массовой информации для обнародования и которую запрещено представлять под угрозой юридической ответственности. В перечень информации, которую следует размещать на официальных сайтах органов публичной власти в информационно-коммуникационной сети Интернет и предоставлять средствам массовой информации для обнародования входят:

1) перечень объектов недвижимого имущества, принадлежащих чиновнику, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям на праве собственности или находящихся в их пользовании, с указанием вида, пло-

щади и страны расположения каждого из таких объектов;

2) перечень транспортных средств с указанием вида и марки, принадлежащих на праве собственности чиновнику, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям;

3) годовой доход чиновника, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, указанный в справках о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

4) сведения о расходах чиновника, а также о расходах его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), совершенной им, его супругой (супругом) и (или) несовершеннолетними детьми в течение календарного года, предшествующего году представления сведений, если общая сумма таких сделок превышает общий доход чиновника и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих отчетному периоду, и об источниках получения средств, за счет которых совершены эти сделки.

Приведенный перечень информации, размещаемой на сайте органов публичной власти в информационно-коммуникационной сети Интернет и предоставляемой средствам массовой информации, не является исчерпывающим. В отдельных специализированных региональных законах предусмотрено размещение на сайтах и предоставление средствам массовой информации дополнительных сведений — о предоставлении депутатом регионального законодательного (представительного) органа власти заведомо недостоверных или неполных сведений о доходах и расходах¹⁸. Однако, чаще всего размещение этой информации на официальных сайтах в информационно-коммуникационной сети Интернет и предоставление средствам массовой информации, регулируется законодательством о статусе депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации¹⁹.

¹⁸ О порядке размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики, на официальном сайте Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики и порядке предоставления этих сведений средствами массовой информации для опубликования в связи с их запросами: закон Карачаево-Черкесской Республики от 29.05.2012 № 46-РЗ (в ред. от 21.12.2015 № 103-РЗ) // День Республики. 2012. 7 июня; О размещении сведений о доходах, расходах, об имуществе, обязательствах имущественного характера и иных сведений и информации, связанных с доходами и расходами, на официальных сайтах государственных органов Сахалинской области и предоставлении этих сведений средствами массовой информации для опубликования: закон Сахалинской области от 15.07.2013 № 86-ЗО (в ред. от 21.12.2015 № 121-ЗО) // Губернские ведомости. 2013. 20 июля.

¹⁹ О статусе депутата Московской городской Думы: закон г. Москвы от 13.07.1994 № 14-60 (в ред. от 27.12.2017 № 60) // Тверская, 13. 1994. 18-24 августа; О статусе депутата Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея: закон Республики Адыгея от 06.07.2007 № 103 (в ред. от 29.04.2016 № 530) // Собрание законодательства Республики Адыгея. 2007. № 7; О статусе депутата Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан: закон Республики Башкортостан от 14.03.2003 № 479-з (в ред. от 29.02.2016 № 330-з) // Ведомости Государственного Собрания — Курултая, Президента и

¹⁷ О размещении сведений о доходах, расходах, об имуществе, обязательствах имущественного характера и иных сведений и информации, связанных с доходами и расходами, на официальных сайтах государственных органов Сахалинской области и предоставлении этих сведений средствами массовой информации для опубликования: закон Сахалинской области от 15.07.2013 № 86-ЗО (в ред. от 21.12.2015 № 121-ЗО) // Губернские ведомости. 2013. 20 июля.

Встречаются случаи, когда эти нормы устанавливаются законодательством, регулирующим проверку указанных сведений²⁰, а также законодательством, регулирующим деятельность уполномоченного государственного органа²¹, или законодательством, регулирующим деятельность законодательного (представительного) государ-

ственного органа²². В исключительных случаях порядок обнародования сведений о неполноте и недостоверности сведений об имущественном состоянии, регулируется региональным антикоррупционным законодательством²³.

Проведенный нами сравнительно-правовой анализ регионального антикоррупционного процессуального законодательства показал, что отдельными законодательными актами субъектов Российской Федерации предусмотрено обнародование на официальном сайте органа публичной власти и в средствах массовой коммуникации достоверной информации о непредставлении депутатом сведений, предусмотренных законодательством и представлении сведений с нарушением срока установленного для их представления²⁴. Более того, законодателями Ярославской области в областном законе «О депутате Ярославской областной Думы» предусмотрено официальное информирование населения дополнительно о несоблюдении депутатом установленных в целях противодействия коррупции ограничений, запретов и неисполнении требований, как на сайте Думы, так и в средствах массовой информации²⁵.

В зависимости от содержания информации процессуальные вопросы её обнародования имеют свои особенности правового регулирования. Наиболее полно и единообразно регулируется порядок размещения на официальных сайтах органов публичной власти сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера чиновников и членов их семей. Как правило, уполномоченное на то подразделение или уполномоченное должностное лицо органа публичной власти по истечении срока предоставления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в течение определенного срока размещает полученную информацию по установленной форме на официальном сайте органа публичной власти в информационно-коммуникационной сети Интернет. При этом сроки размещения этой информации законодателями могут устанавливаться различные. По общему правилу они составляют 14 дней, со дня истечения срока, установленного для их подачи. При этом в одних случаях этот срок законодательством устанавлива-

Правительства Республики Башкортостан. 2003. № 8(164). Ст. 395; О статусе депутата Народного Собрания Республики Дагестан: закон Республики Дагестан от 13.07.1995 № 1 (в ред. от 07.04.2017 № 20) // Дагестанская правда. 1995. 18 июля; О статусе депутата Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия: закон Республики Калмыкия от 04.07.2005 № 212-III-3 (в ред. от 06.07.2017 № 248-V-3) // Хальмг унн. 2005. 12 июля; О статусе депутата Законодательного Собрания Республики Карелия: закон Республики Карелия от 25.07.2002 № 612-ЗРК (в ред. от 02.02.2018 № 2210-ЗРК) // Карелия. 2002. 30 июля; О статусе Депутата Парламента Республики Северная Осетия-Алания: закон Республики Северная Осетия-Алания от 14.07.2008 № 34-ПЗ (в ред. от 28.12.2017 № 74-ПЗ) // Северная Осетия. 2008. 23 июля; О статусе депутата Государственного Совета Республики Татарстан: закон Республики Татарстан от 18.03.2004 № 15-ЗРТ (в ред. от 14.12.2017 № 91-ЗРТ) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2004. № 3 (I часть). Ст. 178; О статусе депутата Законодательного Собрания Пермского края: закон Пермского края от 06.03.2007 № 9-ПК (в ред. от 05.02.2018 № 188-ПК) // Собрание законодательства Пермского края. 2007. № 4.

²⁰ О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Санкт-Петербурга, и лицами, замещающими государственные должности Санкт-Петербурга, и соблюдения ограничений лицами, замещающими государственные должности Санкт-Петербурга: закон Санкт-Петербурга от 09.06.2010 № 296-79 (в ред. от 09.06.2016 № 335-57) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2010. № 22; О проверке достоверности и полноты сведений, представленных депутатами Законодательного Собрания Иркутской области о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, соблюдения депутатами Законодательного Собрания Иркутской области установленных ограничений и запретов: закон Иркутской области от 06.04.2012 № 32-ОЗ (в ред. от 27.02.2017 № 1-ОЗ) // Областная. 2012. 13 апреля; О сведениях о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Смоленской областной Думы: закон Смоленской области от 21.02.2012 № 13-з (в ред. от 28.12.2016 № 176-з) // Смоленская газета. 2012. 1 марта.

²¹ О комиссии Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Республики Алтай: закон Республики Алтай от 07.06.2013 № 30-ПЗ (в ред. от 11.03.2016 № 3-ПЗ) // Сборник законодательства Республики Алтай. 2013. № 100(106). С. 9; О комиссии Государственного Совета Удмуртской Республики по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Государственного Совета Удмуртской Республики: закон Удмуртской Республики от 15.03.2012 № 6-ПЗ (в ред. от 07.03.2018 № 5-ПЗ) // Известия Удмуртской Республики. 2012. 20 марта; О комиссии Законодательного Собрания Камчатского края по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания Камчатского края: закон Камчатского края от 07.03.2012 № 20 (в ред. от 06.03.2017 № 66) // Официальные Ведомости. 2012. 15 марта; О комиссии Законодательного Собрания Амурской области по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания Амурской области: закон Амурской области от 09.07.2012 № 71-ОЗ (в ред. от 22.12.2017 № 168-ОЗ) // Амурская правда. 2012. 10 июля; О комиссии Псковского областного Собрания депутатов по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Псковского областного Собрания депутатов: закон Псковской области от 05.03.2012 № 1149-ОЗ (в ред. от 09.03.2017 № 1753-ОЗ) // Псковская правда. 2012. 6 марта.

²² О Государственном Совете Чувашской Республики: закон Чувашской Республики от 23.07.2001 № 37 (в ред. от 13.02.2018 № 10) // Собрание законодательства Чувашской Республики. 2001. № 9-10. Ст. 330; О Законодательном Собрании Красноярского края: уставный закон Красноярского края от 29.01.2009 № 8-2864 (в ред. от 26.05.2016 № 10-4549) // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 2009. № 9(305); О Курганской областной Думе: закон Курганской области от 14.02.1995 № 3 (в ред. от 29.11.2017 № 102) // Новый мир. 1995. 14 марта.

²³ О противодействии коррупции в Костромской области: закон Костромской области от 10.03.2009 № 450-4-ЗКО (в ред. от 20.09.2017 № 286-6-ЗКО) // СП - нормативные документы. 2009. 13 марта.

²⁴ О комиссии Алтайского краевого Законодательного Собрания по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания: закон Алтайского края от 05.04.2012 № 16-ЗС (в ред. от 31.01.2018 № 1-ЗС) // Сборник законодательства Алтайского края. 2012. № 192. Ч. 1 (апрель). С. 38.

²⁵ О депутате Ярославской областной Думы: закон Ярославской области от 11.11.2013 № 58-з (в ред. от 31.10.2017 № 47-з) // Документ-Регион. 2013. 12 ноября.

ется в календарных днях²⁶, в других — в рабочих днях²⁷, в третьих просто указывается 14-дневный срок²⁸. Однако и из этого правила имеются исключения. В отдельных субъектах Российской Федерации устанавливаются иные сроки размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера на официальном сайте органа публичной власти в информационно-коммуникационной сети Интернет. Как правило, сроки размещения этих сведений увеличиваются до 30 дней²⁹ и даже до 40 дней³⁰. В отдельных случаях устанавливается конкретная дата, до которой эти сведения должны быть размещены на официальном сайте. Например, в Костромской области не позднее 15 апреля³¹, в Тюменской области не позднее 20 апреля³², в Амурской области размещение указано не позднее 25 апреля³³, в Курской области до 30 апреля³⁴, в Ростовской

области³⁵ и Пермском крае³⁶ до 1 июня, в то время как срок представления указанных сведений законодательно установлен до 1 апреля. Следовательно, сроки размещения сведений об имущественном положении отдельных категорий лиц и членов их семей на официальных сайтах органов публичной власти в информационно-коммуникационной сети Интернет варьируются от двух недель до двух месяцев.

Из общего порядка размещения на официальных сайтах органов публичной власти в информационно-коммуникационной сети Интернет сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера выделяются сроки размещения уточненных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, поданных в период их уточнения, установленного, как правило, в пределах календарного месяца. Если общая процедура их размещения не отличается от традиционного порядка, то сроки размещения могут существенно отличаться: 5 дней (Калининградская область³⁷), 14 дней (Чувашская Республика³⁸ и Архангельская область³⁹), 30 дней (Пермский край⁴⁰ и Псковская область⁴¹). Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в большинстве региональных законов вопросы сроков уточнения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и порядок их размещения на официальных сайтах органов публичной власти не урегулирован, что свидетельствует о наличии в нем существенных пробелов, требующих устранения.

В региональном антикоррупционном процессуальном законодательстве отсутствует указание на то, по какой форме размещается информация об имущественном состоянии отдельных категорий лиц на официальных сайтах органов публичной власти в информационно-коммуникационной сети Интернет. Должна ли эта форма быть единой для размещения на всех сайтах

²⁶ О Парламенте Кабардино-Балкарской Республики: закон Кабардино-Балкарской Республики от 10.12.2003 № 110-РЗ (в ред. от 17.03.2017 № 8-РЗ) // Кабардино-Балкарская правда. 2003. 17 декабря; О статусе депутата Народного Хурала Республики Бурятия: закон Республики Бурятия от 19.04.1995 № 113-1 (в ред. от 10.10.2017 № 2601-V) // Бурятия. 1995. 12 мая.

²⁷ О порядке размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера депутатов Законодательного Собрания Оренбургской области и членов их семей на официальном сайте Законодательного Собрания Оренбургской области и предоставления этих сведений средствами массовой информации для опубликования в связи с их запросами: закон Оренбургской области от 09.07.2012 № 919/280-V-ОЗ (в ред. от 17.11.2015 № 3467/980-V-ОЗ) // Оренбуржье. 2012. 19 июля

²⁸ О статусе депутата Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия: закон Республики Калмыкия от 04.07.2005 № 212-III-З (в ред. от 06.07.2017 № 248-V-З) // Хальмг унн. 2005. 12 июля; О муниципальной службе в Калужской области: закон Калужской области от 03.12.2007 № 382-ОЗ (в ред. от 28.12.2017 № 297-ОЗ) // Весть. 2007. 5 декабря.

²⁹ О статусе депутата Законодательного Собрания Вологодской области: закон Вологодской области от 03.02.2005 № 1224-ОЗ (в ред. от 29.05.2017 № 4156-ОЗ) // Законодательство Вологодской области. 2005. № 1. С. 52; О сведениях о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Смоленской областной Думы: закон Смоленской области от 21.02.2012 № 13-з (в ред. от 28.12.2016 № 176-з) // Смоленская газета. 2012. 1 марта.

³⁰ О комиссии Алтайского краевого Законодательного Собрания по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания: закон Алтайского края от 05.04.2012 № 16-ЗС (в ред. от 31.01.2018 № 1-ЗС) // Сборник законодательства Алтайского края. 2012. № 192. Ч. 1. С. 38.

³¹ О противодействии коррупции в Костромской области: закон Костромской области от 10.03.2009 № 450-4-ЗКО (в ред. от 20.09.2017 № 286-6-ЗКО) // СП - нормативные документы. 2009. 13 марта.

³² О комиссии Тюменской областной Думы по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Тюменской областной Думы: закон Тюменской области от 20.02.2012 № 14 (в ред. от 06.06.2017 № 35) // Тюменская область сегодня. 2012. 25 февраля.

³³ О комиссии Законодательного Собрания Амурской области по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания Амурской области: закон Амурской области от 09.07.2012 № 71-ОЗ (в ред. от 22.12.2017 № 168-ОЗ) // Амурская правда. 2012. 10 июля.

³⁴ О статусе депутата Курской областной Думы: закон Курской области от 05.07.1997 № 17-ЗКО (в ред. от 30.11.2017 № 83-ЗКО) // Курская правда. 1997. 17 июля.

³⁵ О статусе депутата Законодательного Собрания Ростовской области: областной закон Ростовской области от 08.06.1994 № 1-ЗС (в ред. от 22.02.2018 № 1335-ЗС) // Наше время. 1994. 23 августа.

³⁶ О статусе депутата Законодательного Собрания Пермского края: закон Пермского края от 06.03.2007 № 9-ПК (ред. от 05.02.2018 № 188-ПК) // Собрание законодательства Пермского края. 2007. № 4.

³⁷ О представлении депутатами Калининградской областной Думы сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов (супруга) и несовершеннолетних детей: закон Калининградской области от 12.05.2012 № 102 (в ред. от 12.05.2016 № 530) // Калининградская правда. 2012. 19 мая.

³⁸ О Государственном Совете Чувашской Республики: закон Чувашской Республики от 23.07.2001 № 37 (в ред. от 13.02.2018 № 10) // Собрание законодательства Чувашской Республики. 2001. № 9-10. Ст. 330.

³⁹ О статусе депутата Архангельского областного Собрания депутатов: закон Архангельской области от 29.11.1995 № 22-18-ОЗ (в ред. от 20.12.2017 № 583-40-ОЗ) // Волна. 1995. 22 декабря.

⁴⁰ О статусе депутата Законодательного Собрания Пермского края: закон Пермского края от 06.03.2007 № 9-ПК (ред. от 05.02.2018 № 188-ПК) // Собрание законодательства Пермского края. 2007. № 4.

⁴¹ О комиссии Псковского областного Собрания депутатов по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Псковского областного Собрания депутатов: закон Псковской области от 05.03.2012 № 1149-ОЗ (в ред. от 09.03.2017 № 1753-ОЗ) // Псковская правда. 2012. 6 марта.

органов публичной власти субъекта Российской Федерации или каждый орган размещает её в соответствии с собственными требованиями. Такая неопределенность позволяет региональным органам власти предлагать и принимать собственные образцы процессуальных документов для размещения информации об имущественном положении отдельных категорий лиц на официальных сайтах в информационно-коммуникационной сети Интернет⁴².

Современное российское антикоррупционное законодательство, формируемое на принципе открытости и публичности деятельности по противодействию коррупции, предусматривает не только размещение на официальных сайтах органов публичной власти в информационно-коммуникационной сети Интернет сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера чиновников и членов их семей, но и публикацию этих сведений в средствах массовой информации по их запросам. Процедурные вопросы предоставления средствам массовой информации сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера чиновников и членов их семей в самом общем порядке регулируются упомянутым нами ранее Указом Президента РФ «Вопросы противодействия коррупции»⁴³. Этот федеральный нормативный правовой акт, как правило, является основой регионального законодательства по этому вопросу, определяющим порядок, условия и сроки предоставления средствам массовой информации запрашиваемых ими сведений об имущественном положении чиновников и членов их семей. Основной процедурный срок — это срок предоставления средствам массовой информации запрашиваемых сведений, если запрашиваемые сведения отсутствуют на официальном сайте органа публичной власти, установленный в 7 рабочих дней. В тоже время, обязательным условием предоставления

этих сведений является сообщение о нем служащему (работнику), в отношении которого поступил запрос в течение трех рабочих дней со дня его поступления. Вместе с тем, региональная практика правотворческой деятельности иногда складывается несколько иначе, отражая региональную специфику. Например, в Амурской области законом «О комиссии Законодательного Собрания Амурской области по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания Амурской области»⁴⁴ предусмотрено, что указанная комиссия рассматривает вопрос о предоставлении средства массовой информации сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера депутата и членов его семьи в течение 15 дней, после чего принимает по нему решение. При этом уведомляется в 3-дневный срок депутат, в отношении которого поступил запрос, а уже после рассмотрения этого вопроса на заседании комиссии в течение 10 рабочих дней дается письменный ответ средствам массовой информации о принятом решении. Фактически этим законом установлен 25-дневный срок представления средства массовой информации запрашиваемых данных. Аналогичный процедурный порядок предоставления средствам массовой информации сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера депутата и членов его семьи предусмотрен законодательством Республики Алтай⁴⁵.

В ряде российских регионов сроки предоставления средствам массовой информации сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера депутата и членов его семьи устанавливаются в иные сроки. Такими сроками могут быть 10 дней (Курская область⁴⁶), 15 дней (Тюменская область⁴⁷), 30 дней (Москва⁴⁸, Вологодская⁴⁹ и Кировская⁵⁰

⁴² О рекомендуемой форме сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственных гражданских служащих Томской области, замещающих должности государственной гражданской службы в исполнительных органах государственной власти Томской области, для размещения в информационно-коммуникационной сети Интернет на соответствующих официальных сайтах исполнительных органов государственной власти Томской области: распоряжение Администрации Томской области от 27.10.2014 № 755-ра (ред. от 27.11.2015 № 925-ра) // <http://docs.cntd.ru/document/467916807> (Дата обращения: 27.03.2018); Об утверждении требований к размещению сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа, на официальном сайте Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа, формы размещения таких сведений: постановление Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 16.04.2014 № 2048 (в ред. от 18.02.2015 № 2454) // Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. 2014. № 3; О размещении на официальных сайтах органов государственной власти Республики Хакасия, государственных органов Республики Хакасия, органов местного самоуправления в Республике Хакасия сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера: распоряжение Главы Республики Хакасия - Председателя Правительства Республики Хакасия от 10.04.2015 № 56-пп // <http://docs.cntd.ru/document/428516159> (Дата обращения: 27.03.2018).

⁴³ Вопросы противодействия коррупции: указ Президента РФ от 08.07.2013 № 613 (в ред. от 15.07.2015 № 364) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3813.

⁴⁴ О комиссии Законодательного Собрания Амурской области по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания Амурской области: закон Амурской области от 09.07.2012 № 71-ОЗ (в ред. от 22.12.2017 № 168-ОЗ) // Амурская правда. 2012. 10 июля.

⁴⁵ О комиссии Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Республики Алтай: закон Республики Алтай от 07.06.2013 № 30-ПЗ (в ред. от 11.03.2016 № 3-ПЗ) // Сборник законодательства Республики Алтай. 2013. № 100(106). С. 9.

⁴⁶ О статусе депутата Курской областной Думы: закон Курской области от 05.07.1997 № 17-ЗКО (в ред. от 30.11.2017 № 83-ЗКО) // Курская правда. 1997. 17 июля.

⁴⁷ О комиссии Тюменской областной Думы по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Тюменской областной Думы: закон Тюменской области от 20.02.2012 № 14 (в ред. от 06.06.2017 № 35) // Тюменская область сегодня. 2012. 25 февраля.

⁴⁸ О статусе депутата Московской городской Думы: закон г. Москвы от 13.07.1994 № 14-60 (в ред. от 27.12.2017 № 60) // Тверская, 13. 1994. 18-24 августа.

⁴⁹ О статусе депутата Законодательного Собрания Вологодской области: закон Вологодской области от 03.02.2005 № 1224-ОЗ (в ред. от 29.05.2017 № 4156-ОЗ) // Законодательство Вологодской области. 2005. № 1. С. 52.

⁵⁰ О статусе депутата Законодательного Собрания Кировской области: закон Кировской области от 14.02.2001 № 248-ЗО (ред. от

области), после получения соответствующего запроса, при условии, если запрашиваемые ими сведения отсутствуют на официальном сайте органа публичной власти.

Существенно отличаются процедурные вопросы обнародования размещения на официальных сайтах органов публичной власти в информационно-коммуникационной сети Интернет и публикация в средствах массовой информации сведений о несоблюдении отдельными категориями лиц (депутатами законодательных (представительных) органов государственной власти субъекта Российской Федерации) антикоррупционных требований (обязанностей, запретов и ограничений). Нарушения антикоррупционного и иного федерального и регионального законодательства указанными лицами могут выражаться:

- в представлении депутатом регионального законодательного (представительного) органа власти заведомо недостоверных или неполных сведений о доходах и расходах;
- в непредставлении депутатом сведений, предусмотренных законодательством;
- в представлении сведений с нарушением срока их представления;
- в несоблюдении депутатом установленных в целях противодействия коррупции иных обязанностей, ограничений, запретов и неисполнении требований.

Учитывая, что федеральными нормативными правовыми актами обнародование совершения депутатами законодательными (представительными) органами власти субъектов Российской Федерации коррупционных проступков не предусмотрено, региональные законодательные органы по собственной инициативе устанавливают порядок информирования об этом населения. В качестве **основания** для обнародования в средствах массовой коммуникации факта совершения депутатом законодательного (представительного) органа власти субъектов Российской Федерации коррупционного проступка является, как правило, **решение** соответствующей **комиссии** либо иного уполномоченного органа законодательного (представительного) органа власти по результатам проведенной служебной проверки, подтверждающий факт совершения депутатом коррупционного проступка. Решение комиссии оформляется отдельным документом, предусмотренным регламентом деятельности законодательного (представительного) органа власти либо правовым актом этого органа власти⁵¹.

После принятия комиссией или иным уполномоченным органом законодательного (представитель-

ного) органа власти решения о совершении депутатом коррупционного проступка оно направляется в аппарат законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации для его обнародования. Понимая важность, значимость и необходимость обнародования подобного рода сведений законодатели устанавливают сроки размещения этих сведений на официальных сайтах законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации либо предоставления этих сведений официальным средствам массовой информации для их публикации. В региональном законодательстве нет единых сроков обнародования подобной информации, поскольку каждый субъект устанавливает их самостоятельно с учетом особенностей функционирования информационных ресурсов и периодичности выхода в свет официальных средств массовой информации. Например, в Сахалинской области установлен семидневный срок представления газете «Губернские ведомости» для опубликования информации о представлении депутатом Сахалинской областной Думы заведомо недостоверных или неполных сведений о доходах, расходах, об имуществе, обязательствах имущественного характера и источниках получения средств, за счет которых совершена сделка, подлежащая контролю со дня её предоставления комиссией уполномоченному подразделению по предоставлению средств массовой информации для опубликования принимаемых ею решений⁵². К сожалению, в этом законе имеется очевидный изъян: вне правового регулирования оказался порядок и срок передачи решений из комиссии Сахалинской областной Думы по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Сахалинской областной Думы уполномоченному подразделению для его размещения.

В Алтайском крае срок размещения на официальном сайте и представления официальным средствам массовой информации для публикации информации о непредставлении депутатом сведений, предусмотренных законодательством о противодействии коррупции и о представлении этих сведений с нарушением срока, устанавливается в 3 дня после принятия решения комиссией Алтайского краевого Законодательного Собрания по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания⁵³. Такой же срок обнародования аналогичных сведений, предусмотрен законода-

30.11.2016 № 20-ЗО) // Вестник Кировской областной Думы и администрации области. 2001. № 1(34).

⁵¹ О заключении Комиссии Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан пятого созыва по контролю за достоверностью сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, по результатам проверки сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных депутатами Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, за 2014 год: постановление Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан от 17.09.2015 № ГС-1300 // Ведомости Государственного Собрания — Курултая, Главы и Правительства Республики Башкортостан. 2015. № 29(503). Ст. 1223.

⁵² О размещении сведений о доходах, расходах, об имуществе, обязательствах имущественного характера и иных сведений и информации, связанных с доходами и расходами, на официальных сайтах государственных органов Сахалинской области и предоставлении этих сведений средствам массовой информации для опубликования: закон Сахалинской области от 15.07.2013 № 86-ЗО (в ред. от 21.12.2015 № 121-ЗО) // Губернские ведомости. 2013. 20 июля.

⁵³ О комиссии Алтайского краевого Законодательного Собрания по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания: закон Алтайского края от 05.04.2012 № 16-ЗС (в ред. от 31.01.2018 № 1-ЗС) // Сборник законодательства Алтайского края. 2012. № 192. Ч. 1 (апрель). С. 38.

тельством Астраханской области⁵⁴. В Иркутской области данный срок установлен в 5 дней⁵⁵, в Курганской,⁵⁶ Тюменской⁵⁷ и Псковской⁵⁸ областях, а также в Ямало-Ненецком автономном округе⁵⁹ данный срок установлен в 7 дней со дня заседания соответствующей комиссии. В Камчатском крае срок размещения решения комиссии Законодательного Собрания Камчатского края по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания Камчатского края установлен в 10 дней со дня принятия решения⁶⁰. Аналогичный срок указан в законодательстве Волгоградской⁶¹ и Ярославской⁶² областей. В Новосибирской области установлен 14-дневный срок размещения информации на сайте и представление официальным средствам массовой информации⁶³.

⁵⁴ О статусе депутата Думы Астраханской области: закон Астраханской области от 22.07.2003 № 35/2003-ОЗ (в ред. от 03.04.2017 № 15/2017-ОЗ) // Астраханские известия. 2003. 14 августа.

⁵⁵ О проверке достоверности и полноты сведений, представленных депутатами Законодательного Собрания Иркутской области о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, соблюдения депутатами Законодательного Собрания Иркутской области установленных ограничений и запретов: закон Иркутской области от 06.04.2012 № 32-ОЗ (в ред. от 27.02.2017 № 1-ОЗ) // Областная. 2012. 13 апреля.

⁵⁶ О Курганской областной Думе: закон Курганской области от 14.02.1995 № 3 (в ред. от 29.11.2017 № 102) // Новый мир. 1995. 14 марта.

⁵⁷ О комиссии Тюменской областной Думы по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Тюменской областной Думы: закон Тюменской области от 20.02.2012 № 14 (в ред. от 06.06.2017 № 35) // Тюменская область сегодня. 2012. 25 февраля.

⁵⁸ О комиссии Псковского областного Собрания депутатов по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Псковского областного Собрания депутатов: закон Псковской области от 05.03.2012 № 1149-ОЗ (в ред. от 09.03.2017 № 1753-ОЗ) // Псковская правда. 2012. 6 марта.

⁵⁹ О Комиссии Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа, и вопросам депутатской деятельности: закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 11.03.2016 № 6-ЗАО // Красный Север. 2016. 18 марта.

⁶⁰ О комиссии Законодательного Собрания Камчатского края по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания Камчатского края: закон Камчатского края от 07.03.2012 № 20 (в ред. от 06.03.2017 № 66) // Официальные Ведомости. 2012. 15 марта.

⁶¹ О статусе депутата Волгоградской областной Думы: закон Волгоградской области от 08.11.1994 № 12-ОД (в ред. от 28.03.2017 № 24-ОД) // Волгоградская правда. 1994. 17 ноября.

⁶² О депутате Ярославской областной Думы: закон Ярославской области от 11.11.2013 № 58-з (в ред. от 31.10.2017 № 47-з) // Документ-Регион. 2013. 12 ноября.

⁶³ О комиссии Законодательного Собрания Новосибирской области по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания Новосибирской области: закон Новосибирской области от 29.03.2012 № 203-ОЗ (в ред. от 05.07.2017 № 181-ОЗ) // Советская Сибирь. 2012. 6 апреля.

В Томской и Смоленской⁶⁴ областях данный срок установлен в 30 дней⁶⁵. Вместе с тем, в большинстве законов субъектов Российской Федерации, регулирующих вопросы обнародования фактов совершения коррупционных проступков депутатами законодательных (представительных) органов власти процедурные вопросы обнародования не указываются, а лишь фиксируется необходимость доведения до населения этой информации через средства массовой коммуникации. Принимаемые органами публичной власти подзаконные нормативные правовые акты не раскрывают содержание процессуальных вопросов обнародования фактов не соблюдения депутатами законодательных (представительных) органов антикоррупционных обязанностей, запретов, ограничений и требований. Они лишь конкретизируют степень участия подразделений обеспечивающих деятельность законодательных (представительных) органов субъекта Российской Федерации в обнародовании этой информации с указанием конкретного официального средства массовой информации в котором должна быть она опубликована⁶⁶ либо дублируются положения норм, закрепленных в законодательстве⁶⁷. Изложенное свидетельствует о том, что в российских регионах, где предусмотрено информирование населения о неисполнении депутатами антикоррупционных требований, отсутствует единство подходов к обнародованию фактов не соблюдения депутатами законодательных (представительных) органов антикоррупционных требований (обязанностей, запретов и ограничений). В связи с этим

⁶⁴ О сведениях о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Смоленской областной Думы: закон Смоленской области от 21.02.2012 № 13-з (в ред. от 28.12.2016 № 176-з) // Смоленская газета. 2012. 1 марта.

⁶⁵ О порядке размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные должности Томской области, государственных гражданских служащих Томской области и предоставления этих сведений общероссийским средствам массовой информации для опубликования: закон Томской области от 19.06.2012 № 101-ОЗ (в ред. от 15.05.2015 № 68-ОЗ) // Собрание законодательства Томской области. 2012. № 6/2(83).

⁶⁶ Об утверждении Положения о Комиссии Народного Хурала Республики Бурятия по контролю за достоверностью сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Народного Хурала Республики Бурятия: постановление Народного Хурала Республики Бурятия от 27.02.2018 № 2925-V // Официальный Интернет-портал Народного Хурала Республики Бурятия www.hural-buryatia.ru, 01.03.2018; Об утверждении Положения о Комиссии Законодательного Собрания Республики Карелия по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания Республики Карелия: постановление Законодательного Собрания Республики Карелия от 21.09.2017 № 408-VI ЗС // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 26.09.2017.

⁶⁷ Об официальном сайте Московской городской Думы: постановление Московской городской Думы от 25.04.2012 № 81 (в ред. от 26.04.2017 № 62) // Ведомости Московской городской Думы. 2012. № 5. Ст. 95; О комиссии Законодательного Собрания Свердловской области по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания Свердловской области: постановление Законодательного Собрания Свердловской области от 18.04.2012 № 273-ПЗС (в ред. от 09.02.2016 № 2714-ПЗС) // Собрание законодательства Свердловской области. 2012. № 4-2. Ст. 617.

требуются меры по совершенствованию этого законодательства и его систематизации.

Выводы по результатам проведенного исследования

Проведенное нами сравнительно-правовое исследование позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, в субъектах Российской Федерации активно формируется межотраслевой институт «антикоррупционное процессуальное законодательство, регулирующее порядок информирования населения об имущественном состоянии отдельных категорий лиц (чиновников и членов их семей) и соблюдении ими антикоррупционных требований». Однако этот правовой институт законодательно закреплён не во всех субъектах Российской Федерации, в большинстве российских регионов его нормы размещены в подзаконных нормативных правовых актах, различной отраслевой принадлежности.

Во-вторых, формирующееся региональное антикоррупционное процессуальное законодательство, регулирующее порядок информирования об имуществен-

ном состоянии отдельных категорий лиц (чиновников и членов их семей) и соблюдении ими антикоррупционных требований неоднородно, противоречиво, имеет разную смысловую нагрузку, размещено в различных отраслях регионального законодательства, поэтому оно нуждается в систематизации.

В-третьих, региональное антикоррупционное процессуальное законодательство, регулирующее порядок информирования об имущественном состоянии отдельных категорий лиц (чиновников и членов их семей) и соблюдении ими антикоррупционных требований нуждается в законодательном закреплении во всех субъектах Российской Федерации.

В-четвертых, действующее региональное антикоррупционное процессуальное законодательство, регулирующее порядок информирования населения об имущественном состоянии отдельных категорий лиц (чиновников и членов их семей) и соблюдении ими антикоррупционных требований противоречиво, имеет существенные пробелы в правовом регулировании, а поэтому нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Литература

1. Бобков С.П. Опубликование сведений о доходах глав муниципальных образований // *Законность*. 2013. № 11. С. 13—14.
2. Гончарук Н.С. Обеспечение прозрачности сведений о доходах и имущественном состоянии государственных гражданских служащих как фактор противодействия коррупции в системе государственной службы // *Гражданско-правовое регулирование общественных отношений в современной России: Сборник научных статей и докладов III и IV Международной научно-практической конференции*. Орел, 2015. С. 38—44.
3. Кулаченко Д.А. Некоторые аспекты опубликования сведений о доходах глав муниципальных образований // *Инновационное развитие современной науки: сборник статей Международной научно-практической конференции* / отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2014. С. 122—124.
4. Зайцева Г. Новый уровень прозрачности: раскрытие руководителями сведений о доходах // *Автономные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение*. 2013. № 7. С.7—12.
5. Зыкова Т. Покажи доходы, директор! // *Российская газета*. 2012. 31 декабря.
6. Чагин К.Г. Прозрачность доходов руководителей государственных и муниципальных учреждений: новые правила // *Руководитель бюджетной организации*. 2013. № 4. С.12—16.
7. Овчаренко Р.К. Обеспечение прозрачности доходов гражданских служащих // *Повышение эффективности форм и методов распространения среди населения знаний по вопросам экономической и финансовой безопасности России, борьбы с теневыми доходами, противодействия финансированию терроризма, экстремизма, антигосударственной и деструктивной деятельности: Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции* / Под ред. А.У. Альбекова. М., 2017. С.197—200.

Особенности правовой оценки мнимой обороны

Меркурьев В. В., Тараканов И. А.¹

Ключевые слова: необходимая оборона, мнимая оборона, субъективное восприятие, фактическая ошибка, извинительная ошибка, действительность посягательства, реальное посягательство, обстановка посягательства, субъективный критерий, объективный критерий, невиновное причинение вреда, добросовестное заблуждение, причинение вреда.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению особенностей учета субъективного восприятия обороняющегося лица при квалификации действий, совершенных при мнимой обороне. Анализируется понятие мнимой обороны, отмечается, что такое понятие в тексте действующего Уголовного кодекса РФ отсутствует. Подвергаются исследованию разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно мнимой обороны, на основе данных разъяснений выделяются три ситуации мнимой обороны, влекущие различные правовые последствия для причинителя вреда. На основе данного исследования выделяются объективный и субъективный критерии ситуации мнимой обороны, анализируется их взаимосвязь и специфика правовой оценки. Аргументируется утверждение о том, что субъективное восприятие обороняющимся лицом ситуации при мнимой обороне во многом зависит от обстановки, в которой якобы происходит посягательство. Анализируется характер фактической ошибки, допускаемой обороняющимся лицом в каждой из трех рассматриваемых ситуаций мнимой обороны, рассматривается влияние этой ошибки на квалификацию оборонительных действий. На основе проведенного анализа выдвигается утверждение о том, что все не устраненные сомнения в возможности и обязанности обороняющегося осознавать отсутствие реального посягательства должны толковаться в пользу данного лица, что позволит избежать обвинительного уклона при квалификации.

DOI: [10.21681/2226-0692-2018-2-15-19](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-2-15-19)

Необходимая оборона является субъективным естественным правом каждого человека, закрепленным Конституцией Российской Федерации. Чтобы оборонительные действия не стали преступными, они должны соответствовать ряду требований, которые в теории уголовного права получили название условий правомерности необходимой обороны. Одним из таких условий выступает требование о том, чтобы отражаемое посягательство было действительным, а не мнимым. Действительность посягательства связывается с реальной возможностью (способностью) причинения вреда охраняемым уголовным правом общественным отношениям. Отсутствие этого условия позволяет говорить о мнимой обороне — защите от воображаемого (не реального) посягательства².

Следует заметить, что в тексте статьи 37 УК РФ словосочетание «мнимая оборона» не встречается. Отмечая это, И.Д. Трофимова утверждает следующее: «Мнимая оборона — это не уголовно-правовая категория, она не предусмотрена УК РФ. Это научное понятие,

призванное разобраться в случаях, когда «оборона» не укладывается в рамки ст. 37 УК РФ»³.

Более того, в теории уголовного права данный термин подвергался критике. Так, Р.М. Юсупов утверждал, что «сам термин «мнимая оборона» является неточным, поскольку в подобных ситуациях действия лица, направленные на пресечение посягательства и заключающиеся в причинении вреда, вполне реальны, а воображаемым, кажущимся является как раз посягательство»⁴. Аналогичного мнения придерживался В.И. Ткаченко, предлагая говорить не о «мнимой обороне», а об «обороне от мнимого посягательства»⁵.

Под мнимой обороной Н.Н. Паше-Озерский понимал «оборону против воображаемого, кажущегося, но в действительности (объективно) несуществующего

³ Трофимова И.Д. Мнимая оборона как разновидность фактической ошибки // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2016. № 5. С. 79.

⁴ Юсупов Р.М. Оборона от мнимого посягательства // Вестник Московского университета МВД России. 2003. № 1. С. 47.

⁵ Ткаченко В.И. Теоретические основы необходимой обороны и квалификации преступлений, совершенных при превышении ее пределов: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1982. С. 290.

² Волков К.А. Необходимая оборона в деятельности полиции: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2013. № 4. С. 13.

¹ Меркурьев Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВЮИ ФСИН России, старший советник юстиции, г. Владимир, Российская Федерация.

E-mail: upik@vui.vladinfo.ru

Тараканов Илья Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВЮИ ФСИН России, подполковник внутренней службы, г. Владимир, Российская Федерация.

E-mail: upik@vui.vladinfo.ru

посягательства, то есть результат ошибки⁶. Сходного мнения придерживался Э.В. Кабурнеев: «Под мнимой обороной понимается причинение вреда лицу, ошибочно принятому за преступника»⁷.

Упоминание о мнимой обороне находит свое отражение в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»⁸: «Судам необходимо различать состояние необходимой обороны и состояние мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо ошибочно предполагает его наличие».

В тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны. При этом лицо, превысившее пределы защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, подлежит ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

В тех случаях, когда лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, его действия подлежат квалификации по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности.

Если же общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала лицу оснований полагать, что оно происходит, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях».

Сходные положения содержались в п. 13 ранее действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»⁹.

Данное сходство отмечается Ю.А. Тимошенко: «Из ранее действовавшего Постановления... были заимствованы, правда, с некоторыми дополнениями и уточнениями, положения, касающиеся мнимой обороны, то есть ситуаций, когда отсутствовало реальное общественно опасное посягательство, а лицо ошибочно предполагало его наличие»¹⁰.

Толкование содержания п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О приме-

нении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» позволяет выделить три ситуации мнимой обороны:

1. Мнимая оборона с извинительной ошибкой.
2. Мнимая оборона с ошибкой, не исключающей уголовную ответственность.
3. Мнимая оборона, влекущая уголовную ответственность на общих основаниях.

Следует заметить, что при конструировании ситуаций мнимой обороны используется как минимум два критерия, один из которых связан с субъективным восприятием обороняющегося лица, а другой — с обстановкой мнимого посягательства.

О таких критериях уже упоминалось в юридической литературе. Так, Д. Птащенко по этому поводу указывал следующее: «Необходимо отметить, что при определении мнимой обороны правоприменительная практика СССР делала акцент на субъективный критерий: «Суды должны различать состояние необходимой обороны и так называемой мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо лишь ошибочно предполагает наличие такого посягательства» (абз. 1 п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»). Однако Пленум Верховного Суда СССР для уголовно-правовой оценки и признания определенной ситуации мнимой обороны учитывал и объективный критерий. В соответствии с абз. 2-3 п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 именно объективный критерий являлся основанием для разграничения квалификации добросовестного и недобросовестного заблуждения в ситуации мнимой обороны. Подобный подход был избран и Пленумом Верховного Суда РФ (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»)¹¹.

Таким образом, при квалификации действий, совершенных в состоянии мнимой обороны, следует учитывать два критерия:

- 1) возможность и обязанность лица осознавать мнимость посягательства (субъективный критерий);
- 2) наличие обстановки, обуславливающей возможность совершения фактической ошибки относительно действительности посягательства (объективный критерий).

Для каждой из трех вышеуказанных ситуаций мнимой обороны общим является то, что обороняющееся лицо причиняет вред, ошибочно полагая, что имеет место реальное (действительное) посягательство. Таким образом, в основе каждой из рассматриваемой ситуации лежит фактическая ошибка обороняющегося лица относительно наличия общественно опасного посягатель-

⁶ Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 100.

⁷ Кабурнеев Э.В. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 44.

⁸ Российская газета. № 227. 03.10.2012.

⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. № 5. 1984. С. 9-13.

¹⁰ Тимошенко Ю.А. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации // Прокурор. 2013. № 1. С. 42.

¹¹ Птащенко Д. Мнимая оборона в уголовном праве государств-участников Содружества Независимых Государств: особенности судебного толкования // Уголовное право. 2013. № 6. С. 52.

ства. На это обращает внимание А.В. Разилова, отмечая, что «вопрос об уголовной ответственности при мнимой обороне решается по правилам извинительной и неизвинительной ошибки»¹². Аналогичного мнения придерживается Б.Б. Галиев: «Причиной мнимой обороны может быть ошибка обороняющегося относительно ряда объективных обстоятельств, а потому юридические последствия мнимой обороны оцениваются по общим правилам о фактической ошибке»¹³.

Соглашаясь с наличием возможности существования извинительной ошибки, Егорова Н.А. и Гордейчик С.А. в то же время предлагают не обращаться к положениям статьи 37 УК РФ при квалификации деяний, совершенных в состоянии мнимой обороны: «Сомнительными видятся правила квалификации деяния как совершенного в состоянии необходимой обороны при извинительной ошибке лица, а также как превышения пределов необходимой обороны — при превышении пределов защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия... Для оценки содеянного как совершенного в ситуации необходимой обороны (с соблюдением всех условий правомерности причинения вреда либо с превышением пределов необходимой обороны) нет никаких оснований, так как общественно опасного посягательства нет, и необходимая оборона объективно не существует. В первом случае (т.е. когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства) имеет место невиновное причинение вреда (ст. 28 УК); во втором — обычное умышленное преступление»¹⁴.

Однако представляется справедливым мнение, высказанное К.И. Поповым: «Неприменение к рассматриваемым случаям мнимой обороны правил о необходимой обороне оставляло бы неясным вопрос о том, почему при извинительной ошибке о наличии посягательства обороняющийся, совершивший объективно общественно опасное деяние, в одном случае освобождается от уголовной ответственности за отсутствием состава преступления, а в другом — подлежит наказанию»¹⁵.

Тем не менее, правовая оценка такой ошибки, в зависимости от субъективного и объективного критериев мнимой обороны, может быть весьма различной. На это указывает А.В. Неврев: «Нельзя приступать к оборонительным действиям, полагаясь лишь на впечатление. Не исключено, однако, что лицо в силу каких-то причин

ошибочно принимает то или иное поведение за посягательство и действует как в состоянии необходимой обороны»¹⁶.

Следует учитывать как субъективный, так и объективный критерии мнимой обороны. Представляется недопустимым оценивать правомерность причинения вреда при мнимой обороне, основываясь лишь на показаниях оборонявшегося лица. В связи с этим следует признать справедливым мнение Д. Птащенко: «На наш взгляд, необоснованно вкладывать в уголовно-правовое понимание мнимой обороны исключительно субъективный критерий, как это предлагают некоторые представители науки уголовного права: с целью ухода от уголовной ответственности причинители вреда будут ссылаться на мнимую оборону при ее фактическом отсутствии»¹⁷.

В то же время следует заметить, что субъективное восприятие обороняющимся лицом ситуации при мнимой обороне во многом зависит от обстановки, в которой якобы происходит посягательство. Заблуждение оборонявшегося о наличии общественно опасного посягательства должно быть обусловлено такими элементами указанной обстановки, которые позволяли бы предполагать присутствие угрозы охраняемым уголовным законом правам и интересам. По этому поводу Е.В. Лукки справедливо замечает: «Для того, чтобы оценить оборону как мнимую, необходимо, чтобы реально существовали обстоятельства, внешне сходные с общественно опасным посягательством, и имелась ошибка самого лица в оценке общественной опасности деяния»¹⁸.

Первая ситуация мнимой обороны основана на добросовестном заблуждении оборонявшегося, обусловленном обстановкой, признаки которой создавали достаточное основание полагать, что имеет место общественно опасное посягательство. О такой ситуации весьма подробно говорил М.А. Фомин: «Хотелось бы заметить, что подобного рода мнимая оборона имеется лишь тогда, когда «обороняющийся» добросовестно заблуждается не по своей вине. Если в силу сложившейся обстановки он имел достаточные основания полагать, что подвергается реальному нападению, и поэтому решил защищаться, то вины нет, а следовательно, отпадает и вопрос об уголовной ответственности. Действия, которые были правомерными в условиях реального общественно опасного посягательства, не могут быть поставлены в вину, если «обороняющийся» не только не сознавал, но и не мог сознавать ошибочности своего предположения о наличии нападения. Его не за что наказывать, так как и при должной внимательности он не мог не принять кажущееся нападение за действительно происходящее»¹⁹.

¹² Разилова А.В. Мнимая оборона в уголовном праве России // Евразийский научный журнал. 2016. № 5. С. 237.

¹³ Галиев Б.Б. Вопросы квалификации правомерности причинения вреда при мнимой обороне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 192.

¹⁴ Егорова Н.А., Гордейчик С.А. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление // Законность. 2013. № 2. С. 18.

¹⁵ Попов К.И. Эксцесс обороны и мнимая оборона // Право и государство: теория и практика. 2010. № 9. С. 113.

¹⁶ Неврев А.В. Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 79.

¹⁷ Птащенко Д. Мнимая оборона в уголовном праве государств-участников Содружества Независимых Государств: особенности судебного толкования // Уголовное право. 2013. № 6. С. 52.

¹⁸ Лукки Е.В. Понятие мнимой обороны в российском уголовном праве // Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. № 4(167). С. 166.

¹⁹ Фомин М.А. Проблемы совершенствования института необходимой обороны в уголовном праве России. Дис. ... канд. юрид. наук.

Иными словами, рассматриваемая ситуация мнимой обороны предполагает наличие извинительной ошибки. О такой ошибке А.В. Неврев указывал: «В целом извинительной ошибкой при мнимой обороне является такое заблуждение, когда у обороняющегося были достаточные основания усмотреть наличие и источник посягательства. В положительном случае имеет место невинное причинение вреда»²⁰.

В основе квалификации оборонительных действий при второй ситуации мнимой обороны лежит определение такого вида неосторожности, как небрежность. Обороняющееся лицо не осознавало мнимости посягательства, однако хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло это осознать. Происходит фактическая ошибка относительно правомерности причиняемого вреда, что позволяет признать данный вред причиненным по неосторожности. При этом следует учесть, что неосторожное причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью не влечет уголовной ответственности.

Для третьей же ситуации мнимой обороны субъективное восприятие оборонявшимся наличия посягательства вообще не основано на объективных признаках обстановки. По этому поводу А.А. Арямов справедливо указывает, что «не спровоцированное насилие, вызванное исключительно повышенной мнительностью квази-обороняющегося при отсутствии реальных признаков нападения, когда с точки зрения обыкновенного разумного человека в конкретной обстановке ничего не предвещало нападения, должно оцениваться как умышленное преступление на общих основаниях»²¹.

В то же время представляется недопустимым требовать от обороняющегося лица воспринимать ситуацию мнимой обороны максимально спокойно и объективно, поскольку она, как правило, отличается внезапностью и неопределенностью. Вследствие этого все не устраненные сомнения в возможности и обязанности обороняющегося осознать отсутствие реального посягательства должны толковаться в пользу данного лица, что позволит избежать обвинительного уклона при квалификации. Поэтому следует признать справедливым мнение, высказанное Э.В. Кабурнеевым: «При мнимой обороне решающее значение принадлежит анализу субъективного восприятия обстановки обороняющимся»²².

Квалификация оборонительных действий при мнимой обороне, равно как и установление наличия ситуации мнимой обороны, вызывает проблемы в следственно-судебной практике. Так, приговором Малоярославецкого районного суда Калужской области от 6 ноября 2014 года В.А. Усанов был осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ к десяти годам лишения свободы с отбыванием

наказания в колонии строгого режима (судебный номер дела № 1-143/2014).

Судом было установлено, что между В.А. Усановым и погибшим А.Е. Календиным незадолго до производства выстрела, повлекшего смерть последнего, произошла ссора. В ходе данной ссоры Календин достал из автомобиля предмет, похожий на пистолет, который спрятал под футболку, продолжая держать его правой рукой. Затем, со слов Усанова, Календин выкрикнул: «Давай на опережение!» и сделал резкое движение, которое Усанов воспринял как готовность стрелять. После этого Усанов произвел выстрел в область правого бедра Календина, причинив тем самым огнестрельное дробное ранение, которое явилось опасным для жизни и в результате обильной массивной кровопотери повлекло смерть потерпевшего.

С приговором суда был не согласен адвокат М.С. Крутер, который указывал: «Даже если согласиться... что у А.М. Календина не было пистолета, то предмет, похожий на пистолет, находился у него под футболкой. Мог ли в таких конкретных экстремальных обстоятельствах предполагать В.А. Усанов, что находится у Календина под футболкой: кулак, пистолет и каковы будут последующие действия пьяного, огромного, агрессивно настроенного человека? Безусловно, нет»²³.

Квалифицировать действия Усанова как совершенные в состоянии мнимой обороны предлагал Э.Ф. Побегайло: «Поскольку по делу существуют пока еще неустраняемые противоречия в оценке поведения А.М. Календина непосредственно перед причинением ему вреда (шел ли он к В.А. Усанову с агрессивными намерениями, угрожал ли он ему причинением физического вреда, был ли при нем пистолет), необходимо остановиться на варианте, при котором угроза посягательства существовала лишь в воображении В.А. Усанова (по правилам о так называемой мнимой обороне, т.е. обороне против воображаемого, кажущегося, но в действительности не существующего посягательства). В теории уголовного права и правоприменительной практике юридические последствия мнимой обороны определяются по общим правилам о фактической ошибке»²⁴.

При этом Э.Ф. Побегайло обращает внимание на заключение специалиста-психолога И.А. Кудрявцева, сделанного по рассматриваемому уголовному делу. Согласно данному заключению «смысловое содержание сознания обвиняемого В.А. Усанова определялось переживаниями смертельной угрозы, исходящей от А.М. Календина... Это, как видно из особенностей восприятия актуальной ситуации и переживаний В.А. Усанова в этот период, до предела обострило страх, обусловило преувеличение степени угрозы поведения А.М. Календина, определило интерпретацию (толкование) исходящей от него опасности как смертельной и неотвратимой, расширило ее смысловое поле. Это детерминировало актуальное восприятие и смысловую оценку В.А. Усановым

М., 2000. С. 69-70.

²⁰ Неврев А.В. Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 79.

²¹ Арямов А.А. Правомерное причинение вреда. Челябинск, 2004. С. 74.

²² Кабурнеев Э.В. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 44-45.

²³ Крутер М.С. Проблема судопроизводства о необходимой обороне по уголовному делу В.А. Усанова // Публичное и частное право. Выпуск I (XXIX) январь-март. М., 2016. С. 123.

²⁴ Побегайло Э.Ф. Заключение специалиста-правоведа по уголовному делу В.А. Усанова // Публичное и частное право. Выпуск I (XXIX) январь-март. М., 2016. С. 146.

угрожающего поведения А.М, Календина как реальную опасность не только для своей жизни, но и для жизни приехавших с ним лиц».

Вышеизложенное позволяет усматривать в действиях В.А. Усманова признаки мнимой обороны, что требует квалификации его действий либо как совершенных по неосторожности (при условии, что В.А. Усманов мог и должен был осознавать отсутствие действительно общественно опасного посягательства), либо как невиновное причинение вреда при извинительной ошибке.

Правильное применение положений уголовного законодательства о необходимой обороне позволит избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, реализующих свое естественное право на необходимую оборону. Это, в свою очередь, обеспечит рост уровня доверия населения к правоохранительным органам, а также укрепит уверенность граждан в допустимости отражения общественно опасных посягательств своими силами.

Литература

1. Волков К.А. Необходимая оборона в деятельности полиции: вопросы теории и судебной практики / К.А. Волков // Российский судья. 2013. № 4.
2. Галиев Б.Б. Вопросы квалификации правомерности причинения вреда при мнимой обороне / Б.Б. Галиев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1.
3. Егорова Н.А. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление / Н.А. Егорова, С.А. Гордейчик // Законность. 2013. № 2.
4. Крутер М.С. Проблема судопроизводства о необходимой обороне по уголовному делу В.А. Усанова / М.С. Крутер // Публичное и частное право. Выпуск I (XXIX) январь-март. М., 2016.
5. Кудрявцев И.А. Заключение специалиста-психолога по уголовному делу В.А. Усанова / И.А. Кудрявцев // Публичное и частное право. Выпуск I (XXIX) январь-март. М., 2016.
6. Лукки Е.В. Понятие мнимой обороны в российском уголовном праве / Е.В. Лукки // Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. № 4(167).
7. Побегайло Э.Ф. Заключение специалиста-правоведа по уголовному делу В.А. Усанова / Э.Ф. Побегайло // Публичное и частное право. Выпуск I (XXIX) январь-март. М., 2016.
8. Птащенко Д. Мнимая оборона в уголовном праве государств-участников Содружества Независимых Государств: особенности судебного толкования / Д. Птащенко // Уголовное право. 2013. № 6.
9. Разилова А.В. Мнимая оборона в уголовном праве России / А.В. Разилова // Евразийский научный журнал. 2016. № 5.
10. Тимошенко Ю.А. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации / Ю.А. Тимошенко // Прокурор. 2013. № 1.
11. Трофимова И.Д. Мнимая оборона как разновидность фактической ошибки / И.Д. Трофимова // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2016. № 5.

²⁵ Кудрявцев И.А. Заключение специалиста-психолога по уголовному делу В.А. Усанова // Публичное и частное право. Выпуск I (XXIX) январь-март. М., 2016. С. 136.

Законодательное использование категории «насилие»

Потёмкина А. Т.¹

Ключевые слова: уголовное право, преступление, законодатель, закон, преступное насилие, физическое насилие, психическое насилие, потерпевший, общественная опасность, правовое регулирование, противодействие.

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы правового регулирования преступного насилия в России. Представлены дефиниции отражающие основное содержание термина «насилие», проанализированы разновидности преступного насилия, в частности, дана юридическая характеристика физического и психического насилия в уголовном праве. Определены юридические границы и признаки преступного насилия, проанализированы способы совершения преступного насилия. Автором раскрыты действующие уголовно-правовые нормы, регулирующие ответственность за насильственные преступления; основные аспекты, связанные с определением доли насильственных преступлений, вне зависимости от объекта посягательства, в числе всех преступлений. Затронуты такие репрезентативные материалы, как данные специальных переписей осужденных, которые в свою очередь позволили определить долю осужденных, отбывавших лишение свободы на момент переписи за преступления против личности в зависимости от категории деяния, долю осужденных за насильственные преступления против собственности, отбывавших наказание в тюрьмах, а также составить криминологический портрет осужденных в воспитательных колониях, отбывавших наказание за насильственные преступления против личности. По мнению автора, эти данные подтверждают актуальность обращения к насилию как уголовно-правовой категории.

DOI: 10.21681/2226-0692-2018-2-20-24

Проблема насилия является одной из самых сложных и серьезных проблем общества. Насилие существует во всех странах мира, оно присуще различным социальным группам и оно не зависит ни от уровня доходов, ни от этнического происхождения, оно может приобретать различные формы [1, с. 18—27], существовало и существует во всех сферах жизнедеятельности человека и на любом уровне общественных отношений [9, с. 29—33]. Насильственное поведение появилось, как один из способов разрешения конфликтов между индивидуумами, что в итоге развило его на уровне общества. Сфера применения насилия в современном мире остается чрезвычайно широкой — «от банального бытового насилия в семье до изощренного научно и технически обеспеченного вооруженного насилия в международных отношениях»².

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД РФ в январе—декабре 2018 года было зарегистрировано 295212 преступлений совершенных против личности, из них 9738 это убийство и покушение на убийство, 24552 умышленное причинение тяжкого

вреда здоровью, 3538 изнасилование и покушение на изнасилование³. Как мы видим, уровень насильственной преступности остается высоким, что позволяет утверждать, что проблема преступного насилия заслуживает серьезного внимания.

Действующий УК РФ предусматривает ответственность за различные по степени тяжести насильственные преступления, исходя из их степени общественной опасности. Юридическая квалификация содеянного во многом зависит от точного определения степени тяжести вреда⁴, причиненного человеку. Поэтому правильное решение этого вопроса обеспечивает реализацию принципов уголовного права, и, прежде всего, законности. Без сомнения, этого требует и социальная

² Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 193.

³ Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России за январь—декабрь 2017 года // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987/>

⁴ Вред здоровью, определен в п.2 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522), в виде нарушения анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды.

¹ Потёмкина Анна Трофимовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Российской таможенной академии, г. Люберцы, Российская Федерация.
E-mail: potemkina.an@yandex.ru

справедливость, попранная преступным посягательством [2, с. 124—134].

Для определения юридических границ и признаков преступного насилия, уяснения смысла и содержания рассматриваемого термина необходимо обратиться к его толкованию.

В научной литературе серьезное внимание традиционно уделялось понятию насилия, и это имеет своим следствием различные толкования рассматриваемого термина.

В толковом словаре живого великорусского языка В. Даля под термином «насилие» понимается «действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное»⁵. В словаре русского языка С.И. Ожегова насилие толкуется как «принудительное воздействие на кого-нибудь, что-нибудь, понуждение, притеснение, давление, беззаконие, применение физической силы к кому-нибудь»⁶. Иными словами, насилие в общеупотребимом, этимологическом значении этого термина означает противоправное, т. е. против воли другого человека, применение к нему силы; принуждение посредством такого воздействия кого-либо к чему-либо.

Такие характеризующие насилие признаки, как «осознанность» и «противоправность», отмечают и авторы, посвященной анализу насильственных посягательств на собственность, работы В.И. Симонова и В.Г. Шумихина. Понятие преступного насилия заключается, как полагают указанные авторы, в том, что таковым следует признавать осознанное «применение физической силы для нарушения телесной неприкосновенности другого лица помимо или вопреки его воле, являющееся противоправным либо в силу направленности на достижение антиобщественной или удовлетворения подобного же мотива, либо в силу запрещения законом применения физической силы в данной ситуации или угрозы совершения насильственных действий»⁷.

Л.Д. Гаухман предпринял весьма удачную попытку определения насилия посредством выделения двух групп его признаков. Во-первых, фактические, к которым он отнес объективные признаки, характеризующие внешнюю сторону деяния и способ действия, а также субъективные, характеризующие отношение к деянию как лица, применяющего насилие, так и восприятие его потерпевшим. Во-вторых, юридические признаки названы такие, как общественная опасность и незаконность, т. е. противоправность⁸.

Учитывая уже имевшиеся разработки, Р.Д. Сабиров позднее сформулировал подробное определение насилия, таковым признавая «умышленное воздействие на другое лицо путем использования физической силы людей или животных, а также технических средств, поражающих факторов и свойств предметов материального мира либо различных явлений природы вопреки

или помимо воли лица, подвергающегося такому воздействию, для нарушения его телесной неприкосновенности, анатомической целостности либо нормального функционирования какого-либо органа или угроза совершения подобных действий»⁹.

Обобщение приведенных определений дает основания утверждать, что в них формулируются основные признаки насилия, каковыми выступают указания на то, что виновный всегда действует помимо воли потерпевшего, парализуя тем самым его волю, желая предупредить или пресечь сопротивление. Эти соображения позволяют признать юридически значимыми такие имманентные признаки преступного насилия, как: а) его общественная опасность и противоправность (она выступает в качестве юридического выражения общественной опасности); б) умышленный характер применения; в) воздействие на другого человека, причем всегда как вопреки, так и помимо его воли.

Последний признак, как представляется, нуждается в объяснении, поскольку многообразие жизненных ситуаций свидетельствует о наличии случаев применения насилия с согласия или даже по просьбе «потерпевшего». Имеются в виду случаи просьбы или согласия лица на лишение его жизни вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств (беспомощное состояние, неизлечимая болезнь причиняющая).

В этой связи уместно привести мнение Л.Д. Гаухмана, с которым нельзя не согласиться. Он полагает, что согласие потерпевшего на причинение ему смерти, как и просьба об этом не являются тождественными изъявлению воли потерпевшего. По его мнению, следует рассматривать как насильственное преступление причинение смерти с согласия или по просьбе невменяемого, о чем достоверно известно исполнителю подобной просьбы или получателю согласия¹⁰. Невменяемое лицо не может отдавать себе отчет в своих действиях либо не может руководить ими. Поэтому выполнение просьбы убить его или согласие на это выходят за рамки его волеизъявления. И здесь представляется уместным привести суждение П.С. Дагеля, считающего, что «согласие потерпевшего предполагает его свободное волеизъявление, включающее не только полную добровольность, но и полную осведомленность относительно последствий такого согласия»¹¹.

К физическому насилию с использованием психической беспомощности потерпевшего относятся случаи склонения малолетнего или психически больного к причинению себе физического вреда, если они не осознают значение это акта. Непосредственной причиной наступления преступного результата являются не действия виновного, так как он использует больную или недостаточно развитую психику другого человека.

В уголовном праве возможные проявления насилия традиционно рассматриваются в зависимости от характера и цели его использования. Определение со-

⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2-х т. М., 1989, Т.2. С.469

⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1983. С. 344.

⁷ Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность. Учеб. пособие. Изд-во Юрид. ин-та МВД РФ. М., 1993. С. 24.

⁸ Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. Юрид. лит. М., 1969. С. 4.

⁹ Сабиров Р.Д. Уголовно-правовая борьба с насильственными посягательствами. Дис. канд. юрид. наук. Свердловск, 1981. С. 27—29.

¹⁰ Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 6—7, 9.

¹¹ Дагель П. Имеет ли «согласие потерпевшего» уголовно-правовое значение? // Советская юстиция. 1972. № 3. С. 25.

держания каждого вида позволяет дать правовую оценку насилия, каковое с учетом его характера и цели осуществления используется законодателем в трех аспектах. Это, во-первых, в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ — например, причинение вреда при задержании преступника, физическое и психическое принуждение и др.). Во-вторых, в качестве имманентного признака ряда составов, регламентирующих ответственность за посяательства на жизнь или здоровье человека, либо привилегированных или квалифицированных составов (глава 16 УК РФ). В-третьих, в качестве смягчающих (п. «ж» ч.1 ст.61 УК РФ) или отягчающих наказание обстоятельств (п. «б», «и», «к» ч.1 ст.63 УК РФ). Столь широкое и разнообразное использование в законодательстве такой категории, как насилие и, соответственно, ее влияние на меру уголовной ответственности, обуславливает обращение к анализу содержания существующих видов общественно опасного и противоправного насилия.

Физическое насилие — один из наиболее распространенных и общественно опасных видов преступного насилия в уголовном праве. Под физическим насилием общепризнанно понимается «любое общественно опасное и противоправное непосредственное воздействие на жизнь и здоровье человека, его права и свободы»¹². Разделяя приведенную оценку насилия, следует оговорить, что непосредственное воздействие на жизнь означает ее лишение, и в этой ситуации о здоровье речь уже идти не должна. У лишенного жизни человека понимаемое как анатомическая целостность органов и тканей человека и выполнение ими своих физиологических функций¹³ здоровье как правоохраняемый объект, отсутствует.

Важность этой категории для законодателя обуславливает обращение правоведов к анализируемой категории. Так, О.А. Воронин и П.Ф. Тельнов считают физическим насилием воздействие на потерпевшего, которое может заключаться в нанесении удара или ударов, в причинении телесных повреждений (как легких и тяжелых), в истязаниях и мучениях, а также в причинении смерти потерпевшему¹⁴. С оговоркой, что наступление последствий не всегда является обязательным (например, ч.1 ст.126, ч.1 ст.127 и др. УК РФ) признаком основного состава преступления.

Будучи одним из наиболее опасных видов преступного насилия, физическое насилие преимущественно совершается путем действия. Способы такого насилия могут быть разнообразными, равно как и выраженность физического насилия может быть различной. Но оно всегда представляет собой внешнее воздействие на организм человека, например, различное механическое воздействие, асфиксия, утопление, действие запредельных для человеческого организма температур, электрической энергии, использование мускульной силы человека и пр.

¹² Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В. Наумов. М.: Издательство БЕК, 1997. С. 246.

¹³ См. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008г. № 194н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

¹⁴ Советское уголовное право. Особенная часть. М.,1983. С. 97—98; Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1988. С. 115.

Тем не менее, вряд ли было бы правильным сводить его лишь к применению в отношении потерпевшего физической силы, т.е. оказание физического воздействия.

Подобное насилие может осуществляться посредством применения каких-то отравляющих, ядовитых, наркотических либо других химических или органических веществ. При этом важно, что по своим свойствам насильно примененное вещество (предмет совершения преступления) по своим свойствам способно причинить человеку вред здоровью либо лишить его жизни.

Высказанные соображения дают возможность отметить, что вопрос о том, относится ли к насилию обманное или тайное введение в организм потерпевшего сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ, например, с целью завладения его имуществом, является весьма значимым для практики.

Пленум Верховного Суда РФ сформулировал свою позицию по этому вопросу. В п.23 абз.4 Постановлении Пленума Верховного Суда от 27 декабря 2002 года № 29 (в ред. от 03.03.2015г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отмечается, что «случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой. Если с той же целью в организм потерпевшего введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием. Свойства и характер действия веществ, примененных при совершении указанных преступлений, могут быть при необходимости установлены с помощью соответствующего специалиста либо экспертным путем»¹⁵.

Следовательно, физическое насилие может применяться в двух формах: путем непосредственного контакта с потерпевшим, а также опосредованным применением физического воздействием с помощью определенных веществ. Это, тем не менее, не исключает возможности одновременного применения двух видов насилия, что, безусловно, повышает опасность содеянного.

В упомянутом ранее Постановлении Пленума Верховного Суда от 27 декабря 2002 года № 29 № 29 (п.23 абз.3) содержится весьма важное положение об оценке одновременного использования двух видов насилия. Суть его заключается в разъяснении того, что в случаях, когда «лицо лишь демонстрировало оружие или угрожало заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, например, макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т.п., не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, его действия ... с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой ... либо как грабеж»¹⁶.

¹⁵ Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам / Отв. ред. В.И. Радченко, научн. ред. А.С. Михлин. М.: Издательство Юрайт, 2008. С. 354—355.

¹⁶ Там же. С. 354.

Законодатель признает насилие имеющим разную правовую оценку, исходя из его интенсивности и степени воздействия. И именно эти критерии используются в построении диспозитивных признаков ряда составов Особенной части УК. Законодатель использует различную терминологию для обозначения физического насилия. Условно ее можно подразделить на уголовно-правовую и терминологию, используемую нормами других отраслей права [6, с. 18]¹⁷.

К первой относятся такие понятия как «физическое принуждение» (п. «к» ч.1 ст.63 УК РФ); «убийство» (ст.ст. 105—107 УК РФ); «тяжкий, средней тяжести и легкий вред здоровью» (ст.ст. 115—117 УК РФ); побои (ст.116 УК РФ); «истязание» (ст.117 УК РФ); «применение пытки» (прим. к ст.117 УК РФ); «принуждение» (ст.120 УК РФ и др.); «похищение человека, незаконное лишение свободы» (ст.ст.126, 127 УК РФ); «применение насилия» (п. «е» ч.2 ст.127.1 УК РФ и др.); «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья» (п. «г» ч.2 ст.161 УК РФ и др.); «применение насилия опасного для жизни или здоровья» (ч.1 ст. 162 УК РФ и др.); «особая жестокость, жестокое обращение» (п. «в» ч.2 ст. 131 УК РФ, ст. 156 УК РФ и др.); «воспрепятствование» (ст.141 УК РФ и др.); «посягательство на жизнь» (ст.277 УК РФ и др.); «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия» (п. «а» ч.1 ст.213 УК РФ и др.); «насильственный захват власти» (ст.278 УК РФ); «вооруженное сопротивление, вооруженный мятеж» (ст. ст. 212, 279 УК РФ); «незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей» (ст.301 УК РФ).

Психическое насилие как следующая разновидность рассматриваемой категории представляет собой также достаточно широкий круг действий, различных по характеру, но совпадающих по направленности и способных парализовать волю человека. По сути, этот вид насилия, как правило, представляет собой угрозу насилия первого вида — физического (причинением вреда здоровью различной тяжести, лишением свободы, лишением жизни), а также уничтожения либо повреждения имущества, распространения определенных нежелательных для лица позорящих или пр. сведений.

Несмотря на разнообразную терминологию, используемым уголовным законодательством базовым является физическое насилие. В отличие от физического психическое насилие не причиняет потерпевшему видимого физического вреда, а воздействует лишь на его психику.

Значение насилия, используемого законодателем при конструировании определенных норм, весьма важно и, как было показано выше, состоит в следующем.

Во-первых, насилие, обладающее определенными признаками, используется при конструкции некоторых норм Общей части УК РФ и может использоваться в двух аспектах; а) в качестве основания освобождения от уголовной ответственности как одно из обстоятельств, исключающих преступность деяния в виде физического или психического принуждения (ст.40 УК РФ), каковое принуждение правомерно признавать насилием; б) при-

знаваться таким смягчающим обстоятельством, как совершение преступления в результате физического или психического принуждения (п. «е» ч.1ст.61 УК РФ).

Анализ названных аспектов позволяет сделать следующий вывод. Если вследствие физического принуждения лицо не утратило способности руководить своими действиями, равно как и сохраняло такую возможность в результате оказанного психического принуждения, ответственность наступает, то факт оказания насилия в виде физического или психического принуждения учитывается при назначении вида и размера наказания, назначаемое за совершение преступного деяния при указанных обстоятельствах.

Во-вторых, насилие как признак того или иного деяния достаточно широко используется в нормах Особенной части УК, причем в нескольких аспектах:

- а) как самостоятельное посягательство, имеющее цель причинить физическую боль, лишить жизни либо причинить вред здоровью;
- б) как способ совершить преступное деяние, имеющее иные цели;
- в) как квалифицирующий признак ряда составов Особенной части.

В-третьих, посредством применения насилия виновный желает достичь иного результата — например, совершить хищение, понудить кого-либо совершить требуемые в интересах виновного или других лиц определенные действия или, наоборот, и воздержаться от их совершения.

При рассмотрении основных аспектов, связанных с определением доли насильственных преступлений некоторых категорий в числе всех, связанных с насилием, причем вне зависимости от объекта посягательства, представлялось целесообразным необходимым обратиться к статистическим данным. Одним из источников таких данных являются такие репрезентативные материалы, как данные специальных переписей осужденных. Таких переписей в стране было восемь, и первая специальная перепись осужденных к лишению свободы была проведена в 1926 г.

По прошествии немногим более полувека в стране было возобновлено проведение переписей и в 1970, 1975, 1979 и 1989 годах специальные переписи осужденных проводились в исправительных учреждениях Главного управления исполнения наказаний (ГУИН) МВД СССР.

В Российской Федерации переписи проводились в 1994 и 1999 годах. Последняя, восьмая перепись осужденных, проходила в уголовно-исполнительной системе Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России в ноябре 2009 г. и в 2011—2012 годах были опубликованы полученные материалы.

Обращение к названному источнику обусловлено достаточно высокой репрезентативностью полученных данных. Как отметил в предисловии к первому выпуску материалов переписи Ю.И. Калинин, на каждого десятого осужденного мужчину и каждую вторую осужденную женщину, отбывавших лишение свободы, сотрудниками уголовно-исполнительной системы заполнялись специально разработанные переписные листы [8, с. 4], содержавшие относящуюся и к уголовно-правовой характе-

¹⁷ Кирюхин А.Б. Преступное насилие и его виды. Учебное пособие. М., 2009. 48 с.

ристике информацию, характеризующуюся высокой степенью достоверности.

Это само по себе обуславливает использование результатов специальной переписи в научных целях. Очевидно, что преступления, связанные с применением насилия, априори представляют наибольшую общественную опасность. В этой связи были проанализированы материалы, отражающие уголовно-правовую характеристику различных категорий осужденных. На этом основании были получены следующие данные и распространены среди отбывавших на момент переписи лишение свободы осужденных, совершивших насильственные или с применением насилия преступления.

Собственно, обращение именно к этим материалам позволило установить, сколь велика доля осужден-

ных, отбывавших лишение свободы на момент переписи за преступления против личности в зависимости от категории деяния [3, с. 36]; какова доля осужденных за насильственные преступления против собственности отбывали наказание в тюрьмах [7, с. 20]; как характеризуется доля осужденных в воспитательных колониях, отбывавших наказание за насильственные преступления против личности и посягательства на собственность с применением насилия [4, с. 31] и аналогичные показатели доли отбывавших лишение свободы женщин [5, с. 22]. Эти данные подтверждают актуальность обращения к насилию как уголовно-правовой категории и одновременно служат темой самостоятельного рассматривания, выходящего за рамки настоящей работы.

Литература

1. Атагимова Э.И. Роль института семьи при формировании нравственности и правосознания личности в условиях современного информационного пространства России // Правовая информатика. 2017. № 2. С. 18—27.
2. Атагимова Э.И., Потемкина А.Т., Цопанова И.Г. Конфликт интересов в уголовном праве (частный случай) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79). С. 124—134.
3. Голоднюк М.Н., Зубкова В.И. осужденные, отбывающие лишение свободы за преступления против личности / По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12—18 ноября 2009 г. / под ред. В.И. Селиверстова. Вып. № 10. М.: ИД «Юриспруденция», 2011. 128 с.
4. Данилин Е.М., Селиверстов В.И. Осужденные в воспитательных колониях личности / По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12—18 ноября 2009 г. / под ред. В.И. Селиверстова. Вып. № 2. М.: ИД «Юриспруденция», 2011 81 с.
5. Казакова В.А. Женщины, отбывающие лишение свободы / По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12—18 ноября 2009 г. / под ред. В.И. Селиверстова. Вып. № 5. М.: ИД «Юриспруденция», 2011, 87 с.
6. Кирюхин А.Б. Преступное насилие и его виды. Учебное пособие. М., 2009. 48 с.
7. Лысягин О.Б., Акимов С.К. Осужденные в тюрьмах личности / По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12—18 ноября 2009 г. / под ред. В.И. Селиверстова. Вып. № 10. М.: ИД «Юриспруденция», 2011, 56 с.
8. Осужденные в колониях-поселениях. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12—18 ноября 2009 г. / под ред. В.И. Селиверстова. Вып. № 1. М.: ИД «Юриспруденция», 2011, 128 с.
9. Челябинова З.М. О детерминантах проявления насилия // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2016. № 4. С. 29—33.

¹⁸ В 2011—2012 гг. вышло несколько отдельных работ по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей в отношении отдельных категорий осужденных: Уткин В.А. Осужденные в колониях-поселениях; Данилин Е.М., Селиверстов В.И. Осужденные в воспитательных колониях; Кокурин А.В., Селиверстов В.И. Осужденные к пожизненному лишению свободы; Казакова В.А. Женщины, отбывающие лишение свободы; Геранин В.В. Подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся в следственных изоляторах; Фирсаков С.В. Наркоманы, отбывающие лишение свободы; Хуторская Н.Б. Содержание осужденных к лишению свободы с учетом европейских стандартов; Осужденные и содержащиеся под стражей в России и др.. Авторским коллективом была подготовлена и общая работа «По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12—18 ноября 2009 г. / под общ. ред. Ю.И.Калинина, под науч. ред. В.И.Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2012.

К вопросу типологии моделей ювенальной юстиции в зарубежных государствах: сравнительно-правовой аспект

Дородонова Н. В.¹

Ключевые слова: правосудие в отношении несовершеннолетних, ювенальная юстиция, профилактика правонарушений несовершеннолетних, классификация, карательная модель, восстановительная модель, социальная модель, законодательство зарубежных стран, США, Германия, Канада.

Аннотация. Целью написания статьи является попытка определить, как выстроена система ювенальной юстиции в западных странах, на примере США, Германии и Канады. Предметом исследования выступают действующее законодательство и нормативные акты США, Германии и Канады.

Автор анализирует различные модели ювенальной юстиции в зарубежных странах, выделяет специфические особенности каждой из моделей; рассматривает структуру и систему органов на федеральном и местном уровне, задействованных в сфере применения ювенальной юстиции.

Особое внимание уделяется вопросам эффективности и неэффективности применения карательной, социальной и восстановительной модели на примере некоторых зарубежных стран. Вместе с тем указываются дискуссионные положения каждой из моделей ювенальной юстиции. Отдельное внимание отведено исследованию специализированных нормативно-правовых актов в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних в США, Германии и Канаде.

DOI: [10.21681/2226-0692-2018-2-25-30](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-2-25-30)

В зарубежных государствах профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних является частью ювенальной юстиции (иной термин, употребляющийся в литературе — правосудие в отношении несовершеннолетних, *англ.* juvenile justice), так как она, в первую очередь, направлена на реабилитацию несовершеннолетних в обществе, их вовлечение в «правильную» деятельность, создание благоприятных условий, воздействие в случае необходимости на семью несовершеннолетнего.

Исследование работ зарубежных ученых (J. Winterdyk [6], J. Muncie [4], R. Swan [1], S. Decker [3], M. Cavadino и J. Dignan [2], J. Pratt [5]) показывает, что под теорией и практикой профилактики правонарушений несовершеннолетних, понимается в первую очередь как ограничение преступности как социального явления, так и проявление сдерживающего влияния на определенные криминогенные факторы и обстоятельства.

Анализ научных исследований классификаций моделей ювенальной юстиции позволяет установить несколько научно-обоснованных подходов к определению типологий моделей ювенальной юстиции. Некоторые российские исследователи выделяют континентальную и англосаксонскую модели ювенальной юстиции [7; 10; 12, с. 22-41], основным критерием данного деления явля-

ется правовая традиция, а в основу положены различия между системой англосаксонского и континентального права, в последнее время начинает появляться термин «скандинавская модель» ювенальной юстиции (Гамаюнова А.В. [9], Молдаванов К.В. и Чебыкина К.Л. [13]).

Зарубежные исследователи выделяют более подробные типологии. Например, канадский криминолог J. Winterdyk дает следующую классификацию [6, с. 1-24]:

- › социальная (вельфаризма) (welfare) модель,
- › карательная (justice) модель,
- › модифицированная карательная(modified justice) модель,
- › общественная (договорная) (participatory) модель,
- › корпоративистская (corporatist) модель,
- › предупредительная (crime control) модель.

Английские ученые М. Cavadino и J. Dignan настаивают на следующей типологии [2, с. 199-214]:

- › социальная (вельфаризма) (welfare),
- › карательная (justice),
- › минимальная интервенционная (minimal intervention),
- › восстановительную (restorative),
- › нео-коррекционную (neo-correctionalist)

Некоторые зарубежные ученые выделяют следующие виды моделей ювенальной юстиции [3; 4]:

- › социальную (вельфаризма) (welfare),
- › восстановительную (restorative),

¹ Дородонова Наталья Васильевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Российская Федерация.
E-mail: dorodonovan@gmail.com

- правоохранительную (sanction or modified justice),
- ситуационную (risk management or actuarial),
- карательную (retributive or justice).

Приведенные выше модели, представляют собой теоретические конструкции, и не имеют в полной мере практического применения, так как в чистом виде не реализуются ни в одном из государств, что, на наш взгляд представляет ущербность каждой из них. В связи с этим, целесообразно выделить три общие модели ювенальной юстиции и профилактики правонарушений несовершеннолетних (социальной, карательной и восстановительной), которые признаны большинством зарубежных теоретиков и практиков в области ювенальной юстиции. В целом, законодательство большинства зарубежных стран предпочитает социальные, а не судебные подходы к осуществлению ювенальной юстиции и профилактике правонарушений несовершеннолетних [11, с. 197].

Анализ моделей и их эффективности позволяет выработать рекомендации по внедрению в практику тех или иных элементов различных моделей в части профилактики правонарушений несовершеннолетних.

К карательной модели ювенальной юстиции зарубежные исследователи относят такие государства как США, Китай, Аргентина. Данная модель строится на концепции обеспечения контроля над преступностью, отличается унификацией уголовно-процессуальной формы, отсутствием возможности для применения альтернативных способов разрешения конфликта, обвинительной направленностью в отношении несовершеннолетних.

Например, в США сфера профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних регламентируется следующими документами:

- Закон ювенальной юстиции и профилактики правонарушений 2002 г. (Juvenile Justice and Delinquency Prevention Act, 2002) определяет единый комплексный подход в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних, обеспечивает поддержку государственных программ, профилактики правонарушений несовершеннолетних с целью улучшения взаимодействия государственных и местных систем ювенальной юстиции, определяет стратегию в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних на уровне штатов².
- Закон «Ни одного отстающего ребенка» 2001 г. (No Child Left Behind Act, 2001) регламентирует программы профилактики и раннего вмешательства, применяемые к несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении (children who are neglected, delinquent, or at risk), обеспечивает финансовое сопровождение общественных организаций и образовательных программ на уровне штатов, школьных программ, сотрудничающих с местными исправительными учреждениями³.

² Официальный сайт Союза по вопросам ювенальной юстиции США [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.juvjustice.org> (дата обращения: 22.03.2018).

³ Официальный сайт Министерства образования США [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.ed.gov> (дата обращения: 22.03.2018).

- Федеральный кодекс правонарушений несовершеннолетних (Federal Juvenile Delinquency Code) определяет судебный порядок в отношении несовершеннолетних, совершивших правонарушение или преступление⁴.

В США не существует единой национальной системы ювенальной юстиции. Единственный орган на федеральном уровне — Департамент ювенальной юстиции и предупреждения преступности Министерства юстиции США⁵. Кроме того, в США существует более 56 подразделений ювенальной юстиции на уровне штатов и на местном уровне. Соответственно, и политика и процедуры варьируются от местных юрисдикций, что приводит к непоследовательным результатам в сфере профилактики беспризорности и правонарушений несовершеннолетних.

Федеральный совещательный комитет по ювенальной юстиции является консультативным органом (учрежден при поддержке Департамента ювенальной юстиции и предупреждения преступности Министерства юстиции США), и консультирует Президента США и Конгресс по вопросам, связанным с ювенальной юстицией, дает оценку результатов деятельности в сфере ювенальной юстиции⁶.

Национальная стратегия профилактики правонарушений несовершеннолетних, которую разрабатывает Департамент ювенальной юстиции и предупреждения преступности Министерства юстиции США, определяет три ключевые инициативы:

- Национальный форум по профилактике насилия в отношении несовершеннолетних представляет собой сеть из 15 общественных организаций и федеральных агентств, в задачу которых входит совместная работа и обмен информацией, и использует стратегию профилактики, интервенции, правоприменения;
- территориальные программы профилактики правонарушений несовершеннолетних на местном уровне действуют с целью предотвращения преступности среди молодежных банд;
- инициатива «Защищая детство» направлена на профилактику правонарушений несовершеннолетних, подвергшихся насилию⁷.

В США применяются три модели профилактики правонарушений несовершеннолетних: модель общественных учреждений, модель безопасности индивидуума, модель воздействия через окружающую среду.

⁴ Официальный сайт Министерства юстиции США [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.justice.gov> (дата обращения: 22.03.2018).

⁵ Официальный сайт Департамента ювенальной юстиции и предупреждения преступности США [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.act4jj.org> (дата обращения: 22.03.2018).

⁶ Официальный сайт Министерства юстиции США [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.justice.gov> (дата обращения: 22.03.2018).

⁷ Официальный сайт Министерства юстиции США. Департамент ювенальной юстиции и предупреждения преступности [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.ojjdp.gov> (дата обращения: 22.03.2018).

На федеральном уровне действует программа поддержки местных общин с целью предотвращения насилия; пресечения расовой и культурно-национальной розни; идеологического и материального стимулирования семейного образа жизни; рекомендации СМИ по проведению пропаганды, благоприятствующей сокращению насилия.

В целом, надзор за отклоняющимся поведением несовершеннолетних, применяемый в работе органов ювенальной юстиции США, осуществляется с помощью «организационного принуждения» (изоляция от общества, жесткий контроль и дисциплинарные санкции, домашний арест с электронным мониторингом, групповые сеансы гипноза и антикриминогенной медитации).

Применение репрессивных мер, например, заключения под стражу несовершеннолетних, чрезмерно «жесткое» законодательство в части освобождения под залог, рассмотрение судебных дел несовершеннолетних в судах для взрослых признается в целом западными практиками неэффективными. К причинам неэффективности относится следующее: во-первых, эффект «клейма», который получает несовершеннолетний, как в суде, полиции, так и в обществе в целом; во-вторых, в результате коллективного тюремного заключения происходит закрепление преступного поведения у несовершеннолетнего правонарушителя, и, соответственно, отсутствует возможность создать положительную ролевую модель в семейных и личностных отношениях; в-третьих, отсутствует вероятность устранить основные факторы, лежащие в основе преступного поведения несовершеннолетнего, такие как наличие неблагополучной семьи, проблемы злоупотребления психоактивными веществами, проблемы психического здоровья и т. д.

Кроме того, данная модель ювенальной юстиции является также еще и одним из дорогостоящих средств борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, за счет расходов, связанных с лишением свободы или арестом несовершеннолетних правонарушителей; с продолжением контактов с системой уголовного судопроизводства, что является, в свою очередь, следствием неэффективности мер по изменению поведения несовершеннолетних.

Социальная модель ювенальной юстиции считается самой распространенной в мире, как правило, такие государства как Германия, Франция, Бельгия, Швейцария считаются ее приверженцами. Социальная модель направлена на ликвидацию социальных причин, подчёркивает патернализм и защиту, направлена на изменение неблагоприятных условий формирования личности человека. По мнению ученых, данная модель является наиболее предпочтительной, так как ее целью является создание каждому ребенку благоприятной комфортной среды существования [14, с. 21—22], путем принятия различных государственных программ, призванных реализовывать приоритетные направления государственной политики, которая выражена, прежде всего, в разработке и реализации различных социально-правовых мер в данном направлении.

Так, например, сфера профилактики правонарушений несовершеннолетних в Германии регламентируется

следующими документами⁸: Закон о защите несовершеннолетних 2002 г. (Jugendschutzgesetz) и Закон о ювенальной юстиции 1991 г. (Jugendgerichtsgesetz), содержащий перечень предписаний, которые могут служить мерами воспитательного характера и должны быть направлены на развитие важных для личности качеств, полезных и необходимых в дальнейшей жизни несовершеннолетнего.

Федеральное министерство по делам семьи, престарелых, женщин и детей (Das Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Kinder) регламентирует все направления государственной политики в этой области, занимается вопросами благополучия и защиты, альтернативной гражданской службы, разработкой и проведением программ, связанных с несовершеннолетними.

В Германии, как в государстве с такой моделью, разработана достаточно эффективная структура частных и государственных органов социального обеспечения, органов юстиции в области профилактики правонарушений несовершеннолетних. Подобного рода органы имеют задачи следующих видов:

- ▶ социально-ориентированные (помощь семьям, защита детей),
- ▶ судебно-ориентированные (поддержка обвинителя по делам несовершеннолетних, поддержка суда, предоставление личной и семейной информации для судебного разбирательства, частично отвечая за применение образовательных мер, таких как медиация, социальные тренинги в соответствии с решением ювенального прокурора или судьи).

Экспертная комиссия по делам детей и отчетам при федеральном правительстве, состоящая из представителей университетов, неправительственных организаций, подготавливает отчеты в сфере защиты и охраны несовершеннолетних⁹. Федеральная совещательная комиссия по проблемам молодежи (Das Bundesjugendkuratorium) в составе 15 экспертов определяет межведомственную политику и дает рекомендации в сфере защиты детства¹⁰. На местном уровне городская молодежная служба (Jugendamt) является центральным учреждением по делам детей и молодежи. Подразделение по делам несовершеннолетних полиции занимается выявлением и профилактикой правонарушений несовершеннолетних, а также сбором полной информации о несовершеннолетних.

Органы системы ювенальной юстиции применяют распространенные в Германии воспитательные меры (указания и предписания), направленные, в первую очередь, на его воспитание для обеспечения его правомерного поведения в обществе, снижения вероятности со-

⁸ Официальный сайт Федерального министерства ФРГ юстиции и защиты прав потребителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 22.03.2018).

⁹ Официальный сайт Федерального министерства ФРГ юстиции и защиты прав потребителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 22.03.2018).

¹⁰ Официальный сайт Федерального министерства ФРГ по делам семьи, пожилых, женщин и несовершеннолетних [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.bundesjugendkuratorium.de (дата обращения: 22.03.2018)

вершения правонарушений в будущем, а не наказание¹¹. Под указаниями понимаются обязанности (такие как нахождение под наблюдением взрослого, участие в социальных тренингах, примирение с потерпевшим, проживание в семье или социальном учреждении) и запреты, которые могут регулировать поведение и жизнь несовершеннолетнего, способствовать его воспитанию¹². Служба судебной помощи несовершеннолетним контролирует процесс выполнения указаний и предписаний. К принудительным мерам относится предупреждение, обязанности и арест. При незначительности содеянного правонарушения и положительной характеристики личности, суд выносит предупреждение, в котором указывается общественно-опасный характер совершенного правонарушения.

Так, в Германии в основном преобладают альтернативные меры, такие как медиация, социальные тренинги, надзор социальных работников, общественные работы, расширение возможности для замены предварительного заключения. В случаях мелких правонарушений приоритет отдается изъятию дела из системы уголовного правосудия без каких-либо санкций (т. е. применяется принцип невмешательства).

Эффективные методы социальной модели ювенальной юстиции направлены на устранение основных факторов, лежащих в основе преступного поведения несовершеннолетних, что позволяет избавиться или сократить факторы риска, такие как окружение несовершеннолетнего, прогулы, злоупотребление алкоголем, а также укрепить защитные факторы (хорошее воспитание, наличие положительной модели для подражания или частичная занятость).

Эффективность социальной модели ювенальной юстиции заключается также и в перенаправлении несовершеннолетних правонарушителей из системы уголовного правосудия в целом, с целью появления возможности получать необходимые услуги, лечение и оставаться в среде, которая способствует исправлению его поведения. Учитывая, что многие факторы, предопределяющие совершение правонарушений несовершеннолетним, обусловлены окружением, зачастую эффективные меры реагирования на преступность несовершеннолетних вовлекают программы, которые предполагают содействие семьи, школы или общины. С другой стороны, предыдущее проявление антисоциального поведения несовершеннолетнего само по себе может являться значительным фактором риска, что может привести к неэффективности применяемых мер.

В таких государствах как Новая Зеландия, Австралия, Канада применяется восстановительная (реабилитационная) модель ювенальной юстиции, которая направлена на преодоление рецидивности преступности несовершеннолетних после (или в ходе) процесса реабилитации; обеспечение социальной реабилитации

несовершеннолетнего правонарушителя, исправление его поведения. Данная модель исходит из возможности создания неформальной процедуры разбирательства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, применения альтернативных мер разрешения уголовно-правового конфликта. Система восстановительной модели ювенальной юстиции в Канаде регламентируется следующими документами¹³:

- Стратегия обновления ювенальной юстиции 1998 г. (Strategy for the Renewal of Youth Justice), ее цель — предотвращение преступности среди молодежи, обеспечение «наказания по заслугам», реабилитация и реинтеграция несовершеннолетних правонарушителей.
- Закон об уголовном правосудии в отношении несовершеннолетних 2003 г. (Youth Criminal Justice Act), который заложил основы реабилитационной и внесудебной политики по делам несовершеннолетних преступников, ужесточил возможности перевода несовершеннолетних во взрослые суды, ввел ряд новых видов наказания, которые должны назначаться несовершеннолетним вместо содержания в исправительных учреждениях.

Система органов ювенальной юстиции США на федеральном уровне включает Департамент ювенальной юстиции и стратегических инициатив Министерства юстиции (Youth Justice and Strategic Initiatives Section), Национальный центр по предупреждению преступлений (National Crime Prevention Centre), Центр по предупреждению преступности несовершеннолетних (Centre for Youth Crime Prevention), деятельность которых направлена на обеспечение соблюдения прав несовершеннолетних, принятия санкций в случае нарушения прав несовершеннолетних, разработку рекомендаций, государственных программ в области защиты прав детей и профилактики правонарушений несовершеннолетних¹⁴. На территориальном уровне каждая провинция Канады несет индивидуальную ответственность за отправление правосудия, что означает, что проблемами преступности несовершеннолетних занимаются муниципальные учреждения (территориальные суды, исправительные учреждения для несовершеннолетних, полиция и общественные организации).

Существенной особенностью ювенальной юстиции в Канаде является возможность применения к несовершеннолетним альтернативных мер воздействия, например, путем вовлечения их в различные программы и интервенционные стратегии, задействующие семью. Такие программы состоят из программы обучения родителей; семейной терапии; комплексного подхода и опираются на семью (с учетом факторов риска, связанных с семьей) и на несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении; результатом эффективного выполнения программ является снижение риска пре-

¹¹ Официальный сайт Федеральной совещательной комиссии по проблемам молодежи ФРГ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.bundesjugendkuratorium.de (дата обращения: 22.03.2018).

¹² Официальный сайт Федерального министерства ФРГ юстиции и защиты прав потребителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 22.03.2018).

¹³ Официальный сайт Правительства Канады. Департамент юстиции [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://justice.gc.ca> (дата обращения: 22.03.2018).

¹⁴ Официальный сайт Союза по вопросам ювенальной юстиции США [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.juvjustice.org> (дата обращения: 22.03.2018).

ступности среди несовершеннолетних. Национальная программа по делам детей (National Children's Agenda)¹⁵ является федерально-провинциально-территориальной инициативой, основной акцент в которой делается на развитии детей в раннем возрасте. Такой подход основан на твердом убеждении, что здоровое начало в первые годы детства является прочной основой для лучшей жизни. В качестве первого шага в рамках данной программы федеральные, территориальные и провинциальные органы власти сформулировали общее видение на профилактику правонарушений несовершеннолетних, основанное на четырех целях: физическое и эмоциональное здоровье; успешность обучения; социальная заинтересованность и ответственность; безопасность.

Меры восстановительной модели ювенальной юстиции, на наш взгляд, наиболее приемлемы и в наибольшей степени отвечают интересам несовершеннолетнего, в полной мере отвечают реализации его естественных прав. Система восстановительной ювенальной юстиции позволяет несовершеннолетнему избавиться от судимости, дает ему больше шансов на реабилитацию, ведет к сокращению числа детей, содержащихся в местах предварительного заключения. Восстановительная модель во многих случаях позволяет выявить коренные причины противоправного поведения и устранить их посредством оказания услуг по поддержке несовершеннолетнего. Данные меры в большинстве государств (Новая Зеландия, Австралия, Канада) представляются приоритетными, особенно, если правонарушение совершено несовершеннолетним впервые, или совершенное правонарушение не является тяжким. Вместе с тем, данная модель может содержать в себе определенные риски. Если рассматривать наступление возможных рисков применительно к рассматриваемой модели ювенальной юстиции, необходимо учитывать, предпосылки появления риска и, что особенно важно, отношение самого несовершеннолетнего к возможности наступления ситуации риска. По мнению О.Ю. Рыбакова, «при понимании риска как отражения человеческого поступка (иници-

рование риска) важно оценить природу этого поступка. <...> Риск проявляется через субъективное восприятие конкретным лицом возможности позитивных и негативных обстоятельств» [15, с. 88—89]. Иными словами, несовершеннолетний может умышленно злоупотреблять своим правом, в расчете на то, что к нему будет применена именно обозначенная модель ювенальной юстиции. Данная модель, на наш взгляд, могла быть реализована более эффективно в совокупности с другими моделями, что позволит сохранить оптимальный баланс между реализацией прав несовершеннолетнего и устранением причин противоправного поведения последнего в будущем.

Меры восстановительной модели ювенальной юстиции имеют несколько преимуществ по сравнению с мерами иных моделей, которые могут быть слишком суровыми и не отвечать потребностям несовершеннолетних, которые во многих случаях совершили правонарушение впервые или совершили незначительные правонарушения. Программы восстановительной ювенальной юстиции направлены на то, чтобы дать несовершеннолетнему представление о последствиях его действий, взять на себя ответственность за несовершеннолетнего и возместить причиненный вред [8, с. 19].

Анализ представленных моделей ювенальной юстиции позволяет сделать вывод, что ювенальная юстиция призвана обеспечивать справедливость любого правового решения в отношении несовершеннолетних. В целом, все модели ювенальной юстиции являются достаточно эффективными в той или иной мере, в связи со снижением уровня преступности несовершеннолетних в различных странах.

Таким образом, важным результатом использования любой модели ювенальной юстиции является установление баланса между возможностью соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетнего и профилактикой правонарушений несовершеннолетних.

¹⁵ Официальный сайт Правительства Канады. Департамент юстиции [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://justice.gc.ca> (дата обращения: 22.03.2018).

Литература

1. Bates K., Swan R. *Juvenile Delinquency in a Diverse Society*. United States, Thousand Oaks, 2013. 472 p.
2. Cavadino M., Dignan P. *Penal Systems: A Comparative Approach*. London: Sage Publications, 2006. 380 pp.
3. Decker S., Marteache N. *International Handbook of Juvenile Justice*. NY: Springer, 2017. 550 p.
4. Muncie J., Goldson B. *Comparative Youth Justice: Critical Readings*. London: Sage Publications, 2006. 224 pp.
5. Pratt J. Corporatism: The Third Model of Juvenile Justice // *British Journal of Criminology*. Vol.:29. Issue 3. 1989. P. 236-254.
6. Winterdyk J.A. *Juvenile Justice Systems: International Perspectives, Models and Trends*. CRS Press, 2015. 302 pp.
7. Акестер К. Системы ювенального правосудия: [Электронный ресурс]. URL: <http://juvenjust.org/index.php?showtopic=63> (дата обращения 12.01.2018).
8. Атагимова Э.И. Роль института семьи при формировании нравственности и правосознания личности в условиях современного информационного пространства России // *Правовая информатика*. 2017. № 2. С. 18—27.
9. Гамаюнова А.В. Модели института ювенальной юстиции // *Современная педагогика*. 2014. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/06/2442> (дата обращения: 12.01.2018).
10. Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности / Пузиков Р.В., Зелински Я., Рыбаков О.Ю., Сулейманов Б.Б., Малько А.В., Зелински Ю., Захаров А.В., Бекмагамбетов А.Б., Зебровски А. Тамбов, 2016.
11. Дородонова Н.В. Регулирование вопросов по организации профилактики правонарушений несовершеннолетних в зарубежном законодательстве: история и современность // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2017. № 5 (118). С. 191—197.
12. Мельникова Э.Б., Ветрова Г.Н. Российская модель ювенальной юстиции (теоретическая концепция) // *Правозащитник*. 1996. № 1. С. 22—41.
13. Молдаванов К.В., Чебыкина К.Л. Сравнение моделей ювенальной юстиции и систем пробаций для молодых правонарушителей на примере некоторых стран Европейского Союза // *Молодой ученый*. 2014. № 10. С. 325-327. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/69/11934/> (дата обращения: 19.04.2018).
14. Ростова О.С. Семейное воспитание несовершеннолетних — приоритетное направление государственно-правовой политики Российской Федерации // *Правовая информатика*. 2016. № 3. С. 20—25.
15. Рыбаков О.Ю. Риски в праве / в сборнике: Основные тенденции и перспективы развития современного права материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. Москва, 2018. С. 88—93.

Правовые и организационные основы деятельности министерства внутренних дел по развитию промышленности Российской империи в первой половине XIX в.

Яковлев К. Л.¹

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, протекционистская политика, Главное правление мануфактур, Экспедиция государственного хозяйства, Министерство финансов, Департамент мануфактур и внутренней торговли, привилегии, иностранные колонисты.

Аннотация. Целью представленной статьи является проведение комплексного анализа правовых и организационных основ деятельности Министерства внутренних дел по развитию промышленности в первой половине XIX в. Исследование проводилось на основе изучения нормативных правовых актов содержащихся в Полном собрании законов Российской империи (1-е и 2-е собрание), а также отчетов Министерства внутренних дел. В результате удалось выявить основные направления деятельности МВД Российской империи как по совершенствованию нормативной базы, регламентирующей деятельность промышленности в исследуемый период, так и по реализации протекционистской политики государства в отношении частных предпринимателей. Результатом усилий министерства стало удовлетворение потребностей армии и флота в сукне и почти полная ликвидации зависимости страны от привозных тканей.

DOI: [10.21681/2226-0692-2018-2-31-35](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-2-31-35)

С момента своего образования Министерство внутренних дел вносило существенный вклад в развитие отечественной промышленности. Начало фабрично-заводской промышленности в России было положено еще Петром Великим, однако прививалась она медленно. С закрытием в 1803 г. Мануфактур-коллегии и ее конторы в ведение Министерства внутренних дел было передано 2390 различных фабрик и заводов (2364 из них — частные), число которых к 1808 г. увеличилось до 2498 [1, с. 26], а к 1822 г. до 4781.

Действия министра внутренних дел в отношении этих фабрик заключались в следующем: а) «поощрение и облегчение обязанных фабрик»², б) определение отношений «между фабричными людьми и фабрикантами»³, в) улучшение управления мануфактурами и составление более точного представления об их положении [8, с. 58—65], г) «расписание сукна» для армии и флота [8, с. 55—56].

Главный принцип, положенный в основу деятельности министерства в этом направлении, состоял в том, что всякая промышленность должна находиться исключительно в частных руках и быть независимой от казны. С этой целью в том же 1803 г. казенная Купавинская фабрика была отдана в частное потомственное владение и был поставлен вопрос о передаче в частные руки Екатеринославской казенной фабрики [8, с. 58—65]. Было учреждено новых 17 фабрик [8, с. 52—54].

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. XXVII. № 20 805 и 20 892.

³ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVII. № 20 826.

¹ Яковлев Константин Леонидович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: yakovlew.2572@mail.ru

внесения необходимых корректив в «генеральный табель». 7. Сведения о том, что фабрика или завод по наследству, разделу или приговору суда перейдет от одного владельца к другому. 8. Просьбы от фабрикантов и заводчиков о «покупке вновь к производствам крестьян» после рассмотрения на местах в губерниях «по уважению настоящей надобности в таковых покупках» с собственным мнением губернаторов передаются на усмотрение министра для вынесения им окончательного решения. Вместе с тем все жалобы и тяжбы между фабрикантами, заводчиками и фабричными на основании Высочайшего Указа от 18 июля 1803 г. должны решаться в тех присутственных местах, где «следует на основании общих государственных узаконений», и «не могут уже относиться до Министерства внутренних дел» [12, с. 195—197].

Последнее предложение Министерства внутренних дел было продиктовано, по-видимому, тем обстоятельством, что министерство не располагало достаточным числом квалифицированных кадров на местах, способных на должном уровне разрешать, говоря современным языком, гражданско-правовые и трудовые споры. Поэтому оно оставило за собой лишь вопросы организации промышленности.

Эти предложения министра получили одобрение Сената и стали правовой основой дальнейших шагов министерства в этом направлении.

По части мануфактур в 1804 г. были сделаны следующие распоряжения: Екатеринославская казенная фабрика так и не была передана в частное владение, а вместе с Иркутской казенной фабрикой поступила в Комиссариатское ведомство⁴. Было учреждено 38 новых фабрик и выданы пособия разным фабрикантам [8, с. 92]. В 1805 г. было открыто 82 фабрики, а закрыто 52. Для поощрения фабричной промышленности были выданы ссуды частным лицам и изданы правила для С-Петербурга и Москвы по устройству заводов и фабрик⁵.

В 1806 г. устроено было 39 новых фабрик, закрыто 27. По примеру прошлых лет были выданы ссуды шести фабрикантам [9, с. 68, 70].

В 1807 г. открыто было 56, а закрыто 46 фабрик. Министерство внутренних дел, занимаясь по-прежнему снабжением армии и флота сукном, уделяло развитию суконных фабрик особое внимание. В мирное время количества сукна, вырабатываемого отечественными фабриками, было достаточно для снабжения армии, но когда начались войны с Наполеоном и численность армии значительно увеличилась, возникли ощутимые трудности. Так, в 1807 г. требовалось 758 743 аршина сукна, а фабрики могли произвести только 267 000 аршин [1, с. 24]. В этих условиях Министерство внутренних дел стало внедрять в жизнь систему поощрений суконных фабрикантов. С высочайшего в каждом отдельном случае соизволения Министерство внутренних дел раздавало ссуды из капитала, предназначенного на поощрение промышленности и составило правила о взыскании этих ссуд⁶. В 1808 г. было издано положение, которое кроме выдачи суконным фабрикантам денежных ссуд

разрешало отводить казенные земли, доставлять машины и работников, наконец, покупать крестьян купцам и лицам других сословий, желавшим открыть новые фабрики⁷.

Кроме суконного производства, значительное развитие в рассматриваемый период получила полотняная мануфактура. В Тобольске, например, с 1791 г. существовала полотняная фабрика статского советника Куткина, которая постоянно усовершенствовалась, расширялась и обратила на себя внимание Министерства внутренних дел той пользой, которую она своим производством приносила краю: в 1806 г. на ней было изготовлено 1 000 аршин «голландского» полотна, 225 аршин салфеток, 8000 аршин тика, 1600 аршин «китайки», 1000 аршин «равендуку», 2500 аршин лент и 168 пар чулок. Министерство в 1808 г. исходатайствовало высочайшее соизволение на приписку к этой фабрике еще 50 рабочих, на отвод казенной земли и установило особым положением права и обязанности приписанных к ней людей⁸.

В 1809 г. Киевский гражданский губернатор Панкратьев, которому с 1803 г. была подчинена местная фаянсовая фабрика, представил свои соображения по ее усовершенствованию, так как в существующем виде она не приносила ощутимых доходов. Суть предложений сводилась к следующему: приписать к фабрике дополнительно 230 крестьян, а для оборотов и составления запасного капитала в 50 тыс. руб. отпускать в течение 3 лет по 12 тыс. руб. из городских доходов. Предложения эти получили высочайшее утверждение, а сама фабрика приобрела большую известность в России⁹.

Министерство внутренних дел, постоянно проявляя заботу об увеличении количества фабрик и заводов в стране, составило высочайше утвержденное положение, которое предусматривало выдачу купцам и мещанам, желавшим завести новые или увеличить существующие суконные фабрики, денежные пособия из казны под залог домов, лавок и других городских строений, а также под залог самих фабрик и заводов, лесных дач, пахотных полей, лугов и других земель, а также под поручительство магистратов и городских обществ¹⁰. Министерство испросило, кроме того, соизволение Государя Императора на отпуск из Государственного казначейства 2 млн. руб. для раздачи этих пособий и ссуд¹¹.

Предпринятые Министерством внутренних дел шаги привели к положительным результатам: в 1809 г. в Саратовской губернии было открыто 5 новых фабрик, в Симбирске число фабрик достигло 14, новая суконная фабрика была устроена в Московской губернии. Новые сахарные заводы появились в Калужской, Рязанской, Орловской и Пензенской губерниях. Были освобождены от уплаты поземельного сбора на 5 лет владельцы кирпичных и черепичных заводов в Таганроге¹².

⁷ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23 132.

⁸ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 22 742.

⁹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23 551.

¹⁰ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23 679.

¹¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23 757 а.

¹² ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23 566, 23 567, 23 700, 23 721, 23 993, 23 570.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21 116.

⁵ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21 791.

⁶ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIX. № 22 688.

Именным указом от 19 декабря 1808 г. первая экспедиция департамента внутренних дел и Главное правление мануфактур были поручены ведению тайного советника К.И. Габлица. 9 февраля 1809 г. ему как управляющему этими частями было дано высочайше утвержденное наставление¹³, согласно которому он обязывался наблюдать за течением дел в обоих учреждениях, наставляя управляющих ими и с помощью их действовать «в успешном и порядочном отправлении всех дел, в тех местах производимых». Тайный советник К.И. Габлиц мог требовать от управляющих все сведения, необходимые для производства дел, замеченную же в получении сведений медлительность он мог преодолеть собственным напоминанием, но если замечал какие-либо недостатки в существующем порядке, то докладывал о наличии таковых министру. Затем Габлицу были предоставлены права и возложены обязанности товарища министра по вверенной ему экспедиции, не исключая и права быть приглашенным по делам управляемых им учреждений во все департаменты Правительствующего Сената. В 1811 г., при новом образовании министерств, К.И. Габлиц был уволен от заведования экспедицией государственного хозяйства и главным правлением мануфактур; при этом Высочайшим рескриптом «изъявлено ему Монаршее благоволение за понесенные им труды».

Сохранение крепостного права в России задерживало и техническое переоснащение предприятий, и процесс формирования пролетариата. Внедрение машин и других технических новинок требовало концентрации производства и перехода к наемному труду. Однако труд посессионных рабочих и крепостных обходился дешевле, чем проведение механизации и привлечение свободной наемной рабочей силы. Кроме того, в первой половине XIX в. основная часть промышленной продукции выпускалась не крупными предприятиями, а мелкими кустарными крестьянскими промыслами. Особенно это было заметно в текстильной промышленности. Так, даже в 40-е годы XIX в., во Владимирской губернии на фабричных предприятиях насчитывалось до 18 тыс. ткацких станков, а по деревням находилось еще 80 тыс. станков [5, с. 169]. Данное положение отражало политику правительства в указанной сфере, где, несмотря на жалобы фабрикантов и их требования правительственной борьбы с кустарным производством, государство продолжало отстаивать интересы дворянства, заинтересованного в сохранении кустарных промыслов, позволявших облагать крестьян более высоким оброком и сохранять доходность имений.

Уже в 1811 г. министерством была предпринята первая попытка законодательно регламентировать особое сословие фабричных рабочих. Для этого был разработан и представлен на рассмотрение Государственного Совета проект об учреждении «особого состояния свободных мастеров». Согласно представленному МВД документу формирование этого «особого состояния» должно было проходить следующим образом. «Вольным мастеровым» мог стать любой свободный человек, обучившийся какому-либо «мастерству» или профессии. При этом необходимо отметить, что в данную катего-

рию могли входить и простые чернорабочие. Свободные мастеровые, как следовало из текста проекта, должны были пользоваться некоторыми привилегиями (дома их освобождались от налогов, городских повинностей и пр.). Однако при этом они оставались в полной зависимости от фабрикантов. Паспорта им выдавались лишь по предъявлению особых аттестатов от тех фабрикантов, на чьих предприятиях они работали, в которых свидетельствовалось об их квалификации и «благопристойном» поведении [13, с. 206—210].

28 декабря 1818 г. на основании совместного представления Министерства внутренних дел и Министерства финансов, именным указом было предоставлено право «учреждать фабрики и заводы» всем казенным, удельным и помещичьим крестьянам, а также «вольным хлебопашцам»¹⁴. Данным указом на Министерство внутренних дел была возложена обязанность рассмотрения документов и выдача разрешений на открытие новых фабрик и заводов. При этом в целях фискального контроля МВД обязано было информировать о всех выданных разрешениях Министерство финансов. Кроме того, каждый желающий содержать фабрику или завод мог выбирать, в зависимости от размеров производства, определяемой числом рабочих, какое свидетельство ему получать: гильдейское или торговое.

Сенатским указом 16 июня 1819 г. была утверждена разработанная в Министерстве внутренних дел форма свидетельства для крестьян, подтверждавшая «дозволение от их начальств» или помещиков «учреждать фабрики и заводы»¹⁵. Становясь фабрикантами, крестьяне, даже оставаясь крепостными, получали право бесконтрольно распоряжаться такими же крестьянами, приписанными к фабрике.

После проведения реформы 1811 г. главное место в структуре Министерства внутренних дел занял Департамент мануфактур и внутренней торговли. При этом сам министр О.П. Козодавлев был сторонником политики протекционизма. В повседневной деятельности он опирался на п. 225 «Общего учреждения министерств», предписывавший вверенному ему ведомству «наблюдать, мерами излишнего надзора и многосложностью правил не стеснять частной промышленности. Истинные способы сего управления должны состоять более в отвращении препятствий, нежели в точном и понудительном предписании путей, коими должна шествовать промышленность» [2, с. 478]. Министр считал, что «хлебопашество без фабрик процветать не может и что народ, занимавшийся единственно земледелием, навсегда останется в нищете и невежестве» [6, с. 46].

На посту министра внутренних дел О.П. Козодавлев выступал как горячий поклонник развития промышленной техники. Внедрение последних достижений технической мысли в промышленное производство было также тесно связано с Министерством внутренних дел, которому в соответствии с манифестом от 17 июня 1812 г., инициатором которого выступил сам министр, было предоставлено право выдачи привилегий «на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах».

¹⁴ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXV. № 27 600.

¹⁵ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXVI. № 27 839.

¹³ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23 474.

Это было возложено на Совет министерства, который должен был осуществлять экспертизу «с приглашением в заседание опытных людей» внесенных в него «изобретений», как с точки зрения их полезности, так и с точки зрения авторства. При этом в Совете разбирались и тяжбы по данным вопросам. Документы, подтверждающие права на изобретение подписывались министром и скреплялись печатью Министерства внутренних дел¹⁶. В результате с сентября 1812 г. министерство стало получать определенный доход, так как по решению государственного совета все пошлины за выдаваемые привилегии вносились в тот департамент министерства к предметам ведения которого относится предмет привилегии¹⁷. После передачи функций центрального управления мануфактурным производством в Министерство финансов, указом Сената от 31 января 1822 г. и рассмотрение просьб и выдача привилегий «по мануфактурной части были переданы этому ведомству¹⁸. Однако остальные усовершенствования и изобретения по прежнему рассматривались в Совете Министерства внутренних дел [11].

Развитие суконной мануфактуры напрямую было связано с развитием овцеводства в стране, которое также находилось в ведении Министерства внутренних дел. 12 января 1804 г. были высочайше утверждены правила раздачи казенных земель в Астраханской, Кавказской, Таврической, Херсонской и южной части Екатеринославской губерний для разведения овец иностранной породы всем, «кто в оном упражняться пожелает». Арендатор должен был предоставить обязательства (залог, «верные поруки»). Земля давалась на десять лет, в течение которых арендатор должен был развести количество овец и баранов, пропорциональное количеству полученной земли. В случае успеха земля передавалась в пожизненное пользование, а тот, кто продолжал разведение овец и продавал племенной скот, получал землю в наследственное пользование. С тех же, кто не выполнил поставленное условие, взыскивалась денежная компенсация в казну за простой земли¹⁹.

Овцы испанской породы были закуплены в Австрии и розданы в «содержания» частным лицам. Наибольшего успеха в этом начинании добился при поддержке министерства иностранец Миллер. С высочайшего соизволения у него в 1808 и 1809 гг. было закуплено за счет казны по 1 тыс. баранов, а в 1810 г. — 1200. Часть из них была роздана министерством в Новороссийские и Саратовские колонии, а часть была продана частным лицам, пожелавшим заняться овцеводством, с рассрочкой платежа на 6 лет²⁰.

Успехи в этом направлении деятельности подтверждались высокой оценкой производимой в России шерсти на мировых рынках, где во втором десятилетии XIX в. крупнейшие производители предпочитали «шерсть из Одессы привозимую, не только самой лучшей Гишпанской, но и Саксонской, которая до тех пор считалась самой лучшей для выделки тонкого сукна» [1, с. 35].

Дальнейшее развитие тонкорунного овцеводства привело в 1835 г. к кризису перепроизводства, когда предложение на шерсть превысило спрос на нее. В этой связи дальнейшая протекционистская деятельность государства в этом направлении была прекращена [4, с. 88].

Развитие мануфактур требовало все больше сырья для производства, однако почти весь шелк-сырец в начале XIX в. ввозился из Персии, Италии, Бухары и Китая [10, с. 314]. Поэтому одним из направлений деятельности министерства стало расширение посадок шелковицы. Для этой цели уже в 1804 г. в казенных питомниках, находящихся в разных губерниях, был подготовлен посадочный материал для раздачи желающим: до 100 тыс. саженцев и 14 пудов шелковичных семян [8, с. 63—66]. Таким образом к следующему году число рассаженных тутовых деревьев достигло 327 664, не считая 1 328 956 деревьев, находящихся в Грузии. Раздача саженцев частным лицам продолжалась, и для этой цели было подготовлено в питомниках еще 535 тыс. саженцев. Однако министерство не надеялось только на частные хозяйства. По высочайше утвержденному докладу министра внутренних дел было переустроено два казенных сада в Екатеринославле для разведения шелковичных деревьев, отроки и семена которых решено было раздавать всем желающим «безденежно»²¹. Кроме того, по инициативе министра внутренних дел были освобождены от поземельных податей сады и огороды, используемые под разведение шелковичных деревьев²².

В Херсонской губернии близ Тирасполя была организована колония из иностранных выходцев, имевших опыт разведения шелковицы. Выбор места новой колонии был обусловлен нахождением там со времен турецкого правления тутовой рощи, к которой был присоединен еще участок земли для ее дальнейшего расширения²³.

На эту колонию были распространены общие «правила для принятия и водворения» иностранных колонистов, высочайше утвержденные еще в 1804 г.²⁴ Каждый прибывающий получал в пользование 60 десятин земли и на 10 лет освобождался от пошлин. Также ему выдавалась ссуда на первоначальное обустройство, выплачивать которую он начинал через 10 лет по водворению. Если колонист покидал Россию, то он был обязан возратить все долги в казну и сверх того выплатить единовременно все подати на три года вперед.

К 1833 г. шелковичное производство было распространено в 10-ти южных губерниях, а его производство достигало 302 пудов и 21 фунта в год. При этом только в 1833 г. было вновь посажено 4 262 816 шелковиц [3, с. 108]. Несмотря на значительные успехи в данной отрасли, по мнению министра внутренних дел, в силу различных, и в первую очередь климатических, причин, она не могла «еще быть важною отраслью сельского хозяйства России» [4, с. 86].

Вызов иностранных колонистов практиковался еще в XVIII в. Однако в своем докладе в 1804 г. В.П. Ко-

¹⁶ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXII. № 25 143.

¹⁷ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXII. № 25 222.

¹⁸ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXVIII. № 28 910.

¹⁹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21 123.

²⁰ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23 085.

²¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIX. № 22 241.

²² ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21 378.

²³ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23 072.

²⁴ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21 163.

чубей отмечал, что из них вышло много дурных хозяев. Поэтому переселенческая политика министерства была направлена на привлечение на российские просторы действительно крепких хозяев из малоземельной Европы, которые имели «довольный навык в возделывании винограда, в разведении шелковичных деревьев и других полезных растений, также искусные в скотоводстве, а наипаче в содержании и размножении лучших пород овец». Они даже получили право покупки земли на территории России в собственность, однако при том условии, что, выезжая из страны, продадут свою землю кому-либо из живущих в России. В противном случае земля поступала в казну «безденежно»²⁵. Поскольку многие из переселенцев не приносили государству никакой пользы, в 1810 г. была прекращена выдача ссуд и пособий на первоначальное обустройство.

Однако в качестве исключения из правил ссуды выдавались и в более поздние периоды. Так в 1814 г. они были выданы переселенцам из герцогства Варшавского в Бессарабию, а в 1818 г. было истрачено 100 тыс. руб. на переселение 500 виртембергских семейств в Грузию. Эти исключения вынудили министра внутренних дел повторно обратиться в Комитет министров с предложением о прекращении выдачи пособий колонистам, которое было поддержано в комитете и получило высочайшее утверждение [1, с. 38].

В период вторичного управления министерством В.П.Кочубея (1819—1823 гг.) практика привлечения колонистов была возобновлена, и при этом правительство тратило на них довольно значительные суммы: так в один из годов было истрачено до 88 000 руб., в другой — до 340 000 руб. В этот период колонистов направляли по преимуществу в Бессарабию, которая была недавно присоединена к Российской империи по Бухарестскому мирному договору 1812 г.

Подводя итог деятельности Министерства внутренних дел по развитию промышленности, следует отметить, что проводимая министерством политика способствовала развитию легкой промышленности в стране, что позволило обеспечить нужды страны армии и флота, почти полностью ликвидировать зависимость от импортных тканей. При этом министерство активно участвовало в разработке нормативно-правовых актов, направленных на поддержку отечественного производителя. Однако возложенные на Министерство внутренних дел в момент его создания обязанности по развитию промышленности, по мере развития отраслевой специализации в системе государственного управления стали передаваться вновь создаваемым или уже существующим самостоятельным ведомствам, что привело к незавершенности многих намеченных преобразований.

Литература

1. Адрианов С.А. Министерство внутренних дел. 1802-1902. СПб., 1902.
2. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., РГГУ, 2008.
3. Извлечение из отчета министра внутренних дел за 1833 г. СПб., 1834.
4. Извлечение из отчета министра внутренних дел за 1835 г. СПб., 1836.
5. Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., Высшая школа, 1993.
6. Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.
7. Отчет МВД за 1803 г. // С.-Петербургский журнал. 1804. Ч. 3. Кн. 9.
8. Отчет МВД за 1804 г. // Санкт-Петербургский журнал. 1806. Ч. 1. Кн. 1.
9. Отчет МВД за 1806 г. // С.-Петербургский журнал. 1807. Ч. 4. Кн. 11.
10. Пажитнов К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. М., 1958.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1281. Совет министра внутренних дел. Оп. 1. Д. 8.
12. Собрание законов о полицейском управлении. СПб., 1826.
13. Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Серия «Памятники экономической мысли». М.: Наука, 1997.

²⁵ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21 192.

«Облачные» технологии: российское и зарубежное законодательство и практика правоприменения

Карцхия А. А.¹

Ключевые слова: облачные сервисы и вычисления, интеллектуальная собственность, персональные данные, договор услуги, конфиденциальная информация.

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты применения цифровых технологий в новых условиях цифровой экономики, а также новые вызовы для традиционных институтов современного права. Широкое практическое применение современных революционных технологий (искусственный интеллект, технологии блокчейн, аналитические базы данных, «облачные вычисления», самоуправляемые системы) формирует новую «цифровую экосистему», адаптация к которой необходима современному праву. «Облачные» вычисления и «облачные» сервисы как составные элементы современной цифровой экономики и технологической инфраструктуры цифровой экосистемы образовали новый правовой институт в составе цифровых услуг. Современное российское законодательство, законодательство стран ЕС и США в сфере «облачных» технологий адаптируются к возможностям цифровых технологий и потребностям их широкого практического использования. В статье анализируются особенности правового регулирования «облачных» сервисов и вычислений в российском и зарубежном праве и правоприменительной практике. Автор приходит к выводу о том, что «облачные» вычисления и «облачные» сервисы как новые виды Интернет-услуг (сервисов) способны формировать гражданский цифровой оборот в структуре современной цифровой экосистемы, а операционные возможности этих цифровых технологий служат инструментом адаптации права к реалиям современного цифрового мира.

DOI: 10.21681/2226-0692-2018-2-36-41

Процессы глобализации, расширение сфер трансграничного оборота товаров, услуг и капиталов в совокупности с применением современных технологий в условиях цифровой экосистемы формируют новый правовой ландшафт и расширяют сферы действия прав интеллектуальной собственности. Современные достижения в сфере облачных технологий, баз данных и мобильных технологий обусловили переход от автоматизации и применения промышленных роботов к искусственному интеллекту как реальному инструменту практической деятельности, способному не только заменить человека в рутинном труде, но составить ему конкуренцию в интеллектуальной сфере. Развитие цифровых технологий стало движущим фактором цифровизации права [1,17]. В 2006 году один из крупнейших Интернет-магазинов Amazon впервые предложил рынку новую Интернет-услугу: предоставление клиентам возможности использовать имеющиеся у компании вычислительные ресурсы, технические устройства и приложения для удаленного хранения данных и выполнения операций.

«Облачные» вычисления и «облачные» сервисы как новые технологии и как новые виды цифровых услуг создают современную цифровую экосистему, а операционные возможности этих цифровых технологий явля-

ются инструментом адаптации права к реалиям современного цифрового мира.

1. «Облачные» сервисы: российское право и практика правоприменения

Определение «облачных» сервисов в свое время было дано Национальным институтом стандартов и технологий США (National Institute of Standards and Technology (NIST)), под которыми следует понимать модель обеспечения повсеместного и удобного сетевого доступа по требованию к вычислительным ресурсным пулам (например, сетям, серверам, системам хранения, приложениям, сервисам), которые могут быть быстро предоставлены или выпущены с минимальными усилиями по управлению и взаимодействию с поставщиком услуг [2].

Можно сказать, что «облачный» сервис в упрощенном виде представляет собой «автоматизированный способ предоставления вычислительных мощностей, в том числе программного обеспечения, в режиме удаленного доступа через сеть Интернет по запросу клиента... или ... технологическую модель, при которой вместо какого-либо физического ресурса предоставляется его виртуальная модель» [3].

¹ Карцхия Александр Амиранович, кандидат юридических наук, профессор РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина, г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: arhz50@mail.ru

Термин «облачный сервис», как отмечает Савельев А.И., является переводом английского термина «cloud service», который в свою очередь является производным от термина «cloud computing» («облачные вычисления») [4].

В российском законодательстве понятие «**облачные вычисления**» приводится в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы² (далее — Стратегия) как *информационно-технологическая модель обеспечения повсеместного и удобного доступа с использованием сети «Интернет» к общему набору конфигурируемых вычислительных ресурсов («облаку»), устройствам хранения данных, приложениям и сервисам, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены от нагрузки с минимальными эксплуатационными затратами или практически без участия провайдера.*

Кроме того, в Стратегии дается и понятие «**туманные вычисления**», которые определяются как *информационно-технологическая модель системного уровня для расширения облачных функций хранения, вычисления и сетевого взаимодействия, в которой обработка данных осуществляется на конечном оборудовании (компьютеры, мобильные устройства, датчики, смарт-узлы и другое) в сети, а не в «облаке».*

При этом к публичным, так называемым «теневым» облакам относят электронную почту, тестирование ПО, хранение файлов, игры, магазины и т.д.

Наряду с системами обработки больших объемов данных, Интернета вещей и индустриального Интернета, искусственного интеллекта, робототехники и биотехнологии, радиотехника и электронная компонентная база, информационной безопасности развитие облачных технологий выделено в Стратегии как направление в развитии информационной и коммуникационной инфраструктуры РФ.

Под «облачными» вычислениями обычно понимают любые услуги, вычислительные мощности, ресурсы, предоставляемые пользователю на расстоянии, через сеть Интернет, которые, как отмечают эксперты [5], предоставляют возможность доступа к таким услугам (сервисам), как сервисы: «Все как услуга» (EaaS); «Инфраструктура как услуга» (IaaS); «Платформа как услуга» (PaaS); «Программное обеспечение как услуга» (SaaS); «Аппаратное обеспечение как услуга» (HaaS); «Рабочее место как услуга» (WaaS); «Информационное обеспечение как услуга» (DaaS); «Безопасность как сервис» (SecaaS). Наибольшее распространение получили сервисы Infrastructure as a Service, Platform as a Service и Software as a Service. В соответствии с сервисом Инфраструктура как услуга (Infrastructure as a Service) (IaaS) провайдер поставяет два типа ресурсов: вычислительные мощности (в том числе ресурсы сети) и ресурсы хранения (ресурсы памяти). Предоставление сервиса Platform as a Service («Платформа как услуга») (PaaS) заключается в том, что провайдер предоставляет платфор-

му (серверы приложений) для клиентов или инструмент для разработки программного обеспечения. Область применения Software as a service («Программное обеспечение как услуга») (SaaS) связана с предоставлением услуг почтовых серверов, редакторов документов, систем управления взаимоотношениями с клиентами и др.

Хотя в российском законодательстве не содержится специальных норм, регулирующих «облачные» сервисы, предоставление «облачных» услуг (сервисов) осуществляется в соответствии со ст.779 и в целом главы 39 ГК РФ на основании договоров оказания возмездных услуг, правила которых применяются и к договорам оказания услуг связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных услуг, услуг по обучению, туристическому обслуживанию и иных, за исключением услуг, оказываемых специально поименованными договорами.

Однако ввиду специфики отношений, включающих как частно-правовой (договорные отношения), так и публичный (безопасность, обработка персональных данных) аспекты, на практике используются так называемые SLA-договоры. Предмет SLA-договора (*Service Level Agreement*) предусматривает подключение клиента к приложению поставщика (провайдера) «облачных» сервисов, а «облачный» провайдер принимает на себя обязательства по управлению системой, мониторингу трафика и потребностей клиентов, хранение и обработку информации в «облаке».

К существенным условиям SLA обычно относят: определение перечня видов и параметры предоставляемых услуг; методологию мониторинга, включая характеристики и методику измерения параметров безопасности в режиме реального времени; условия независимого тестирования; диапазоны параметров, которые вызывают предупреждения *ad hoc*, реагирования на инциденты или восстановления; регулярные отчеты об уровне обслуживания (зеркальные) и их содержание; пороги реагирования, определяемые в соответствии с профилем риска организации; пределы и основания ответственности сторон и санкции за нарушение договорных обязательств. Особо оговариваются условия обеспечения безопасности и защиты информации, контроль за деятельностью исполнителя, защита прав интеллектуальной собственности, а также порядок электронного документооборота и использования электронной подписи [5].

Тем не менее, SLA-договоры могут иметь свою специфику в зависимости от вида сервиса, предоставляемого провайдером. Так, договор на сервисные услуги SaaS не исключает возможность присутствия в нем положений, свойственных лицензионным соглашениям по использованию объектов интеллектуальной собственности. Как отмечает А.И.Савельев [4], это может быть связано с предоставлением провайдером прав использования размещаемой в «облаке» информации, которая хранится на оборудовании провайдера, или применение вспомогательного программного обеспечения (*enabling software*), которое клиент устанавливает локально для использования сервиса SaaS. Однако это дополнительные (сопутствующие) услуги, входящие

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации, 15.05.2017, № 20, ст. 2901.

в общий комплекс услуг сервиса, которые не меняют в целом правовую природу договора услуги.

Квалификация «облачных» сервисов на основании договора оказания услуг (SLA-договор) также предоставляет возможность регулировать качество предоставляемых услуг (сервиса) в силу ст.783 ГК РФ, в то время как вопросы качества программного обеспечения по лицензионному договору по правилам статей 1123—1238 ГК РФ не регулируются, а судебная практика исходит из того, что предметом лицензионного договора является «неисключительное право, которое, не являясь вещью, не может быть некачественным»³.

Однако имеется иная точка зрения. Так, в частности, И.А.Близнец полагает необходимым в любом случае заключать лицензионный договор на использование программного продукта [6].

В то же время, глобальное использование сети Интернет, появление трансграничных онлайн-сервисов, участие физических лиц в инициировании процессов передачи данных, развитие «облачных» сервисов существенно осложнило применение положений о трансграничной передаче персональных данных, которые ориентированы на географические границы [7]. В силу этого возрастает роль регулятора сферы обработки и передачи персональных данных. В соответствии со ст.23 Федерального закона от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 22.02.2017) «О персональных данных»⁴, контроль и надзор за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных возложен на уполномоченный орган — Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Операторы Интернет-ресурсов или мобильных приложений, посредством которых осуществляются сбор и обработка персональных данных, обязаны предоставлять Роскомнадзору наряду с информацией о назначении и функционале таких ресурсов, перечня обрабатываемых и собираемых данных, сведениями об используемых базах данных, в которых хранятся и обрабатываются данные, также и данные о привлекаемых оператором персональных данных, провайдерах «облачных» сервисов, хостинга, сервисов аналитики данных и др.

2. Правовое регулирование облачных вычислений в странах ЕС

Европейский союз проявляет особый интерес к облачным вычислениям. В сентябре 2012 года Европейская комиссия приняла Стратегию «Раскрытие потенциала облачных вычислений в Европе (Unleashing the Potential of Cloud Computing in Europe)» [8], которая явилась результатом анализа общих политических, нормативных и технологических ландшафтов, поощряет использование облачных вычислений во всех секторах европейской экономики. В ней излагаются наиболее важные и акту-

альные действия и определяются три ключевых направления: (1) безопасные и справедливые условия контрактов; (2) расчистка большого количества («джунглей») стандартов в сфере облачных вычислений; (3) а также создание европейского «облачного партнерства».

Благодаря стандартизированным интерфейсам, организованному сопровождению инфраструктуры и обеспечения безопасности работы центров обработки данных, предприятия и компаний, включая государственные структуры, могут использовать облачные сервисы в качестве замены внутренних центров обработки данных, а также департаментов, ответственных за информационно-коммуникационные технологии. Без собственных вложений в создание информационной инфраструктуры, компании могут предложить будущим потребителям услуги и работы [9].

В развитие Стратегии Комиссия ЕС в 2012 году, а Европарламент принял Резолюцию 10 декабря 2013 года для развития облачных сервисов и технологий, которые предусматривали реализации различных вопросов, такие как: «облако» как инструмент роста и занятости; рынок ЕС и «облако»; государственные закупки и закупки инновационных решений; национальные стандарты; права потребителей в «облака»; интеллектуальная собственность, гражданское право и другое законодательство; а также защита персональных данных, основных прав граждан и правоохранительных органов.

В дополнение к общеевропейским директивам и указаниям ЕС, которые применимы к облачным вычислениям, страны ЕС приняли национальные законодательные акты о защите данных и облачных вычислений. Например, в Чехии в 2013 году принят закон о защите персональных данных в «облачных» сервисах, который включает: (1) определения терминов «облачные вычисления», «IaaS», «SaaS», «PaaS», «публичное облако», «Частное облако» и «Гибридное облако», (2) определения контроллера данных и обработчика данных, (3) порядок оценки адекватности уровня защиты, (4) правила, касающиеся передачи персональных данных за пределы Чешской Республики, и (5) разъяснение стандартных условий договоров по использованию облачных данных и обязательных корпоративных правил.

В Соединенном Королевстве в 2012 году принят свод руководящих принципов для компаний по вопросам облачных вычислений в дополнение к общим правилам, установленным в Законе о защите данных (Data Protection Act 1998). В частности, предусмотрены требования к обработке информации в облаке при ICO (три основные типа моделей облачного развертывания (частные, публичные и смешанные)

В странах ЕС вопросы конфиденциальности и защиты данных имеют первостепенное значение при рассмотрении облачных вычислений и это логично, так как предоставление услуг через Интернет приводит во многих случаях к обработке персональных данных. Это создает повторяющиеся проблемы, связанные с применимым правом, определением регулятора и провайдера, их полномочий, условий заключаемых контрактов на облачные услуги (сервисы) и международной передачей данных.

³ Постановление ФАС Московского округа от 2 июля 2013 г. по делу N А40-111104/12-26-947, от 30 сентября 2009 г. N КГ-А40/9849-09.

⁴ Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451

Основные руководящие акты по осуществлению облачных вычислений провайдеров, которые действуют на территории Европейской экономической зоны (ЕЭЗ), первоначально изложены в Директиве ЕС о защите данных (95/46/ЕС) (EU Data Protection Directive 1995) о защите и обработке персональных данных в рамках Европейского Союза, которая была заменена новым директивным документом ЕС — Общеввропейским регламентом по защите данных (GDPR) (ЕС) 2016/6795 (вступил в силу в 2018 году), — который регулирует вопросы защиты персональных данных и конфиденциальности для всех лиц в рамках Европейского Союза, а также сферу экспорта персональных данных за пределы ЕС в целях контроля гражданами и жителями ЕС за своими персональными данными, а также упрощения регуляторной среды для международного бизнеса путем унификации регулирования в рамках ЕС. Отношения в Интернет-пространстве ЕС регулируются также Директивой о конфиденциальности и электронных средствах связи, это так называемая «ePrivacy Директива» 2002/58/ЕС (с изм. Директивой 2009/136/ЕС и 2013)⁶, которую планируется существенно изменить, поскольку вступила в силу Директива GDPR (ЕС) 2016/679.

ePrivacy Директива является частью нормативной базы всех государств-членов ЕС и регулирует электронные коммуникации, обработку персональных данных и защиту частной жизни в секторе электронных коммуникаций. Объем правил, изложенных в ePrivacy Директиве, ограничен услугами, которые квалифицируются как «служба электронной связи». В частности, ePrivacy Директива устанавливает правила в отношении (1) обязательств по обеспечению безопасности поставщиками услуг электронной связи; (2) конфиденциальность электронных сообщений и связанных с ними данных о трафике; (3) конфиденциальность окончательного оборудования электронной связи; (4) обработка данных и данных о трафике и (5) отправка незапрашиваемых сообщений. Директива по защите данных 95/46/ЕС и ePrivacy Директива являлись взаимодополняющими, поскольку обе применялись к сектору электронных коммуникаций, хотя их соответствующие области отличаются. Директива по защите персональных данных применяется ко всем секторам, включая сектор электронных коммуникаций, при условии, что данный вопрос не регулируется *lex specialis*, установленным ePrivacy Директивой⁷.

Особую категорию данных, к которым применяется специальный правовой режим в соответствии

с Директивой ЕС о защите данных, относятся так называемые «конфиденциальные данные». Обоснование усиленного правового режима защиты таких данных базируется на презумпции того, что использование этой категории данных может иметь более серьезные последствия для основных прав и свобод. Например, неправильное использование медицинских данных может быть необратимо и иметь долгосрочные последствия для индивида, а также его социальной среды.

Учитывая, что облачные вычислительные сервисы и инфраструктуры все чаще используются для хранения и обработки конфиденциальных данных (медицинских данных о состоянии здоровья человека, его антропометрических данных и т.п.), в соответствии с Директивой ЕС о защите данных к конфиденциальным данным относятся личные данные, раскрывающие расовое или этническое происхождение, политические взгляды, религиозные или философские убеждения, членство в профсоюзах, а также данные, касающиеся здоровья или половой жизни.

Требования обеспечения безопасности персональных данных и защиты их целостности является ключевым в указанном выше европейском законодательстве, которое возлагает на оператора обработки данных принять соответствующие технические и организационные меры, необходимые для защиты персональных данных от случайного или незаконного уничтожения, случайной потери, а также от изменения, доступа и любой другой несанкционированной (в том числе хакерской) обработки персональных данных, включая случаи, когда обработка влечет передачу данных по сети Интернет. Такие меры должны обеспечивать уровень безопасности, соответствующий рискам, связанным с обработкой и характером защищаемых данных. Аналогичные положения о безопасности данных содержатся и в национальных законах стран ЕС о защите данных.

Кроме того, помимо национальных органов стран ЕС по защите данных, специальный орган ЕС — Европейское агентство сетевой и информационной безопасности (ENISA) — обеспечивает разработку руководящих принципов и рекомендаций по информационной безопасности (включая защиту от инцидентов и безопасность в облачной среде), а также осуществляет мониторинг их применения.

Актуальную проблему в сфере информационной безопасности стран ЕС, в том числе и в облачных сервисах, составляет аутентификация участников киберпространства. Проблема связана с анонимным или псевдонимным отображением данных и обусловлена своим появлением новым технологиям — большие базы данных (*big data*), Интернет вещей (*IoT*) и облачные вычисления (*cloud computing*). Несомненно, при использовании таких технологий возникает настоятельная необходимость в учете вопросов, связанных с конфиденциальностью и обработкой персональных данных. Поэтому вполне естественен интерес к методам, которые позволяют устранить или, по крайней мере, смягчить риски, связанные с обработкой таких данных [16].

⁵ REGULATION (EU) 2016/679 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). URL: <http://eur-lex.europa.eu/>.

⁶ Directive 2002/58/EC of the European Parliament and of the Council of 12 July 2002 concerning the processing of personal data and the protection of privacy in the electronic communications sector (Directive on privacy and electronic communications). ePD Directive. URL: <http://eur-lex.europa.eu/>.

⁷ Evaluation and review of Directive 2002/58 on privacy and the electronic communication sector. Final report. For European Commission by Deloitte, 2016. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/evaluation-and-review-directive-200258-privacy-and-electronic-communication-sector>

Директива ЕС о защите данных определила основные принципы защиты данных, которые должны применяться к любой информации, касающейся идентифицированного или идентифицируемого лица, а также учитывать все средства, которые могут быть разумно использованы оператором данных или любым другим лицом для идентификации указанного лица.

Анонимизация — это процесс, с помощью которого осуществляется манипулирование информацией с тем, чтобы затруднить идентификацию персональных данных лица. Это также достигается путем, удаления или пропуска идентификационных данных, либо агрегированием информации. Псевдонимизация предполагает замену имен или других прямых идентификаторов кодами или цифрами, а также использование методов шифрования. Шифрование — это процесс преобразования простого текста в непонятный код. Использование шифрования является необходимым условием для более широкого внедрения облачных вычислительных сервисов. В связи с этим есть утверждение, что, поскольку шифрование является эффективным, что требует сильного алгоритма шифрования и надежного ключа шифрования, который хранится в безопасности, данные не могут считаться личными в руках провайдера (поставщика) облачных услуг («CSP»). Действительно, CSP может не знать, что зашифрованные данные хранятся на его (или его суб-провайдера) инфраструктуре, учитывая, что данные загружены клиентом в режиме самообслуживания. Если данные «обезличены», то не может применяться и правовой режим защиты персональных данных [10,11,12].

Однако обращение к процессу анонимизации может не представлять собой разумный подход по той причине, что, например, анонимизация может быть использована для соблюдения статьи 6(1) Директивы ЕС о защите данных, которая требует, чтобы информация хранилась не дольше, чем это необходимо для целей, для которых данные были собраны или для которых они обрабатываются в форме, допускающей идентификацию. В этом смысле анонимизация может представлять собой обязательную обработку данных, которая позволяет выполнять свои обязанности по защите данных [13].

К примеру, во Франции и Соединенном Королевстве приняты специальные руководства по применению положений о защите данных. В частности, Управление комиссара по информации (Information Commissioner's Office, ICO) Великобритании опубликовало свод практических правил по управлению рисками, связанными с анонимизацией⁸. Свод содержит механизм, позволяющий практикам оценить риски анонимизации, связанные с защитой данных и идентификацией физических лиц, включает примеры того, как может быть достигнута успешная анонимизация, например, как личные данные могут быть анонимизированы для медицинских исследований. Кроме того, ICO также объявлено, что консорциум, возглавляемый Манчестерским университетом, вместе с университетом Саутгемптона, управлением Национальной статистики и новым Институтом открытых

данных будет управлять новой британской сетью Анонимизации («UKAN»), которая позволит обмениваться передовой практикой, связанной с анонимизацией, в государственном и частном секторе.

Исключительную актуальность этой, казалось бы, теоретической дискуссии, мы можем наблюдать в наши дни на примере судебного спора компании Telegram и Роскомнадзора.

3. Правовое регулирование облачных вычислений в США

Широкое распространение облачные сервисы получили в США, где, как отмечает В.Л.Энтин [14], последовательно поддерживается тенденция к сохранению публичности полученных научных результатов, произведений науки, культуры и искусства. К примеру, в США условием получения финансирования из публичных источников является обязательность публикации результатов всех научных работ. Свободный доступ к оцифрованной учебной информации применяет Массачусетский технологический университет, выложивший в открытый доступ большое число лекций по широкому кругу дисциплин. Компания Apple запустила новый онлайн сервис технического сервиса доступа к музыкальным произведениям и расчетов с правообладателями — облачный музыкальный сервис iCloud. Ожидается также, что Apple распространит в дальнейшем концепцию iCloud на фильмы, телепередачи и другой цифровой контент. Новый «облачный» сервис Apple составляет серьезную конкуренцию звукозаписывающим компаниям таким, как Warner Music, Sony Music Entertainment, EMI Group, Universal Music.

Учитывая тот факт, что многие крупнейшие поставщики облачных услуг располагаются в США, а размер рынка страны привлекает многих производителей и потребителей таких услуг, важным фактором становится практика правоприменения законов США об облачных сервисах. В этом смысле получило особую известность дело «США против Microsoft» (Microsoft Warrants, 2014 г.), по которому Окружной суд США вынес решение против апелляции компании Microsoft, которая возражала против судебного приказа на раскрытие содержания электронной почты и других записей в конкретной учетной записи электронной почты MSN.

Суд постановил, что местонахождение данных (в г. Дублин, Ирландия) не имеет существенного значения, поскольку компания Microsoft осуществляла общее управление своей деятельностью за рубежом и поэтому была обязана предоставить информацию о содержании электронной почты в соответствии с Законом США о хранении сообщений [15]. Характерно, что компании Apple, Cisco, Verizon и AT&T подали amicus записки в поддержку апелляции Microsoft на том основании, что позиция властей США об экстерриториальном применении иностранных законов противоречит законам ЕС о защите данных, нарушает нормы международного права, а также может препятствовать достижению цели защиты прав физических лиц, которые гарантируются в ЕС.

⁸ Guide to Data Protection Act, UK. URL: <https://ico.org.uk/for-organisations/guide-to-data-protection/>

Стремление к распространению действия законов США на иностранные юрисдикции последние годы становится устойчивой тенденцией. В этой связи следует обратить внимание на то, что в марте 2018 г. в составе актов федерального бюджета США был принят Закон «Об уточнении правомерности использования хранящихся за рубежом данных» (The Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act (Cloud Act)⁹, уточняющий и дополняющий Закон о хранении информации 1986 года. CLOUD Act упрощает правоохранительным органам США доступ к данным пользователей Интернета (электронной переписке, документам и иным данным, хранящимися онлайн), вне зависимости от того, в какой стране они хранятся. Закон также разрешает США заключать соглашения с другими странами о передаче последних данных с американских серверов и предлагает альтернативу нынешнему процессу обмена информацией об Интернет-пользователях между странами, называемому MLAT (Mutual legal assistance treaty) — договор о взаимной правовой помощи.

Положения этого Закона значительно облегчат применение правоохранительными органами США принципа экстерриториальности в отношении данных, хранящихся в облачных сервисах за рубежом, и, в частности, в ситуации вышеуказанного дела США против

Microsoft. Вполне закономерно, что правозащитники выражают озабоченность и утверждают, что Cloud Act может способствовать злоупотреблению правами человека со стороны иностранных правительств, помогая им получить доступ к онлайн-данным своих граждан.

Заключение

«Облачные» технологии или «облачные» вычисления как Интернет-сервисы получили широкое распространение благодаря своей надежности, безопасности и доступности. Эти операционные особенности технологий способствуют развитию механизмов правового регулирования, применяемые в различных странах. Тем не менее, все более возрастающую конкуренцию «облачным» сервисам оказывают технологические платформы на базе распределенного реестра (блокчейн технологии), создаваемые крупными IT компаниями, такими как Apple и Google. «Облачные» вычисления и «облачные» сервисы как составные элементы современной цифровой экономики и технологической инфраструктуры цифровой экосистемы образовали новый правовой институт в составе цифровых услуг.

Литература

1. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальное право. Авторское право и смежные права. 2018. № 2. С. 35—44.
2. NIST Definition of Cloud Computing // URL: <https://csrc.nist.gov/publications/detail/sp/800-145/final>
3. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016. // Консультант Плюс, Л. 231.
4. Савельев А.И. Правовая природа «облачных» сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 62—99. // Консультант Плюс, Л. 3.
5. Елин В.М. «Облачные» услуги и особенности их правового регулирования в Российской Федерации // Информационное право. 2017. № 4. С. 28—33.
6. Интернет-интервью с И.А. Близнацем, ректором Российской государственной академии интеллектуальной собственности: «Реализация государственной политики в области интеллектуальной собственности» // <http://www.consultant.ru/law/interview/bliznets/>.
7. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М.: Статут, 2017. // Консультант Плюс, Л. 79.
8. Unleashing the Potential of Cloud Computing in Europe. European Commission, Memo/12/713, Brussels, 27 September 2012.
9. Аубакиров М.З., Никульчев Е.В. Задачи разработки облачных платформ для обеспечения информационных потребностей государственного сектора // Электронный журнал Cloud of Science. 2015. Т. 2. № 2. URL: <http://cloudofscience.ru>, ISSN 2409-031X.
10. Hon W Kuan, Christopher Millard, Ian Walden. The Problem of Personal Data in Cloud Computing — What Information is Regulated? The Cloud of Unknowing. International Data Privacy Law (2011) 1(4), 211-214.
11. Paul Ohm. Broken Promises of Privacy: responding to the surprising failure of anonymisation. UCLA Review 57, 2009, 1707.
12. Neil Robinson, Hans Graux, Maarten Botterman, and Lorenzo Valeri. Review of the European Data Protection Directive (2009) RAND Europe technical report, 26-27.
13. Anonymisation: managing data protection risk code of practice. UK ICO, 2012. URL: <https://ico.org.uk/>
14. Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. // Консультант Плюс, Л. 43.
15. Hurley Lawrence, Volz Dustin (February 27, 2018). “U.S. Supreme Court wrestles with Microsoft data privacy fight”. Reuters. Retrieved April 2, 2018 — via The Globe and Mail.
16. Карцхия А.А. Цифровизация в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения, № 1 (26). 2018. С. 36—40.
17. Карцхия А.А. Цифровое будущее классической цивилистики // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 5. С. 35—46.

⁹ The Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act, 2018 (CLOUD Act) (H.R. 4943, S. 2383). URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4943/text>

Практика судебных актов по спорам, связанных с предоставлением земельных участков

Боброва О. В.¹

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституционный суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, арбитражный суд, прокурор, иск, земельный спор, соразмерность испрашиваемого и предоставленного земельного участка, способы защиты нарушенного права, законность.

Аннотация. Защита средствами прокурорского реагирования конституционно гарантированных прав граждан, интересов общества и государства при распоряжении землей и пользовании ею являются важным направлением деятельности органов прокуратуры. В статье анализируются актуальные вопросы и складывающаяся судебная практика, рассмотрения арбитражными судами инициированных прокурорами споров, связанных с предоставлением земельных участков. Эта категория дел и проблемы при их рассмотрении арбитражными судами имеют большое значение при осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере оборота земельных участков. Автор демонстрирует сложный межотраслевой характер законодательства, регулирующего правоотношения в сфере распоряжения и использования земельных участков. Приведенные в работе примеры рассмотрения таких дел это демонстрируют. Кроме этого, автор предлагает законодательные изменения процессуального закона, в части полномочий прокурора.

DOI: [10/21681/2236-0692-2018-2-42-48](https://doi.org/10.21681/2236-0692-2018-2-42-48)

В статьях 9, 36 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция) закреплена социальная функция земельной собственности, позволяющая установить баланс между частными и публичным интересом, обусловленным необходимостью охраны земли как составной части окружающей среды.

Защита средствами прокурорского реагирования конституционно гарантированных прав граждан, интересов общества и государства при распоряжении землей и пользовании ею являются важным направлением деятельности органов прокуратуры.

Сложный, межотраслевой характер земельных правоотношений, в которых задействованы все уровни публичной власти (федеральные, региональные, местные), высокая динамичность законодательства и массовый характер подзаконного нормотворчества в земельной сфере влияют на состоянии законности и существенно осложняют работу органов прокуратуры. Ситуацию усугубляет противоречивая судебная практика (вплоть до несогласованности в основных подходах к обеспечению публичных интересов).

Следует согласиться с позицией К. С. Серебряного о том, что несмотря на достаточно интенсивную и планомерную работу законодателя в направлении упорядочивания, совершенствования и приспособления к современным реалиям земельного законодательства в совокупности с регулярно публикуемыми Верховным

Судом Российской Федерации (далее — ВС РФ) обобщениями практики и разъяснениями, на базовом уровне, в частности на уровне значимых для практического применения понятий и определений, все еще встречаются конструкции, отнюдь не способствующие быстрой наработке единообразной практики на основе существенно реформированных норм [6, с. 101—108].

Т.И. Отческая справедливо отмечает, что большой объем правовых конфликтов, рассматриваемых арбитражными судами, а также изменения в сфере нормативного регулирования арбитражно-процессуальных отношений требуют от представителей судебного корпуса высокого уровня профессионализма, глубоких знаний законодательства и умения его применять [5, с. 122—131].

Обращение прокурора в суд с иском заявлением, как показывает практика, является одним из наиболее действенных инструментов обеспечения законности, важнейшим способом защиты имущественных интересов субъектов гражданского оборота, включая публично-правовые образования.

Следует учитывать, что в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре) говорится о том, что «при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы» (п. 2 ст. 21).

¹ Боброва Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела научного обеспечения участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: bogomazova.olga2013@yandex.ru

Правовым основанием обращения прокурора в арбитражный суд по делам в сфере земельных правоотношений является Закон о прокуратуре (п. 4 ст. 27, п. 3 ст. 35), а также ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), согласно которой участие прокурора в делах данной категории возможно в двух формах: путем обращения в арбитражный суд с иском заявлением и заявлением по правилам ч. 2 ст. 198 АПК РФ, а также посредством вступления в процесс с целью обеспечения законности при условии, что категория спора и субъектный состав участников процесса отвечают требованиям ч. 1 ст. 52 АПК РФ.

Как разъяснено в п. 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» (далее — постановление Пленума ВАС РФ № 15), предъявляя иск о признании недействительной сделки или применении последствий недействительности ничтожной сделки, совершенной лицами, названными в абзацах втором и третьем ч. 1 ст. 52 АПК РФ, прокурор обращается в арбитражный суд в интересах публично-правового образования, которое в лице его уполномоченного органа вправе вступить в дело в качестве истца.

Кроме этого, в соответствии с абзацем четвертым п. 1 постановления Пленума ВАС РФ № 15 прокурор вправе обратиться в суд с требованием о сносе самовольной постройки². При этом обязательным критерием для обращения в суд, как указано в постановлении, является защита публичных интересов.

В пункте 75 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что применительно к ст. 166 и 168 ГК РФ под *публичными интересами* в частности следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Сделка, при совершении которой нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы, например, сделки о залоге или уступке требований, неразрывно связанных с личностью кредитора (п. 1 ст. 336, ст. 383 ГК РФ), сделки о страховании противоправных интересов (ст. 928 ГК РФ). Само по себе несоответствие сделки законодательству или нарушение ею прав публично-правового образования не свидетельствует о том, что имеет место нарушение публичных интересов.

В приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 07.07.2017 № 473 «О реализации прокуро-

рами полномочий в арбитражном процессе» подробно регламентируется участие прокурора на всех стадиях арбитражного процесса, что в полной мере распространяется на производство по делам в сфере земельных правоотношений.

Например, Воробьев Т.Н исследуя международные требования к участию прокурора в рассмотрении судом цивилистических дел и анализируя ограничения участия прокурора в судебном разбирательстве по гражданским делам приходит к выводу, что цели участия прокурора в гражданском и арбитражном процессе различны: от выполнения прокурорских полномочий в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации до обеспечения законности в АПК РФ, в связи с чем констатирует, что цель участия прокурора в рассмотрении гражданского дела обусловлена предназначением органов прокуратуры по надзору за точным и единообразным исполнением законов и направлена на выполнение им процессуальных полномочий. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве ограничивается определенными пределами, не позволяющими государству вмешиваться в частные судебные споры без достаточных оснований [2, с. 53—56].

Между тем, следует учитывать, что прокурор, обращаясь в арбитражный суд с иском, преследует цель восстановления законности, предотвращения правонарушений, одновременно не являясь материально-заинтересованной стороной спорных правоотношений.

По мнению Д.А. Тоточенко, сложность *земельных споров* можно объяснить:

- › большим разнообразием земельных споров;
- › недостаточной сформированностью судебной практики по земельным спорам вследствие коренных преобразований законодательства в результате земельной реформы;
- › большим количеством нормативных правовых актов, регулирующих земельные отношения, которые зачастую противоречат друг другу;
- › земельный участок является особым объектом недвижимости, правовой режим которого регулируется как земельным, так и гражданским законодательством [8, с. 51 — 55].
- › Сопоставив понятия «*земельный спор*» и «*имущественный спор, возникающий из земельных отношений*», исходя из анализа соответствующих норм законодательства и юридической литературы, он пришел к выводу о том, что указанные понятия соотносятся как общее и частное, причем термин «*земельный спор*» является родовым по отношению к понятию «*имущественный спор, возникающий из земельных отношений*» [9, с. 88—92].

Существенные сложности вызывают споры, связанные с нормами предоставления земельных участков, соразмерностью испрашиваемого и предоставленного земельного участка.

² В соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 04.06.2014 № 8-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статьей 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» разъяснения по вопросам судебной практики применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными судами, данные Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

Законодательное требование о соответствии земельных участков минимальным и максимальным размерам направлено, прежде всего, на обеспечение рационального использования земельных участков, соблюдения законодательства о защите конкуренции, а при отсутствии таких норм существовали бы риски бесконечного деления земельных участков, в результате которого могли бы появляться объекты, непригодные для полноценного использования. Как правило, появление земельных участков с чрезмерно большой площадью также не способствует их рациональному использованию. Это обуславливает основную причину применения законодателем ограничений, связанных с предельными размерами земельных участков.

Требование о соответствии предельных размеров образуемых земельных участков градостроительным регламентам содержится в п. 1 ст. 11⁹ Земельного Кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ).

В соответствии с п. 2 ст. 11⁹ ЗК РФ предельные (максимальные и минимальные) размеры земельных участков, на которые действие градостроительных регламентов не распространяется или в отношении которых градостроительные регламенты не устанавливаются, определяются в соответствии с ЗК РФ, другими федеральными законами.

В этой связи актуален вопрос разграничения действия норм земельного и градостроительного кодексов (градостроительных регламентов).

Подготовка публичной властью градостроительной документации для предоставления земельных участков регламентируется нормами Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ). Указанная документация включает в себя документы территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории и призвана обеспечить создание комфортной среды проживания, отдыха и т.д.

Устойчивое развитие территорий в понимании ГрК РФ — это обеспечение при осуществлении градостроительной деятельности безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений (п. 3 ст. 1 ГрК РФ).

Принимая соответствующие градостроительные документы, публичные субъекты гарантируют устойчивое развитие соответствующей территории, определяют правовой режим земельных участков, которые могут быть предоставлены и застроены.

Понимая важность разработки правил землепользования и застройки, федеральный законодатель фактически ввел ограничения для публично-правовых образований, которые не разрабатывают документы градостроительного зонирования. В соответствии с ч. 3 ст. 51 ГрК РФ при отсутствии правил землепользования и застройки запрещается выдача разрешений на строительство за исключением случаев, предусмотренных законом.

Согласимся с мнением Ю.А. Умеренко в том, что одной из тенденций развития современного земельного законодательства Российской Федерации является детальная регламентация процедур, связанных с предоставлением земельных участков, находящихся в собственности публично-правовых образований [10, с. 90—105].

На основании ст. 36 ГрК РФ действие градостроительного регламента не распространяется на земельные участки:

- ▶ в границах территорий памятников и ансамблей, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России, а также в границах территорий памятников или ансамблей, которые являются выявленными объектами культурного наследия и решения о режиме содержания, параметрах реставрации, консервации, воссоздания, ремонта и приспособлении которых принимаются в порядке, установленном законодательством России об охране объектов культурного наследия;
- ▶ в границах территорий общего пользования;
- ▶ предназначенные для размещения линейных объектов и (или) занятые линейными объектами;
- ▶ предоставленные для добычи полезных ископаемых.

Градостроительные регламенты не устанавливаются для земель лесного фонда, земель, покрытых поверхностными водами, земель запаса, земель особо охраняемых природных территорий, сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения, земельных участков, расположенных в границах особых экономических зон и территорий опережающего социально-экономического развития.

По мнению Н.Н. Мельникова и Е.А. Савельевой, правила землепользования и застройки являются основой градостроительного зонирования и определения правового режима земель населенных пунктов, поскольку в них устанавливаются виды разрешенного использования земельных участков, предельные (минимальные и (или) максимальные) размеры земельных участков и соответствующие ограничения их использования [4, с. 8—11].

Минимальные и максимальные размеры земельных участков, на которые в соответствии с указанной нормой действие градостроительных регламентов не распространяется или в отношении которых такие регламенты не устанавливаются, определяются в соответствии с ЗК РФ и другими федеральными законами, к которым в том числе можно отнести федеральные законы от 15.04.1998 № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» (далее — Закон № 66-ФЗ), от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», от 07.07.2003 № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»,

которые вместе с ЗК РФ весьма ограниченно регламентируют отношения, связанные с предельными размерами земельных участков. На данное обстоятельство обращает внимание В.Л. Беляев, говоря о том, что такие законы либо отсутствуют, либо крайне слабо регулируют указанные вопросы, что на практике затрудняет развитие территорий [1, с. 14—29].

Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) в определении от 16.07.2015 № 1689-О указал, что владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (ч. 2 ст. 36 Конституции); условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона (ч. 3 ст. 36 Конституции), к числу которых относятся ЗК РФ и ГрК РФ, предусматривающие соответственно в ст. 119 и 30 необходимость соблюдения при образовании и изменении земельных участков их предельных (минимальных и (или) максимальных) размеров, установленных правилами землепользования и застройки. При этом, как указывал КС РФ, законодательные требования, касающиеся предельных (минимальных и (или) максимальных) размеров земельных участков, направлены на обеспечение рационального использования земель (определения от 15.01.2009 № 186-О-О и от 24.09.2012 № 1598-О).

В литературе высказывается мнение о том, что п. 2 ст. 11⁹ ЗК РФ необходимо дополнить, указав, что предельные (максимальные и минимальные) размеры земельных участков, указанные в градостроительных регламентах, законах субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления, применяются как при предоставлении земельных участков гражданам в собственность из находящихся в государственной или муниципальной собственности, так и при разделе и объединении земельных участков, находящихся в собственности физических и юридических лиц [7, с. 22—25].

Следует согласиться с мнением Д.С. Железнова о том, что в настоящее время с практическим применением вышеуказанной нормы ЗК РФ имеются определенные сложности. Они связаны с тем, что далеко не во всех муниципальных образованиях утверждены правила землепользования и застройки, которые содержат в себе градостроительные регламенты с указанием предельных площадей земельных участков для той или иной территориальной зоны [3, с. 11—15].

На практике вопрос об испрашиваемом и предоставленном земельном участке очень актуален и ввиду отсутствия четких законодательных критериев порождает сложные споры.

В надзорной практике органов прокуратуры имеется немало примеров отчуждения земельных участков на безвозмездной основе с нарушением требований о нормах предоставления земельного участка, одновременно ограниченного в обороте при неопределенности о подведомственности спора.

Так, прокурор Республики Бурятия обратился в Арбитражный суд Республики Бурятия с иском к При-

байкальской районной администрации Республики Бурятия и дачному некоммерческому товариществу «ИТАНЦА» о признании недействительной сделки по передаче в собственность товариществу земельного участка общей площадью 68652 кв.м, расположенного по адресу: Республика Бурятия, Прибайкальский район, сельское поселение «Гремячинское», оформленной постановлением Прибайкальской районной администрации от 10.04.2013 № 420 «О предоставлении в собственность земельного участка ДНТ «ИТАНЦА», и о применении последствий недействительности этой сделки в виде понуждения товарищества возвратить земельный участок.

Решением Арбитражного суда Республики Бурятия от 03.02.2014 по делу № А10-3198/2013, оставленным без изменения постановлением Четвертого арбитражного апелляционного суда от 25.04.2014, в удовлетворении иска отказано.

Постановлением Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.08.2014 указанные судебные акты отменены, дело передано на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Решением Арбитражного суда Республики Бурятия от 23.10.2014, оставленным без изменения вышестоящими инстанциями, заявленный иск удовлетворен.

Удовлетворяя требования прокурора, суды исходили из того, что спорный земельный участок был предоставлен с нарушением порядка, оснований и требований к размерам земельных участков, установленных Законом № 66-ФЗ. При этом суды отметили, что в отношении ДНТ «ИТАНЦА» имеет место иной, отличный от предусмотренного ст. 13 и 14 указанного законодательного акта порядок создания, в основе которого лежит наличие заинтересованности в предоставлении земельного участка безотносительно к нуждаемости граждан в получении дачных земельных участков, как это следует из положений указанного закона.

Кроме того, спорный земельный участок находится в центральной экологической зоне озера Байкал и в пределах его прибрежной защитной полосы, в связи с чем он также не мог быть предоставлен товариществу.

Доводы ДНТ «ИТАНЦА» о неподведомственности данного спора арбитражному суду и о выборе прокурором ненадлежащего способа защиты права (так как постановление администрации не может оспариваться как сделка) отклонены со ссылками на правовые позиции, изложенные в пункте 56 совместном постановлении Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее — постановление Пленумов № 10/22) и в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.05.2011 № 17510/10 (о подведомственности).

Утверждения товарищества об отсутствии нарушения в результате предоставления земельного участка прав и законных интересов России, в защиту которых прокурором предъявлен иск, также судом были отвер-

гнуты, поскольку нарушение интересов России в данном случае состоит в предоставлении земельного участка в собственность товариществу с нарушением запретов и ограничений, установленных законодательством в целях охраны озера Байкал как уникальной экологической системы России и объекта всемирного природного наследия³.

Примером несоразмерности предоставленного земельного участка для предпринимательской деятельности являются факты, изложенные в иске заместителя прокурора Московской области, который обратился в Арбитражный суд Московской области к обществу с ограниченной ответственностью «Фабрика торговой мебели «Вика» (далее — общество), администрации Щелковского муниципального района Московской области (далее — администрация) о признании недействительным договора купли-продажи земельного участка от 18.08.2015 № 4149, заключенного между администрацией и обществом, и применении последствий недействительности ничтожной сделки в виде возврата сторон в первоначальное состояние.

Решением Арбитражного суда Московской области от 03.02.2017 по делу № А41-64711/2016, оставленным без изменения постановлением Десятого арбитражного апелляционного суда от 12.04.2017, иски требования удовлетворены частично. Оспариваемый договор купли-продажи земельного участка признан недействительным, применены последствия недействительности ничтожной сделки в виде понуждения администрации возвратить обществу денежные средства в размере 4646714 руб. В удовлетворении остальной части иска отказано.

Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 10.08.2017 судебные акты судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

Разрешая спор и установив, что площадь земельного участка, предоставленного обществу в собственность, в 27 раз превышает площадь расположенного на нем объекта, который не может характеризоваться как производственно-складской комплекс, суды пришли к выводу о том, что предоставленный в собственность обществу земельный участок не отвечает требованиям к земельному участку, необходимому для эксплуатации спорного объекта недвижимости, в отношении площади такого участка.

Принимая во внимание, что ответчиками не доказана соразмерность площади земельного участка расположенному на нем объекту недвижимости, собственником которого является общество, суды, исходя из положений п. 1 ст. 11⁹, подп. 6 п. 2 ст. 39³, п. 1 ст. 39²⁰ ЗК РФ, ст. 166, 167, 168 ГК РФ, признали спорный договор недействительной (ничтожной) сделкой, заключенной в нарушение требований действующего законодательства.

³ Аналогичные примеры несоразмерности предоставления земельных участков садоводческим некоммерческим товариществам выявлялись прокуратурой Республики Башкортостан. По результатам заявленных требований о признании договора аренды и передачи прав и обязанностей по договорам аренды земельных участков общей площадью около 23 га земли вынесены судебные акты по делам № А07-27473/2016 и № А07-27474/2016 об удовлетворении требований.

Приведу факт несоразмерности предоставленного земельного участка под объектом недвижимости.

Заместитель прокурора Республики Северная Осетия-Алания обратился в Арбитражный суд Республики Северная Осетия-Алания с иском заявлением к ООО «Безопасность-Санкт-Петербург» и администрации местного самоуправления г. Владикавказа о признании договора купли-продажи земельного участка площадью 0,1606 га недействительной (ничтожной) сделкой и применении последствий недействительности в виде возложения на общество обязанности возвратить земельный участок муниципальному образованию г. Владикавказ, на управление — возвратить обществу 81⁹999 рублей.

Решением от 08.12.2016 по делу № А61-2730/2016 иски требования удовлетворены. Суд исходил из того, что законодательством не предусмотрена возможность приватизации всего земельного участка, на части которого находятся объекты, введенные в эксплуатацию, а на другой — только запланировано строительство объектов, в целях возведения которых сформирован участок. Доказательства, подтверждающие строительство объекта недвижимости, предусмотренного договором аренды от 29.07.2013, не представлены. Оспариваемая сделка нарушает требования ст. 36 ЗК РФ, так как посягает на публичные интересы, а также права и охраняемые законом интересы населения муниципального образования. Довод ответчиков о пропуске срока исковой давности суд отклонил, указав, что на момент предъявления иска срок исковой давности по требованиям прокурора не истек.

Апелляционным постановлением от 13.04.2017 решение от 08.12.2016 отменено, в удовлетворении иски требований отказано.

Арбитражный суд Северо-Кавказского округа 24.07.2017 апелляционное постановление отменил и оставил в силе решение суда первой инстанции, указав, что из анализа положений ст. 36 ЗК РФ следует, что предоставление права на земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, гражданину, имеющему в собственности строение, здание, сооружение, вызвано необходимостью обслуживания и использования этих строений по назначению. Если объект недвижимости имеет вспомогательное назначение и его создание и использование не отвечают первоначальному цели предоставления земельного участка, приобретение в собственность такого земельного участка в порядке ст. 36 ЗК РФ не основано на законе. Законодательством не предусмотрена возможность приватизации всего земельного участка, если на одной его части находятся объекты, введенные в эксплуатацию, а на другой — только запланировано строительство объектов, в целях возведения которых этот участок формировался.

Кроме того, суд апелляционной инстанции не учел, что цель, для реализации которой предоставлен в аренду земельный участок, находящийся в публичной собственности, фактически не достигнута. Приобретение земельного участка значительной площади для эксплуатации объекта, фактически имевшего вспомога-

тельное значение, направлено на обход закона, что недопустимо (ст. 10 ГК РФ).

В свете приведенного примера необходимо обратить внимание на правовую позицию, изложенную в определении КС РФ от 27.06.2017 № 1289-О о том, что право на приватизацию государственного и муниципального имущества не имеет конституционного закрепления; оно регламентируется федеральным законодателем с учетом особенностей объекта приватизации — земельного участка. Указанная особенность предполагает наличие устойчивой правовой связи между сооружением и земельным участком, которая может быть достигнута лишь при условии признания сооружения недвижимым имуществом, что соответствует также положениям ГК РФ (ст. 271—273 и др.) и ЗК РФ (ст. 11⁹ и 39⁶), регламентирующим вопросы распоряжения и правовой судьбы земельных участков во взаимосвязи с правами на иные объекты недвижимого имущества, расположенные на этих участках, включая такие объекты, как сооружения.

Как показывают регулярно проводимые Генеральной прокуратурой Российской Федерации обобщения правоприменительной практики, выявление системных нарушений в реализации органами власти полномочий при распоряжении земельными участками не всегда осуществляется своевременно, что в конечном итоге приводит к вовлечению в сферу ответственности добросовестных приобретателей, инвесторов, участников долевого строительства.

Анализируя состояние правоприменительной практики, нами был выявлен ряд *проблем материально-правового и процессуального характера*, которые возникают у прокуроров при рассмотрении и пересмотре дел в арбитражных судах в сфере земельных правоотношений. К таковым среди прочих относится и избрание способа защиты нарушенного права, которое может определяться не только формой восстановления охраняемых интересов, но и видом самого объекта. Объектом вещных прав в гражданском обороте являются земельные участки.

В настоящее время правовая позиция судебных органов относительно защиты вещных прав определена в постановлении Пленумов № 10/22, информационном письме Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения».

В соответствии с абз. 3 п. 2 постановления Пленумов № 10/22, к искам о правах на недвижимое имущество относятся, в частности, иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, о признании права, об установлении сервитута⁴, об установлении границ земельного участка, об освобождении имущества от ареста.

Кроме этого, согласно абз. 4 п. 52 указанного постановления Пленумов № 10/22, восстановление нарушенного права может быть осуществлено путем предъявления иска *о признании права или обременения*

отсутствующим. Такие иски являются исключительным способом защиты, который подлежит применению лишь тогда, когда нарушенное право истца не может быть защищено посредством предъявления специальных исков, предусмотренных действующим гражданским законодательством.

Несмотря на то, что законодательного закрепления возможности обращения в суд с подобными требованиями у прокурора в арбитражном процессе отсутствует, примеры предъявления таких исков имеются. Суд, рассматривая заявленные прокурором требования, удовлетворяет его в полном объеме либо отказывает в удовлетворении ввиду наличия другого способа защиты (восстановления) права, отличного от заявленного прокурором.

Так, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в постановлении от 01.09.2016 по делу № А32-11191/2015, оставляя в силе состоявшиеся судебные акты по иску заместителя прокурора Краснодарского края, указал, что судебные инстанции, верно установив заключение оспариваемого договора аренды земельного участка в нарушение требований российского законодательства, правомерно удовлетворили исковое заявление прокурора в части требований о признании отсутствующим права аренды земельного участка, его возврате, о признании отсутствующим права собственности ответчика на расположенный на данном земельном участке не завершенный строительством объект, а также о возложении на ответчика обязанности демонтировать расположенный на данном земельном участке объект незавершенного строительства (самовольную постройку).

Например, прокурор Кабардино-Балкарской Республики в интересах Российской Федерации обратился в Арбитражный суд Кабардино-Балкарской Республики с иском к Кабардино-Балкарской Республике в лице министерства земельных и имущественных отношений Кабардино-Балкарской Республики об истребовании из незаконного владения земельного участка площадью 10 381 кв. м.

Территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Кабардино-Балкарской Республике (далее — управление Росимущества) вступило в дело с самостоятельными требованиями относительно предмета спора к министерству о признании отсутствующим права собственности Кабардино-Балкарской Республики на земельный участок.

Решением Арбитражного суда Кабардино-Балкарской Республики от 20.08.2016 по делу № А20-3093/2015, оставленным без изменения вышестоящими судами, в удовлетворении иска прокурора отказано, самостоятельные требования управления Росимущества удовлетворены.

Судебные акты мотивированы тем, что спорный земельный участок образован за счет земельного участка площадью 16,12 га, расположенного закрепленного за правопреемником университета (федеральным учреждением) в 1997 году на праве бессрочного пользования. Государственная собственность на земельный участок разграничена в пользу Российской Федерации

⁴ См. подробнее: Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом ВС РФ 26.04.2017).

в силу закона. Решение об изъятии земельного участка из бессрочного пользования университета принято неуполномоченным лицом с нарушением положений земельного законодательства. Земельный участок из владения университета не выбывал и в непосредственное владение Кабардино-Балкарской Республики в лице министерства не поступал. Нахождение земельного участка во владении Российской Федерации, опосредованном бессрочным пользованием университета, исключает необходимость защиты такого владения в судебном порядке и обуславливает возможность признания права региональной собственности на земельный участок отсутствующим. Исковая давность к таким требованиям неприменима.

Одновременно суд обратил внимание на то, что в п. 32, 36, 52, 58 и 59 совместного постановления Пленумов № 10/22 разъяснено, что лицо, обратившееся в суд с иском об истребовании своего имущества из чужого незаконного владения, должно доказать свое право собственности на имущество, находящееся во владении ответчика. Лицо, считающее себя собственником находящегося в его владении недвижимого имущества, право на которое зарегистрировано за иным субъектом, вправе обратиться в суд с иском о признании права собственности, удовлетворение которого возможно при доказанности заявителем возникновения у него соответствующего права. В случаях, когда запись в Едином государственном реестре прав нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания пра-

ва или истребования имущества из чужого незаконного владения, оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими.

В отсутствие у управления Росимущества необходимости в защите владения земельным участком, не выбывавшим из фактического владения университета, **единственным возможным способом защиты права Российской Федерации являлось признание права региональной собственности на земельный участок отсутствующим.** Исковая давность на такое требование как разновидность негативного иска не распространяется. В этой связи основания для удовлетворения виндикационного иска прокурора отсутствовали.

Следует констатировать, что участие прокурора в рассмотрении арбитражными судами дел в сфере земельных правоотношений является действенным средством пресечения и устранения нарушений законодательства. Для эффективной реализации прокурором задачи по защите публичных интересов, возложенных на него законом, необходимо наделить его дополнительными процессуальными полномочиями по обращению в арбитражный суд с иском о признании права (признании права отсутствующим), т. е. теми способами восстановления нарушенного права, которые предусмотрены в абзаце третьем п. 2 и абзаце четвертом п. 52 постановления Пленумов № 10/22.

Литература

1. Беляев В.Л. Согласование градостроительных и земельных вопросов: состояние, задачи и возможные пути решения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 9. С. 14—29.
2. Воробьев Т.Н. Цели участия прокурора в рассмотрении судом гражданских дел // Современное право. 2017. № 5. С. 53—56.
3. Железнов Д.С. Предоставление земельных участков собственникам находящихся на них объектов недвижимости: актуальные вопросы теории и практики // Аграрное и земельное право. 2017. № 3. С. 11—15.
4. Мельников Н.Н., Савельева Е.А. Значение правил землепользования и застройки и документов территориального планирования в регулировании правового режима земель населенных пунктов // Российская юстиция. 2013. № 6. С. 8—11.
5. Отческая Т.И. Процессуальные аспекты участия прокурора в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 122—131.
6. Серебрянный К.С. Гражданско-правовой режим земельных участков в новейшей редакции Земельного кодекса Российской Федерации // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2017. № 3. С. 101—108.
7. Тоточенко Д.А. Минимальный и максимальный размер земельного участка // Российская юстиция. 2015. № 11. С. 22—25.
8. Тоточенко Д.А. О подведомственности и подсудности споров о правах на земельные участки // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 5. С. 51—55.
9. Тоточенко Д.А. О соотношении понятий «земельный спор» и «имущественный спор, возникающий из земельных отношений» // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 11. С. 88—92.
10. Умеренко Ю.А. Тенденции развития и некоторые проблемы земельного законодательства Российской Федерации на современном этапе // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 7 (178). С. 90—105.

Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и за рубежом: сравнительный анализ

Атагимова Э. И.¹

Ключевые слова: семья, государство, семейно-бытовое насилие, права человека, несовершеннолетний, жертва насилия, правовое регулирование, закон, преступление, профилактика, противодействие, правозащитники.

Аннотация. В статье автором рассмотрены особенности правового регулирования отношений в сфере предупреждения и профилактики семейно-бытового насилия в современной России. Проанализированы действующие правовые нормы, направленные на защиту от семейного насилия. Приводится сравнительный экспресс-анализ международного законодательства в данной сфере. Представлен зарубежный опыт создания необходимых условий безопасности семьи. Обозначены страны, где действуют специальные законодательные акты, направленные на противодействие насилию в семье. Раскрыты социальные и правовые проблемы, способствующие семейно-бытовому насилию. С учетом мнения некоторых правозащитников и должностных лиц, обоснован вывод о необходимости совершенствования законодательства по вопросам предупреждения семейно-бытового насилия в России. Обращено внимание на то, что принятие специального закона, направленного на предупреждение и профилактику семейно-бытового насилия, является социально обусловленной необходимостью. Отмечается, что данный закон может стать дополнительным инструментом предупреждения семейно-бытового насилия, правовой защиты пострадавших от семейно-бытового насилия и неотвратимости наказания виновных.

DOI: [10/21681/2226-0692-2018-2-49-53](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-2-49-53)

Проблема семейно-бытового насилия является одной из самых сложных и серьезнейших проблем современного общества. Она очень актуальна для многих стран, в том числе и для России, соответственно заслуживает серьезного рассмотрения и анализа.

В настоящее время проявление насилия в семье в различных его формах приобрело угрожающие масштабы. Это говорит о том, что процесс криминализации семьи не только не ослабевает, а, наоборот, с каждым годом усиливается. К сожалению, мы очень часто слышим из средств массовой информации сообщения об уже свершившемся факте насилия в семье и жертвами насильников становятся женщины, дети, престарелые, инвалиды, не способные защищать себя вследствие зависимого положения в семье. Семейное насилие — один из самых латентных видов преступлений. В силу латентности явления, о реальных масштабах насильственных преступлений в семье мы можем только догадываться, особенно если учесть и то, что одной из главных особенностей семейного насилия — это ее систематичность.

Насилие, проникая в жизнь семьи, оказывает негативное воздействие и на подрастающее поколение. В силу своего возраста дети являются самой незащищенной социальной группой. Уязвимость детей к насилию объясняется их физической, психической и социальной

незрелостью, а также зависимым, подчиненным положением по отношению к взрослым, будь то родители, опекуны, воспитатели, учителя [2, с. 8—27]. Наблюдаемые с детства сцены семейно-бытового насилия могут привести к формированию агрессивного поведения во взрослом состоянии.

Заслуживают поддержки суждения ряда авторов, которые отмечают, что в силу особенностей психического и физического развития ребенка, насильственные посягательства оставляют неизгладимый след не только на физическом здоровье ребенка, но и на его нравственном развитии [9, с.179]; функциональное состояние организма у ребенка находится в стадии развития и наряду со здоровьем несовершеннолетних негативному воздействию совокупно подвергается нормальное физическое, психическое и нравственное развитие [10, с. 178]; психологическая травма как следствие осуществленного преступного посягательства всегда представляет собой сильные эмоциональные переживания человека [4], то есть жертва преступления испытывает наравне с физическими страданиями и психические, нравственные [1, с. 124—134]. Иными словами, преступные последствия таких посягательств — это тяжелые психологические травмы, оказывающие подчас негативное влияние на всю дальнейшую жизнь ребенка-жертвы.

¹ Атагимова Эльмира Исамудиновна, кандидат юридических наук, советник аппарата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: atagimova75@mail.ru

Здесь на наш взгляд заслуживает внимание мнение ученых о том, что насилие унижает человеческое достоинство личности ребенка, как и взрослого, и грубо нарушает его право на физическую неприкосновенность. Оно не только влечет физические и нравственные страдания ребенка, но и закрепляет в его представлениях ложный стереотип поведения сильного (взрослого и здорового) в отношении слабого (ребенка, старика, инвалида, животного), то есть поведения, характерного для негуманного и непросвещенного общества. В результате у ребенка и в обществе в целом формируется и культивируется жестокость, и этот стереотип воспроизводится в последующих поколениях [5]. Ведь именно семья является важнейшим институтом становления личности, ребенка, формирования его неповторимых, персональных качеств [6, с. 20—25].

Прошедшие десятилетия характеризуются усилением поддержки государства и общества института семьи, материнства, ответственного родительства [8, с. 359]. Особо остро стоит вопрос повышения уровня жизни семей с детьми, оказания своевременной адресной помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, профилактики семейного неблагополучия, домашнего насилия, жестокого обращения с детьми. На наш взгляд справедливо мнение, что современное российское общество и государство стоит перед реализацией задач принципиального характера, в частности дальнейшего цивилизационного развития России [7, с. 32]. В Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р, отмечается, что «трудности, которые испытывает семья, в том числе связанные с экономическими проблемами, нередко приводят к внутрисемейным конфликтам, в результате которых могут оказаться нарушенными права и законные интересы детей. Важным элементом в преодолении таких ситуаций является предоставление социальных услуг и реализация мер, направленных на профилактику семейного неблагополучия»².

Основными международными документами, декларирующими право на защиту от насилия в семье являются: «Всеобщая декларация прав человека»; «Декларация прав ребенка»; «Декларация о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин»; «Конвенция о политических правах женщин»; «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах»; «Международный пакт о гражданских и политических правах»; «Декларация об искоренении насилия в отношении женщин»; «Конвенция о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации брака»; «Конвенция о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» и т.д. Многие из обозначенных документов ратифицированы Российской Федерацией.

² Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.pravo.gov.ru>

11 мая 2011 г. в Стамбуле (Турция) была открыта для подписания Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence — CDCE No. 210), также известная как Стамбульская конвенция³. В настоящее время Конвенция еще не вступила в силу. Из 47 государств — членов Совета Европы подписали договор Албания, Андорра, Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Хорватия, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Исландия, Италия, Люксембург, Мальта, Монако, Черногория, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Сербия, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Бывшая Республика Югославии Македония, Турция, Украина и Соединенное Королевство. Конвенция была ратифицирована Албанией (4/2/2013), Португалией (5/2/2013), Турцией (14/3/2012) и Черногорией (22/4/2013). 18 января 2018 г. Армения тоже подписала Стамбульскую конвенцию. Российская Федерация до настоящего времени Конвенцию не ратифицировала.

Конвенция Совета Европы носит комплексный характер и содержит практический инструментарий для решения проблем насилия в отношении женщин с помощью создания специального механизма контроля. Главной целью Конвенции является предотвращение всех форм насилия в отношении женщин, в том числе защита женщин от преследования и насилия в семье (домашнего насилия), однако государства-участники могут также распространить ее действие на мужчин и детей⁴.

В России пока нет специального закона, направленного на защиту жертв семейного насилия, на профилактику и предупреждение семейного насилия. Те международные документы, которые действуют на территории Российской Федерации, такие как «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948), «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (Заключена 18.12.1979) и др., носят декларативный характер.

Проблемы насилия в семье, насилия в отношении женщин и детей рассматривается в России как нарушение прав человека. Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) содержит нормы, направленные на защиту от различных форм насилия, однако специальных норм о защите от семейного насилия УК РФ не содержит. Положения действующего УК РФ устанавливают ответственность за умышленные преступления против жизни, здоровья и половой неприкосновенности граждан, но его положения начинают действовать после факта совершения преступления, соответственно направлены не на профилактику семейного насилия, а на демпфирование уже случившихся последствий.

Вопрос о необходимости принятия закона о борьбе с семейным насилием в последние годы неоднократно поднимался. Данная необходимость обусловлена отсут-

³ Статус Конвенции Совета Европы о насилии в отношении женщин. URL: [http://conventions.coe.int/Treaty/ Commun/ QueVoulezVous.asp?NT=210&CM=1&CL=ENG](http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/QueVoulezVous.asp?NT=210&CM=1&CL=ENG).

⁴ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием // Конвенция от 11 мая 2011 года - <http://docs.cntd.ru/document/420206767>

ствием системного подхода к обозначенной проблеме. В настоящее время общегосударственная политика по борьбе с семейным насилием, механизмы профилактики и пресечения семейного насилия на федеральном уровне практически не разработаны. Действующие на сегодняшний день правовые нормы могут быть применены уже после совершения правонарушения или преступления. К сожалению, законопроекты, внесенные в Государственную Думу ФС РФ в 1996 (проект федерального закона № 96700121-2 «О предотвращении насилия в семье»⁵) и 1997 (проект федерального закона № 97700685-2 «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье» (не действует)⁶) годах, были сняты с рассмотрения. А проект федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия»⁷, внесенный в Государственную Думу ФС РФ 2016 году возвращен субъекту права законодательной инициативы для выполнения требований Конституции Российской Федерации и Регламента Государственной Думы.

В 2012 г. в Общественной палате прошли слушания по вопросу проекта федерального закона «О предупреждении и профилактике насилия в семье». Как отмечается на сайте Общественной палаты, «домашнее насилие является одним из самых распространенных и грубейших нарушений прав и свобод человека. В Российской Федерации 40% всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье. Ежегодно более десяти тысяч женщин погибают от рук мужей или других близких. По официальной статистике МВД в России 26 тысяч детей ежегодно становятся жертвами преступных посягательств со стороны родителей. Еще две тысячи детей и подростков, спасаясь от жестокого обращения в семье, кончают жизнь самоубийством, десятки тысяч убегают из дома». В ходе обсуждений этого вопроса на общественных слушаниях было предложено несколько моделей закона⁸.

Тем не менее, проблема не решена: специальный закон, направленный на профилактику семейно-бытового насилия, пока еще не принят. На наш взгляд, эта сложная социальная проблема требует скорейшего решения на законодательном уровне.

В настоящее время в 124 государствах мира действуют специальные законодательные акты о борьбе с домашним насилием [3]. В последние годы уголовные кодексы были дополнены уголовно-правовыми запретами психологического и экономического насилия (США, Великобритания, Канада, Франция, Польша); приставание и запугивание (stalking) в настоящее время также во многих странах преследуется в уголовном порядке (США, Великобритания, Канада, Польша), как и калечащие операции на женских половых органах (Великобритания, США, Канада).

В США в 1994 г. Национальным советом судей по вопросам молодежи и семьи был издан Модельный кодекс по домашнему и семейному насилию, сыграв-

ший большую роль в формировании дальнейшей законодательной работы по борьбе с домашним насилием (практически во всех штатах США в настоящее время приняты такие законы). В этом же году в США был принят Федеральный закон о борьбе с насилием в отношении женщин 1994 г., Закон Малайзии о домашнем насилии 1994 г., Закон Кыргызстана о социально-правовой защите от насилия в семье 2003 г., Комплексный закон Польши о противодействии насилию в семье 2005 г., Закон Ганы о семейном насилии 2007 г., Закон Словении о предотвращении насилия в семье 2008 г., Закон Казахстана о профилактике бытового насилия 2009 г., Закон Азербайджана о предотвращении бытового насилия 2010 г., Закон Великобритании о домашнем насилии, преступлениях и жертвах преступлений, принятый в 2004 г., Органический закон Королевства Испании о комплексных мерах по защите от гендерного насилия 2004 г., бразильский Закон Марии да Пенья 2006 г., названный по имени женщины, погибшей от домашнего насилия, и другие законы. В Германии в 1997 году были приняты «Судебные директивы по уголовному судопроизводству в сфере домашнего насилия»⁹. Кроме того, в Великобритании в борьбе с домашним насилием в разной степени используются следующие акты, регулирующие гражданско-правовые отношения: Закон о семейном праве 1996 года; Закон о защите от запугивания 1997 г., который также содержит уголовно-правовые нормы; Закон о детях 1989 г.; Закон об усыновлении и детях 2002 года; Закон о детях 2004 года; Закон о гражданском партнерстве 2004 года; Закон о детях и усыновлении 2006 г. и Закон о насильственном браке (гражданские меры защиты) 2007 г. [3].

Масштабы проблемы семейного насилия в Российской Федерации очень велики — это тысячи погибших и десятки тысяч избитых и искалеченных женщин, детей, стариков, инвалидов. Преступления и правонарушения в семье носят скрытый характер, так как некоторые пострадавшие от семейного насилия обращаются в правоохранительные органы, когда уже становится слишком поздно и здоровью причинён тяжкий вред, либо вовсе не обращаются. Заслуживает внимание суждение депутата Госдумы О.В. Пушкиной, которая объясняет это тем, что «Большинство жертв терпят, потому что им зачастую не к кому обратиться за помощью, а полиция не принимает от них заявлений, не возбуждает уголовные дела, спускает расследования на тормозах. Чтобы чего-то добиться, требуются юридическая грамотность, знание норм Уголовно-процессуального кодекса, умение правильно написать заявление и собрать доказательства — все это для большинства практически невозможно. И жертва продолжает жить в одном доме с тем, кто издевается над ней каждый день. Даже если суд над агрессивным супругом все-таки состоится, то после заседания все равно предстоит возвращение до-

⁹ Аналитический обзор на тему: «Соответствие российского законодательства требованиям международной организации труда» / кол. авторов Азарова Е.Г., Андриченко Л.В., Бочарникова М.А., Голованова Н.А., Захаров М.Л., Коршунова Т.Ю., Ломакина Л.А., Плюгина И.В., Серегина Л.В., Чиканова Л.А. / отв. ред. Л.А. Чиканова // СПС КонсультантПлюс. 2014.

⁵ <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/96700121-2>

⁶ <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/97700685-2>

⁷ <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/1183390-6>

⁸ <http://www.oprf.ru/press/news/2013/newsitem/20553>.

мой, где будет все тот же мучитель. Замкнутый круг»¹⁰. Действительно, многие жертвы семейно-бытового насилия не информированы о своих правах и, как следствие, не могут дать правовую оценку той ситуации, в которой они оказались. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что имеющиеся на сегодняшний день правовые механизмы недостаточны для борьбы с семейно-бытовым насилием.

Ситуация в сфере семейного насилия усугубилась по мнению многих с принятием закона о декриминализации побоев. Данный закон вывел семейное насилие из действия УК РФ в категорию административных нарушений. В результате «семейных дебоширов» за оставленные синяки и ссадины теперь не привлекают к уголовной ответственности, а штрафуют.

Уголовное наказание сохранили лишь для побоев из хулиганских побуждений или тех, что наносились по причине розни (национальной, религиозной или социальной). Для семейных правонарушителей уголовная ответственность наступает лишь при административной преюдиции, иными словами, если дебошир уже был привлечен к административному наказанию и побил человека вновь (статья 116.1 УК РФ). Максимальное наказание за такое действие УК РФ предусматривает три месяца ареста.

Глава Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин, выступая на коллегии ведомства, предложил вернуться к вопросу о декриминализации домашнего насилия, полагая, что преступность переместилась с улиц в семьи, причем в приемные. Он также подчеркнул, что со стороны экспертного сообщества многократно высказывалось мнение, что гуманизация законодательства в данном контексте спровоцирует увеличение «семейных» агрессоров, но данный посыл также не был воспринят законодателем¹¹.

О том, что декриминализация побоев в семье привела к возникновению новых трудностей, подчеркнул на заседании правительственной комиссии по профилактике правонарушений и глава МВД В.А. Колокольцев. По словам министра, к концу сентября 2017 года (закон о декриминализации побоев в семье вступил в силу в феврале 2017 года), сотрудниками полиции было зарегистрировано свыше 164 тыс. правонарушений по фактам нанесения побоев, при этом в качестве преступлений расследовалось лишь около 7 тыс. таких случаев. «Более чем в 70% случаев по административным делам о побоях судами принимаются решения о назначении штрафа, что не в полной мере отвечает целям наказания. Зачастую данная мера не является серьезным сдерживающим фактором, а когда речь идет о близких людях, накладывает на семью еще и дополнительную финансовую нагрузку»¹². Проблемой, по словам В.А. Колокольцева, стало то, что, хотя закон дает возможность отправлять нарушителей под административный арест (до 15 суток)

или привлекать к обязательным работам (до 120 часов), суды назначают штраф (от 5 тыс. до 30 тыс. руб.).

Многие правозащитники и депутаты Госдумы предлагают принять закон против домашнего насилия. «Внутрисемейные конфликты — материя тонкая, поэтому, как показывает мировая практика, нуждаются в специальном регулировании. У нас такого нет, «традиция» — иная. Человек, пострадавший от домашнего насилия, в лучшем случае может обратиться в полицию, после чего, возможно, участковый проведет профилактическую беседу с агрессором. ... необходим специальный закон, более эффективный по сравнению с существующими отдельными статьями из Уголовного, Гражданского и Административного кодексов»¹³, — утверждает парламентарий О.В. Пушкина.

Выступая на конференции «Женщины против насилия» в Москве, Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова призвала разработать и принять закон о противодействии насилию в семье и предложила открыть горячую линию по проблеме домашнего насилия¹⁴. Она также подчеркнула необходимость ратификации Конвенции Совета Европы «О предупреждении и пресечении насилия в отношении женщин и насилия в семье» (Стамбульская конвенция от 11 мая 2011 года).

Поддержал идею принятия в России закона о профилактике семейного насилия и Председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) М.А. Федотов. Московский омбудсмен Т.А. Потяева тоже отметила, что к ней поступает огромное количество обращений по поводу насилия в семье, поэтому необходим закон о профилактике подобных ситуаций, и сообщила, что уже обращалась в Совет Федерации с вопросом о пересмотре поправок о декриминализации побоев в семье¹⁵.

В аспекте обсуждаемой проблемы считаем необходимым затронуть и вопросы недостаточной защищенности малолетних и несовершеннолетних от насильственных преступлений, в особенности от преступлений против их половой неприкосновенности, уровень современного состояния которых характеризуется крайне негативными тенденциями, что свидетельствует о необходимости применения более эффективного и действенного уголовно-правового механизма защиты детей от сексуальных посягательств. Многие дети сталкиваются с проблемой насилия именно в собственной семье. В целях борьбы с указанными преступлениями 14 февраля 2018 г. в Государственную Думу внесен комплексный законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних»¹⁶, направленный на усиление мер защиты детей от сексуального насилия, в том числе педофилии.

¹⁰ «Защита должна быть системной». Огонек. № 4 (5500) от 05.02.2018 г. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3521225>

¹¹ https://www.znak.com/2018-02-06/glava_skr_aleksandr_bastrykin_raskritikoval_dekriminalizaciyu_domashnih_poboev

¹² <https://www.rbc.ru/society/20/12/2017/5a3a41e49a7947039b52377d>

¹³ «Защита должна быть системной». Огонек № 4 (5500) от 05.02.2018 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3521225>

¹⁴ <https://www.asi.org.ru/news/2017/12/07/nasilie-v-seme/>

¹⁵ <https://news.rambler.ru/community/39083786-fedotov-neobhodim-zakon-o-profilaktike-nasiliya-v-seme/?updated>

¹⁶ <http://sozd.parlament.gov.ru/> по состоянию на 14.02.2018

Один из авторов законопроекта Заместитель Председателя Госдумы И.А. Яровая¹⁷ объяснила законодательную инициативу тем, что в 2017 году 9,6 тысячи несовершеннолетних стали объектами половых посягательств, из них 4245 несовершеннолетних пострадали от сексуального насилия, около 1800 детей в возрасте до 10 лет подверглись сексуальному насилию. Следственный комитет фиксирует рост сексуального насилия в отношении детей. В 2017 году возбуждено более 7 тысяч уголовных дел о насильственных преступлениях сексуальной направленности, в 2016 году таких дел было 5835.

Проект предусматривает пожизненное заключение за преступления сексуального характера в отношении детей до 14 лет, влекущие тяжкие последствия для жизни и здоровья. Важно отметить, что впервые устанавливается дополнительное отягчающее вину обстоятельство, когда преступление совершается лицами, совместно проживающими с детьми и подростками, что, на наш взгляд, подтверждает актуальность принятия специального закона направленного на профилактику семейно-бытового насилия.

Авторы законопроекта также предлагают приостановить сроки давности по преступлениям, которые совершены в отношении малолетних, до достижения

ими совершеннолетия. Это они объясняют тем, что из-за высокой латентности таких преступлений, психологической подавленности и замкнутости детей, находящихся в ситуации постоянного насилия, информация о преступлениях появляется значительно позже.

Полагаем, данная законодательная инициатива, в случае одобрения парламентариями, будет соответствовать целям борьбы с сексуальными посягательствами на малолетних и несовершеннолетних.

В заключении хотелось бы отметить, что семейно-бытовое насилие не только подрывает основы жизнедеятельности самой семьи, но разрушает и фундамент социального общества. Проведенный анализ проблем в сфере профилактики семейно-бытового насилия подтверждает, что данной проблеме необходимо уделять пристальное внимание и разработка специального закона, направленного на профилактику и предотвращение насилия в семье, является социально обусловленной необходимостью. Принятие данного законопроекта, на наш взгляд, станет важным дополнительным инструментом предупреждения семейно-бытового насилия, правовой защиты пострадавших от семейно-бытового насилия и неотвратимости наказания виновных.

Литература

1. Атагимова Э.И., Потемкина А.Т., Цопанова И.Г. Конфликт интересов в уголовном праве (частный случай) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79). С. 124—134.
2. Атагимова Э.И. Роль института семьи при формировании нравственности и правосознания личности в условиях современного информационного пространства России // Правовая информатика. 2017. № 2. С. 18—27.
3. Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / отв. ред. канд. юрид. наук Н.А. Голованова. М.: Юстицинформ, 2011. 384 с.
4. Магомедов Г.Б. Уголовно-правовая характеристика обстоятельств, влияющих на объем меры наказания. Монография. М., Юрлитинформ, 2013. 160 с.
5. Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. доп. и перераб. / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.И. Абрамова и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИД Юриспруденция, 2015. 544 с.
6. Ростова О.С. Семейное воспитание несовершеннолетних — приоритетное направление государственной политики Российской Федерации // Правовая информатика. 2016. № 3. С. 20—25.
7. Рыбаков О.Ю. Стратегии правовой политики России // Юридическое образование и наука. 2015. № 1. С. 30—33.
8. Рыбакова О.С. Поддержка материнства и детства в Российской Федерации: приоритеты законодательного регулирования / В сборнике: Основные тенденции и перспективы развития современного права материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. Москва, 2018. С. 358—362.
9. Степанова О. Ю. Спорные моменты дифференциации уголовной ответственности за сексуальные преступления в отношении детей и подростков // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С.178—182.
10. Челябинова Э.И. Уголовно-правовой и криминологический анализ неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: дис.... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. 223 с.

¹⁷ <http://www.duma-er.ru/news/v-gosdumu-vnesen-zakonoproekt-predlagayushchiy-ustanovit-pozhiznennoe-zaklyuchenie-dlya-pedofilov/>

Характеристики социальной роли арбитражного управляющего в процедурах несостоятельности (банкротства)

Полутин С. В., Моткин Р. В.¹

Ключевые слова: временный управляющий, внешнее управление, конкурсное производство, финансовое оздоровление, конфликт, неплатежеспособность, дисквалификация, уголовная ответственность, банкротство, социальная роль, ролевая теория личности.

Аннотация. Первым законодательным актом в истории современной России, регулирующим сферу несостоятельности, стал Закон от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», закрепивший в современном виде понятие арбитражного управляющего как лица, назначаемого арбитражным судом, которому передаются функции управления имуществом должника. Вместе с этим, за двадцать пять лет существования и развития профессии арбитражного управляющего в научной литературе не сложилось единого мнения относительно социально-экономической функции арбитражного управления, социальной роли арбитражного управляющего. Более того, на законодательном уровне не сформирован профессиональный стандарт деятельности арбитражного управляющего, не закреплена его трудовая функция. Автором статьи осуществлен анализ социальной роли арбитражного управляющего, выявлены специфические черты профессиональной деятельности управляющих в зависимости от процедуры несостоятельности, рассмотрены ключевые для арбитражного управляющего навыки и знания.

DOI: [10.21681/2226-0692-2018-2-54-58](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-2-54-58)

В условиях динамично развивающейся рыночной экономики в Российской Федерации банкротство, то есть признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, как экономико-правовой институт становится широко востребованным механизмом освобождения неплатежеспособных участников рынка от долгов, эффективным способом восстановления платежеспособности должника.

Нормы о несостоятельности должника, то есть неспособности в полной мере удовлетворить требования кредиторов, впервые упоминаются в Русской правде 1016 г.

В частности, в этот период времени четко выделялись виды ответственности и последствия неисполнения денежного обязательства. В качестве штрафных санкций могли выступать пени (см., например, ст. 14 Русской правды: «Если кто будет взыскивать с другого деньги, а тот станет отказываться, то идти ему на суд 12 человек. И если он, обманывая, не отдавал, то истцу можно (взять) свои деньги, а за обиду 3 гривны»²), а также проценты (см., например, ст. 48: «брать проценты только до третьего платежа, если заимодавец берет деньги «в треть»; если кто возьмет с должника два (третьих)

реза, то может взыскать и основную сумму долга; а кто возьмет три реза, тот не должен требовать возвращения основной суммы долга»³).

В случае неуплаты должник мог стать закупом или обельным холопом.

В Псковской судной грамоте 1467 г. институт банкротства получил свое развитие путем оформления принципа пропорциональности удовлетворения требований кредиторов по однородным обязательствам, а также вводился институт реализации предмета залога.

Судебники 1497 г. и 1550 г. также включали в себя нормы о банкротстве, заимствованные из ранее упомянутых памятников права (Русская правда, Псковская судная грамота).

Непосредственно понятие «банкрот» впервые встречается в вексельном уставе 1729 г., установившем: «когда приниматель векселя по слуху в народе банкротом учинился (то есть в неисправу и в убожество впал) и затем от биржи или публичного места, где торговые люди сходятся, отлучается, дозволяется потребовать от него обеспечения в платеже (порук), а если откажет — то протестовать».

Важный этап развития законодательного регулирования общественных отношений в сфере банкротства в России происходит в период с XVII и до XIX вв., пона-

² Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 года / Сост. П.П. Елифанов и О.П. Елифанова. М., 1987. с. 48—63.

³ Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 года / Сост. П.П. Елифанов и О.П. Елифанова. М., 1987. с. 48—63.

¹ Полутин Сергей Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГУ имени Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация.

E-mail: polutin.sergei@yandex.ru

Моткин Роман Владиславович, аспирант кафедры социологии МГУ имени Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация.

E-mail: motkin.r@gmail.com

чалу на волне Петровских реформ, которые послужили стимулом для проникновения в Россию иностранного законодательства, с его принципами и способами регулирования общественных отношений, а далее уже в рамках международного сотрудничества и естественно-го взаимопроникновения правовых норм [2, с. 100].

В частности, в английской правовой системе впервые в мире к началу XVIII века сформировалось понимание того, что добросовестный банкрот, содействующий наиболее полному возмещению убытков кредиторов, может рассчитывать на прощение невыплаченных долгов, что и нашло законодательное закрепление статутом 1705 года [1]. Впоследствии указанный принцип был перенят законодательством Российской Империи.

Среди принятых в этот период законодательных актов можно отметить Вексельный устав 1729 г., Устав о банкротях 1740 г., Банкротский устав 1753 г., Банкротский устав 1763 г. (по проекту 1761 г.), Банкротский устав 1768 года, Устав о банкротях 1800 г., Устав о торговой несостоятельности 1832 г., Устав судопроизводства торгового 1905 г.

В указанный исторический период в источниках права впервые упоминаются лица, осуществляющие функции современных арбитражных управляющих, однако на законодательном уровне статус соответствующих участников дела о банкротстве был урегулирован лишь в 1740 году.

В период возникновения института функции управляющих выполнял государственный орган, носивший название «администрация», действия которого были направлены на восстановление платежеспособности должников. Характерными чертами процедуры являлись: отстранение должника от управления, наличие института конкурса, принятие решение об учреждении администрации независимой комиссией купцов,

Администраторы действовали в пределах законных полномочий, определяемых собранием кредиторов. При необходимости совершения неоговоренных ранее действий администраторы должны были созвать собрание кредиторов и испросить у собрания разрешение на то или иное действие.

Прекращение полномочий администраторов было связано с достижением поставленной перед администрацией цели, а именно с восстановлением платежеспособности должника, что означало погашение имеющейся у должника задолженности перед всеми его кредиторами, а также дальнейшее продолжение его предпринимательской деятельности.

В данный период законодатель вводит раздельное регулирование двух видов банкротства:

- связанное с ведением предпринимательской деятельности («торговая несостоятельность»);
- не связанное с ведением предпринимательской деятельности.

Уже в 19 веке сформировалось понятие несостоятельности, существенно не изменившееся до сих пор: «банкротом признается тот, кто не может сполна заплатить своих долгов».

В 20 веке институт банкротства переживает тяжелый период: с приходом к власти большевиков и из-

менением экономико-правовой формации процедура банкротства на 5 лет (с 1917 г. по 1921 г.) потеряла свою актуальность. Однако, с началом НЭПа суды при рассмотрении дел о несостоятельности в отсутствие актуальной правовой базы использовали нормы Устава о банкротях 1832 г.

28 ноября 1927 г. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР Гражданский процессуальный кодекс был дополнен гл. 37 «О несостоятельности частных лиц физических и юридических». Устанавливался искомый порядок и годичный срок рассмотрения дела о банкротстве. В отсутствие независимых экономических субъектов, вопросы участия в конкурсном производстве и назначении управляющего разрешались государственными учреждениями

До конца существования Советского Союза существенных изменений в правовом регулировании банкротства не наблюдалось. Во время перестройки приватизация государственных предприятий, введение рыночных методов хозяйствования и порядка договорных отношений с введением НДС привели к появлению большого количества убыточных предприятий. В то же время на тот момент развитой законодательной базы не было, что стало причиной возобновления научной и правоведаческой работы в сфере подготовки и принятия новых норм о банкротстве.

Первым законодательным актом стал Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», с момента введения которого дела о банкротстве стали подсудны арбитражным судам. Однако проработанность норм в Законе РФ от 19.11.1992 № 3929-1 была весьма поверхностной.

Тем не менее, уже 1 марта 1993 г., в день вступления закона в силу, в арбитражные суды было подано большое количество заявлений о банкротстве. Динамика дел этой категории выглядит следующим образом: в 1993 г. было рассмотрено не многим более 100 дел; в 1994 г. — 240 дел; в 1995 г. — 1108 дел; в 1996 г. — 2618 дел; в 1997 г. — 4320 дел. Число должников, ежегодно признаваемых несостоятельными (банкротами), увеличилось за этот период с 50 в 1993 году до 2200 в 1997 г. В 1997 г. в отношении 850 организаций арбитражными судами были применены реорганизационные процедуры⁴.

В настоящее время, центральное место в системе правового регулирования несостоятельности (банкротства) занимает Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», задачами которого являются исключение из оборота неплатежеспособных субъектов и предоставление возможности добросовестным предпринимателям улучшить свои дела под контролем арбитражного суда и кредиторов и вновь достичь финансовой стабильности.

За последние три года в законодательстве о банкротстве произошли существенные изменения. Основными направлениями развития стали:

- ужесточение контроля за деятельностью арбитражных управляющих;

4 О.Ю. Бирюкова, Л. А. Бочкова. Приемы антикризисного менеджмента/ Litres, 2017 г. — 277 с.

- принятие ряда норм, направленных на защиту прав работников;
- введение процедуры банкротства физического лица. Ужесточение законодательства в отношении арбитражных управляющих проявилось в появлении следующих норм:
 - введение административной дисквалификации на 3 года за повторное нарушение пункта 3 ст. 14.13 КоАП РФ (Неправомерные действия при банкротстве);
 - увеличение членского взноса при вступлении в СРО арбитражных управляющих до 200 000 рублей;
 - увеличение минимального срока стажировки для получения статуса арбитражного управляющего с 6 месяцев до 2 лет;
 - увеличение минимального размера страховой суммы по договору обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего с 3 до 10 миллионов рублей в год с января 2017 г. [3, с. 129].

Ужесточение законодательства в отношении арбитражных управляющих, результатом которого стало снижение количества арбитражных управляющих в 2017 году на 3% к 2016 году⁵, несмотря на значительное увеличение числа процедур (за первый квартал 2018 г. в арбитражные суды поступило 79358 дел о несостоятельности⁶), появление новых процедур несостоятельности (Федеральный Закон №476-ФЗ, принятый от 29.12.2014 года и вступивший в силу с 1 июля 2015 г., полностью изменил процедуру банкротства индивидуального предпринимателя, сформировав институт банкротства физического лица посредством проведения процедур реструктуризации долгов и реализации активов) свидетельствует о динамичности, постоянном изменении института арбитражного управления, об изменениях в социально-правовом статусе арбитражных управляющих. Тем не менее, за двадцать пять лет развития профессии арбитражного управляющего в современной России в научной литературе не сложилось единого мнения относительно социально-экономической функции арбитражного управления и социальной роли арбитражного управляющего.

Ролевая теория личности рассматривает социальную роль как модель поведения, направленную на выполнение прав и обязанностей, предписанных конкретному статусу.

Зачастую социальная роль определенной профессии в значительной степени обуславливается её трудовой функцией, то есть совокупностью прав и обязанностей работника. Вместе с тем, законодательство Российской Федерации на настоящий момент не содержит правового понятия «трудовая функция арбитражного управляющего».

10 ноября 2017 г. Министерство труда и социальной защиты (Минтруд) вынесло на общественное

обсуждение проект профессионального стандарта для арбитражных управляющих, разработанный в соответствии с Правилами разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 22 января 2013 г. № 23 (Собрание законодательства Российской Федерации, 2013, № 4, ст. 293; 2014, № 39, ст. 5266). В указанном проекте приведен следующий перечень обобщенных трудовых функций арбитражного управляющего: Деятельность по сопровождению процедур, применяемых в деле о банкротстве юридических и физических лиц, Ведение дела по банкротству физических лиц, Ведение дела по банкротству юридических лиц, Деятельность по восстановлению платежеспособности и социально-экономическому оздоровлению организации вне судебного процесса⁷.

Вышеуказанный перечень трудовых функций свидетельствует, прежде всего, о вариативности социальной роли арбитражного управляющего, то есть о разнообразии социальных функций, реализуемых арбитражным управляющим в зависимости от процедуры банкротства, на которую он был утвержден арбитражным судом.

Рассматривая процедуру наблюдения как вводную процедуру в банкротстве юридического лица, во время которой происходит подготовка мероприятий, направленных либо на оздоровление, либо на реализацию активов должника с последующей ликвидацией предприятия, а также процедуру финансового оздоровления, направленную на постепенное восстановление платежеспособности должника, следует отметить преобладание контрольных функций в социальной роли арбитражного управляющего в указанных процедурах. Ключевая роль временного управляющего в наблюдении заключается в обеспечении сохранности имущества должника, а также в анализе финансового состояния организации с целью определения кредиторами дальнейшей судьбы организации. Введение наблюдения не является основанием для отстранения руководителя должника и иных органов управления должника, соответственно, временный управляющий обязан организовать на личном и формальном уровнях взаимодействие с персоналом и руководством организации, что требует от него развитых навыков ведения переговоров в конфликтной среде.

Аналогичные функции выполняет и административный управляющий в процедуре финансового оздоровления. Вместе с тем, по сравнению с процедурой наблюдения, арбитражный управляющий в процедуре финансового оздоровления наряду с контрольной функцией, выполняет социально-экономическую функцию администрирования, то есть участвует в оперативном управлении, поддержании бизнес-процессов и организационной структуры организации в режиме функционирования. Указанные задачи требуют навыков управления конфликтами, изменениями и стрессами, способ-

⁵ Количество арбитражных управляющих упало после двух лет роста / [Электронный ресурс] // Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/#8afd1f4815-4991-a563-331066ef43e3>.

⁶ Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по делам о банкротстве за 2017 год / [Электронный ресурс] // Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/49a18f1a-edee-417b-80d7-f2920ee00556>.

⁷ Проект «Об утверждении профессионального стандарта «Арбитражный управляющий» [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Режим доступа: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=74938>.

ности выявления путей разрешения и предотвращения конфликтов в процессе деятельности организации.

Наиболее комплексными и емкими являются социальные роли внешнего и конкурсного управляющего в процедурах внешнего управления и конкурсного производства, соответственно. С даты введения данных процедур прекращаются полномочия руководителя должника, управление делами должника возлагается на арбитражного управляющего. Несмотря на различия в целях процедур (внешнее управление направлено на восстановление платежеспособности должника, в то время как конкурсное производство направлено на продажу имущества должника, удовлетворение кредиторов и ликвидацию организации) общей ключевой особенностью социальной роли внешнего и конкурсного управляющего является преобладание управленческих, лидерских функций в процессе деятельности. На первый план в указанных процедурах выходит способность управляющего принимать антикризисные управленческие решения.

Анализируя социальную роль арбитражного управляющего в целом, необходимо отметить ее характерные черты по критериям масштаба, по способу получения роли, а также по степени формализации.

Рассматривая в качестве характеристики социальной роли арбитражного управляющего её **масштаб**, следует в первую очередь отметить широкий круг субъектов, с которым арбитражный управляющий взаимодействует в рамках процедур несостоятельности. Согласно ст. 34 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», лицами, участвующими в деле о банкротстве, являются должник; арбитражный управляющий; конкурсные кредиторы; уполномоченные органы; федеральные органы исполнительной власти, а также органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления⁸.

Однако данный перечень не дает полного представления о масштабе социальных взаимоотношений, возникающих в процессе деятельности арбитражного управляющего. Помимо должника и кредиторов, арбитражный управляющий взаимодействует с арбитражным судом, правоохранительными органами, органами принудительного исполнения судебных решений, работниками должника, контрагентами и клиентами должника, кредитными организациями, представителями учредителей, участников должника, саморегулируемой организацией арбитражных управляющих, органом по контролю (надзору) за деятельностью управляющих.

По способу получения социальная роль арбитражного управляющего является достигаемой: в настоящее время подлежит применению Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который устанавливает следующие профессиональные требования к арбитражному управляющему:

- обязательное гражданство Российской Федерации;
- обязательное членство в саморегулируемой организации арбитражных управляющих;

- наличие высшего образования;
- наличие стажа работы на руководящих должностях не менее чем год и стажировки в качестве помощника арбитражного управляющего в деле о банкротстве не менее чем два года;
- отсутствие наказания в виде дисквалификации за совершение административного правонарушения;
- отсутствие судимости за совершение умышленного преступления;
- наличие договора обязательного страхования ответственности на сумму 10 миллионов рублей.

При этом важно отметить право кредиторов установить большинством голосов дополнительные требования к кандидатуре арбитражного управляющего в конкретной процедуре.

В отдельных саморегулируемых организациях помимо основных, регламентированных законодателем документов, требуют к предоставлению следующие документы:

- наличие договора обязательного страхования ответственности;
- копию свидетельства о постановке на учет в налоговом органе;
- квитанцию о внесении вступительного взноса в СРО;
- квитанцию о внесении взноса в компенсационный фонд;
- копию страхового свидетельства государственного пенсионного страхования (СНИЛС);
- заявление о согласии на размещение на официальном сайте СРО. [4, с. 73].

Представленный широкий перечень требований обусловлен правовым статусом арбитражного управляющего (в частности, в ряде процедур банкротства, таких как внешнее управление и конкурсное производство, арбитражный управляющий, фактически, получает полномочия руководителя организации), высокой степенью социально-правовой ответственности (в рамках процедур банкротства арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах как должника, так и кредиторов и общества в целом; в противном случае управляющий может нести негативные последствия в виде гражданской ответственности в виде убытков, административной ответственности в виде штрафа либо дисквалификации сроком от 6 месяцев до 3 лет и уголовной ответственности).

По степени формализации социальная роль арбитражного управляющего является смешанной, то есть включающей как формальные, так и неформальные взаимоотношения.

Важно отметить, что неплатежеспособность компании или физического лица и последующая процедура банкротства неизбежно сопровождаются большим количеством социальных конфликтов, что обусловлено в первую очередь столкновением экономических интересов участвующих в деле лиц.

Особенностью социальных конфликтов в сфере несостоятельности является преобладание неправовых способов разрешения конфликтов. Например, при установлении законности требований кредиторов между ними и должником зачастую возникает конфликт, выра-

⁸ Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078527>

жающийся в том, что недобросовестный должник различными способами отказывается признавать заявленное требование: заявляет о фальсификации подписей, ни признает выполнения работ и услуг, не признает получение денежных средств, лжесвидетельствует в суде, заявляет об обмане со стороны кредитора при заключении сделки, скрывает или подделывает документацию. Вышеуказанные действия направлены на затягивание процедуры банкротства, незаконный вывод активов организации, попытку уйти от соответствующей гражданской ответственности за неисполнения обязательств. Широкий спектр незаконных, недобросовестных действий осуществляется должником и вне рамок судебного процесса. Так, распространено сокрытие движимого имущества должника, недопуск управляющего на территорию организации, рейдерские захваты недвижимого имущества, выезд должника за границу с целью ухода от ответственности и другие незаконные действия.

Разрешение указанных конфликтов требует от арбитражного управляющего развитых навыков в области управления в период кризиса, управления конфликтами, изменениями и стрессами.

Следует отметить, что обучение данным навыкам входит в курс подготовки к сдаче теоретического экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих. Перечень типовых вопросов для сдачи теоретического экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих, утвержденный Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии, включает, в том числе, следующие вопросы:

- ▶ Участие арбитражного управляющего в судебных заседаниях. Организационный и поведенческий аспекты.
- ▶ Проведение собраний и деловых переговоров.

- ▶ Управление конфликтами, изменениями и стрессами. Пути разрешения конфликтов. Пути предотвращения стрессовых ситуаций и понижения уровня стресса.
- ▶ Понятие кризиса в организации. Управление персоналом в условиях кризиса.
- ▶ Управленческие решения: понятия и виды, факторы и технологии принятия управленческих решений. Особенности принятия антикризисных управленческих решений⁹.

Таким образом, специфика социальной роли арбитражного управляющего заключается в вариативности выполняемых трудовых функций, необходимости взаимодействия с широким кругом субъектов, направленности деятельности на поддержание социально-экономического баланса интересов должника, кредиторов и общества, высоком уровне конфликтности и стресса в процессе осуществления деятельности. Указанные факторы требуют от арбитражных управляющих не только соответствующего уровня профессиональной подготовки, но и развитых навыков в социологии, конфликтологии, управлении кризисами и стрессами. При этом лекционный обзор соответствующих тем при подготовке к сдаче теоретического экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих представляется недостаточным. На наш взгляд, овладение вышеперечисленными навыками в полной мере возможно только посредством создания государственной системы подготовки арбитражных управляющих, включающей в себя, в том числе, соответствующие курсы в образовательных организациях высшего образования, а также создание специализированных учреждений по подготовке специалистов в сфере арбитражного управления.

Литература

1. Гагарина А.Ю., Малышенко И.А., Цыпленкова М.В. Институт несостоятельности банкротства Англии // Материалы VII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум» / Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2015/896/7660> (дата обращения: 14.04.2018).
2. Кубанцев С.П. Исторический аспект уголовной ответственности за недобросовестное банкротство в России и зарубежных странах // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 98—105.
3. Мальбахова З.Б. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего // Инновационная наука. И.: ООО «Аэтерна» (Уфа), 2017. С. 128—130.
4. Пархоменко И.К. Фигура арбитражного управляющего: понятие и проблемные аспекты определения его статуса в рамках института несостоятельности (банкротства) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2017. № 1 (34). С. 71—75.
5. Полякова А.А. Возникновение и развитие института несостоятельности (банкротства) в странах западной Европы // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 10. С. 227—232.

⁹ Перечень типовых вопросов для сдачи теоретического экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Росреестра. Режим доступа: <https://rosreestr.ru/site/activity/voprosy-po-eprau/>

Современное состояние и перспективы расширения внешнего взаимодействия производственных подразделений уголовно-исполнительной системы в инновационной сфере

Бармашов В. И.¹

Ключевые слова: инновация, производство, промышленность, взаимодействие, предпринимательство, коммерциализация, государственно-частное партнерство, соглашение, предприятие, уголовно-исполнительная система, имущество, сельское хозяйство.

Аннотация. В статье исследуется текущее состояние внешнего взаимодействия производственных подразделений уголовно-исполнительной системы, которое основано на взаимодействии с государственными органами и с организациями предпринимательского сектора. Аргументируется вывод, что межведомственное взаимодействие не должно ограничиваться заключением соглашений между подразделениями уголовно-исполнительной системы и учреждениями правоохранительных органов, и в перспективе должно расширяться за счет взаимных договоренностей с подразделениями иных органов исполнительной власти, например, Федеральной службы по интеллектуальной собственности. Делаются выводы об отсутствии системности во взаимодействии производственных подразделений уголовно-исполнительной системы с частным сектором ввиду наличия ряда обременений и затруднений, в числе которых особо выделяются необходимость соблюдения режимных требований на территории учреждений уголовно-исполнительной системы, использование низкоквалифицированного труда осужденных и устаревшей материально-технической базы. Вместе с тем, подчеркиваются преимущества использования производственных мощностей исправительных учреждений, выражающиеся в многопрофильности функционирующих на их базе производств, наличии ряда налоговых льгот и системы профессионально-технического образования осужденных к лишению свободы. В связи с этим предлагается расширение взаимодействия производственных подразделений уголовно-исполнительной системы с бизнес-сообществом за счет заключения соглашений о государственно-частном партнерстве, в первую очередь, в отношении объектов производства, переработки и хранения сельскохозяйственной продукции, обосновывается целесообразность расширения перечня объектов соглашений о государственно-частном партнерстве, в том числе за счет включения в него зданий и сооружений жилой зоны исправительных учреждений. При этом особо подчеркивается вероятный социально полезный эффект от участия исправительных учреждений в государственно-частных партнерствах, выражающийся в сокращении дисциплинарных нарушений со стороны трудоустроенных осужденных к лишению свободы и стабилизации оперативной обстановки на их территории.

DOI: [10.21681/2226-0692-2018-2-59-62](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-2-59-62)

Внешнее взаимодействие производственных подразделений уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) в инновационной сфере проявляется в виде достижения взаимовыгодных отношений с другими органами государственной власти (межведомственное взаимодействие) и организациями предпринимательского сектора. При этом, когда говорят о межведомственном взаимодействии, часто подразумевают взаимное сотрудничество Федеральной службы исполнения наказаний (далее — ФСИН России) с другими правоохранительными органами ввиду выполняемых ими схожих функций (например, при осуществлении оперативно-розыскной [5, с. 9] или антикоррупционной [17, с. 167] деятельности).

Отметим, что для производственного сектора УИС также характерна организация взаимодействия с

некоторыми учреждениями правоохранительных органов (например, с ФКУ Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь» МВД России, ФКУ Научно-исследовательский центр «Охрана» Росгвардии), однако в перспективе может быть налажено сотрудничество и с подразделениями других органов исполнительной власти, например, с ФГБУ Федеральный институт промышленной собственности Федеральной службы по интеллектуальной собственности, который мог бы предоставлять производственным подразделениям УИС доступ к Государственным реестрам изобретений, полезных моделей, промышленных образцов РФ на безвозмездной основе, что будет способствовать поиску промышленных объектов, подходящих для реализации на производстве в конкретных учреждениях и предприятиях УИС, а также патентованию собственных научно-технических разработок.

¹ Бармашов Владимир Игоревич, преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация.
E-mail: vlado-18@rambler.ru

Если межведомственное взаимодействие основано на многолетней практике и исторически имеет огромное многообразие форм [9, с. 44], то сотрудничество с частным сектором для учреждений и предприятий УИС — относительно новый вид взаимодействия, еще не обладающий выраженным системным характером, но имеющий потенциал к развитию. Между тем, Горенкова Е.В. подчеркивает, что практика заключения контрактов пенитенциарных учреждений с предпринимателями по поводу использования труда заключенных широко распространение получила в США еще в середине XX века [4, с. 15], где осужденные работают даже на строительстве тюрем [2, с. 86].

Интерес представителей бизнес-сообщества к производственному сектору УИС обусловлен наличием крупномасштабной сети промышленных предприятий, которыми создается свыше 100 тысяч наименований продукции, ежегодно производится продукции, выполняется работ и оказывается услуг в объеме более 33 млрд. рублей², многопрофильностью производства в рамках одного учреждения, наличием ряда налоговых льгот, позволяющих снизить издержки, а также действующей системы профессионально-технического образования осужденных к лишению свободы (в УИС функционируют 307 профессиональных училищ и 392 их обособленных структурных подразделений, в которых ежегодно проходит обучение более 100 тыс. осужденных³). Вышеперечисленные экономические стимулы и кадровый потенциал производственного сектора УИС способствуют мотивации частных инвесторов к заключению соглашений с учреждениями и предприятиями УИС, а не, к примеру, с медицинскими организациями, где подобные экономические стимулы (налоговые преференции, бюджетные инвестиции) отсутствуют [15, с. 28].

Вместе с тем, в настоящее время производственные площадки, оборудованные в учреждениях УИС, все меньше привлекают предпринимателей, прежде всего, вследствие отсутствия квалифицированной рабочей силы, необходимости соблюдения режимных требований, риска возможного наступления нестабильной обстановки в учреждении, крайней изношенности основных производственных фондов [10, с. 27]. В такой ситуации производственные подразделения УИС ориентированы на выполнение преимущественно государственных заказов, и поэтому не часто коммерциализируют передовые научные и научно-технические разработки на внешнем рынке. В качестве примера можно привести редкий случай, иллюстрирующий заключение ФГУП Производственно-технический центр ФСИН России в период с 2002 по 2011 г. 11 лицензионных соглашений об использовании промышленного образца «пластина для номерного знака транспортного средства»⁴.

Попытки привлечь частный сектор в реализацию инновационных проектов в УИС принимались в рамках государственно-частного партнерства. Так, 28 февраля 2013 г. на расширенном заседании коллегии ФСИН России директор ФСИН России Г.А. Корниенко высказал

ся о возможности перенять опыт Великобритании, где для строительства тюрем применяется государственно-частное партнерство⁵. С принятием Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ (далее — ФЗ «О государственно-частном партнерстве») в п. 4 р. 3 Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года⁷ было предусмотрено мероприятие по проработке возможности внедрения новых организационно-правовых форм организации производственной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы и создание дополнительных рабочих мест, в том числе на основе государственно-частного партнерства.

Несмотря на поставленную перед уголовно-исполнительной системой Правительством РФ задачу, существуют правовые барьеры для ее выполнения. В первую очередь, это низкая правовая обеспеченность инноваций в УИС, препятствующая эффективному взаимодействию различных субъектов, вовлеченных в процесс реформирования УИС [14, с. 230], в связи с чем, на наш взгляд, возникает необходимость создания локального нормативного акта ФСИН России, регламентирующего инновационную деятельность в УИС. Во-вторых, в соответствии с п. 2. ст. 7 ФЗ «О государственно-частном партнерстве» объектом соглашения может быть только имущество, в отношении которого законодательством Российской Федерации не установлены принадлежность исключительно к государственной, муниципальной собственности или запрет на отчуждение в частную собственность либо на нахождение в частной собственности». Кроме того, согласно п. 5 ст. 7 того же Закона не допускается передача частному партнеру объекта соглашения (входящего в его состав имущества), которое на момент заключения соглашения принадлежит государственному или муниципальному унитарному предприятию на праве хозяйственного ведения либо государственному или муниципальному бюджетному учреждению на праве оперативного управления. Как справедливо считает В.В. Килинкар, «данные положения устанавливают непреодолимое препятствие для заключения соглашений о ГЧП (МЧП) в отношении имущества государственного (муниципального) унитарного предприятия или государственного (муниципального) учреждения...» [12, с. 32].

Между тем, имущество уголовно-исполнительной системы находится в федеральной собственности и используется для осуществления поставленных перед уголовно-исполнительной системой задач⁸, а все произ-

⁵ URL: http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=74710.

⁶ Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года».

⁸ Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 28.12.2016) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

² URL: http://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=218001.

³ URL: <http://fsin.su/structure/adaptation/>.

⁴ URL: http://www1.fips.ru/fips_serv1/fips_servlet.

водственные объекты УИС функционируют на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления и, следовательно, не вправе самостоятельно заключать подобные соглашения с предпринимателями. Правом распоряжения федеральным имуществом наделено Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (далее — Росимущество), осуществляющее полномочия собственника в отношении федерального имущества, необходимого для обеспечения исполнения функций федеральных органов государственной власти в установленной сфере деятельности⁹, в связи с чем заключение соглашений о государственно-частном партнерстве напрямую зависит от достижения взаимопонимания между ФСИН России и Росимуществом. Однако перед этим необходимо определить, в отношении каких объектов федерального имущества, находящегося в ведении УИС, может быть достигнуто подобное соглашение. Пунктом 1 ст. 7 ФЗ «О государственно-частном партнерстве» в качестве объектов соглашений определены использующиеся в производственном секторе УИС:

- объекты производства, первичной и (или) последующей (промышленной) переработки, хранения сельскохозяйственной продукции, включенные в утвержденный Правительством Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации о развитии сельского хозяйства перечень и определенные согласно критериям, установленным Правительством Российской Федерации;
- имущественные комплексы, предназначенные для производства промышленной продукции и (или) осуществления иной деятельности в сфере промышленности.

Представляется, что именно в отношении этих объектов в перспективе могут быть заключены соглашения о государственно-частном партнерстве. При этом инициатива должна исходить от ФСИН России, так как государственно-частное партнерство предполагает, что не государство подключается к проектам бизнеса, а, наоборот, государство приглашает бизнес принять участие в реализации общественно значимых проектов [21, с. 5]. Высказанные нами предположения подтверждаются проведенным в феврале 2018 г. интервьюированием заместителя директора ФСИН России В.А. Максименко¹⁰, из которого стало известно, что между уголовно-исполнительной системой и крупным агрохолдингом достигнута договоренность о создании государственно-частного партнерства по производству продуктов питания по всей стране, в рамках которого планируется строительство на сельхозпредприятиях общежитий для осужденных.

В результате становится очевидным, что законодательство в предпринимательской сфере уже в некоторой степени отвечает интересам производственного сектора УИС, однако поиск возможных форм внешнего взаимодействия производственных подразделений УИС

с частным сектором только начинается. К сожалению, ФЗ «О государственно-частном партнерстве» закрепил исчерпывающий перечень объектов соглашений, в котором не нашлось места основным объектам уголовно-исполнительной системы (тюрем, следственный изолятор, общежитие исправительного учреждения и т. д.). Одновременно с этим, С.Х. Шамсунов высказывает обоснованное мнение, что «с учетом реалий современной российской пенитенциарной системы привлечение частного бизнеса можно было бы начать с эксперимента по строительству нескольких новых следственных изоляторов в отдельных субъектах Российской Федерации, где не решен вопрос размещения подследственных по установленным стандартам» [20, с. 28]. Исходя из этого, полагаем, что если законодатели прислушаются к мнению ученых из числа работников УИС, то в перспективе могут быть устранены правовые преграды для заключения соглашений о государственно-частных партнерствах в отношении объектов УИС, обеспечивающих изоляцию. В этой связи представляется справедливым утверждение Н.А. Дятловой, полагающей, что в настоящее время «требуется изменение Закона о государственно-частном партнерстве путем закрепления в нем исчерпывающего перечня обязательных элементов соглашения» [7, с. 3].

Наконец, вызывает интерес точка зрения А.В. Белицкой о том, что государство, участвуя в государственно-частном партнерстве в качестве инвестора, как правило, преследует цель не только и не столько извлечения прибыли, сколько достижения социально полезного эффекта [1, с. 43]. И действительно, применение форм государственно-частного партнерства с участием исправительных учреждений позволит не только увеличить производительность отдельных промышленных объектов УИС, но и может положительно сказаться на динамике нарушений порядка отбывания наказания со стороны трудоустроенных осужденных к лишению свободы. Так, С.А. Хохрин приводит пример создания УФСИН России по Республике Коми и коммерческой организацией совместного предприятия, что привело к сокращению числа дисциплинарных проступков более чем в три раза ввиду увеличения заработной платы осужденным, а также организации должного надзора не только силами дежурной смены, но и охраной предприятия, а также вольнонаемными рабочими [18, с. 127].

Таким образом, в настоящее время внешнее взаимодействие производственных подразделений УИС базируется на взаимодействии с государственными органами и с предпринимательским сектором. Межведомственное взаимодействие, на наш взгляд, не должно ограничиваться соглашениями между производственными подразделениями УИС и учреждениями правоохранительных органов, а в перспективе должно расширяться за счет сотрудничества с подразделениями иных органов исполнительной власти, например, Федеральной службы по интеллектуальной собственности. Сотрудничество с предпринимательским сектором при наличии несомненных преимуществ осложнено необходимостью соблюдения режимных требований на территории учреждений УИС и трудоустройством низ-

⁹ Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 (ред. от 15.11.2017) «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом».

¹⁰ Тюремная накормит // Рос. газ. Федер. выпуск. 7487 (24) от 04.02.2018.

коквалифицированных осужденных. Одновременно с этим, перспективу расширения такого взаимодействия мы видим в заключении соглашений о государственно-частном партнерстве, в первую очередь, в сельскохозяйственной отрасли, для чего ФСИН России предстоит налаживание диалога с Росимуществом. В то же время, законодателю следует задуматься о расширении перечня объектов соглашений о государственно-частном партнерстве, в которые могли бы войти здания и

сооружения жилой зоны учреждений УИС. При этом необходимо особо подчеркнуть вероятный социально полезный эффект от участия исправительных учреждений в государственно-частных партнерствах, выражающийся в сокращении дисциплинарных нарушений со стороны трудоустроенных осужденных к лишению свободы и стабилизации оперативной обстановки на их территории.

Литература

1. Белицкая А.В. Государство как участник и регулятор инвестиционных отношений в рамках государственно-частного партнерства // Бизнес, менеджмент и право. 2017. № 1—2. С. 42—46.
2. Быков А.В., Пертли Л.Ф., Калужина М.А., Спасенников Б.А. Место и роль пенитенциарной системы в государственном механизме Соединенных Штатов Америки // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 84—89.
3. Гончаренко О.Г., Олийник А.И., Анищенко В.А. Роль инвестиций в усовершенствовании управления производственными комплексами пенитенциарной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 1. С. 23—25.
4. Горенкова Е.В. Организация труда осужденных: международные стандарты и зарубежный опыт // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 1. С. 13—16.
5. Горяинов К.К., Косоногов Д.А. Взаимодействие подразделений собственной безопасности ФСИН России с иными правоохранительными органами // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 3. С. 9—12.
6. Грязнов С.А. Проблемы формирования предпринимательской среды в пенитенциарных учреждениях в единстве его основных компонентов: личностных, экономических и организационно-управленческих // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 2. С. 7—11.
7. Дятлова Н.А. Объекты соглашения о государственно-частном партнерстве как фактор формирования конкурентной среды // Конкурентное право. 2017. № 3. С. 25—28.
8. Дятлова Н.А. Субъекты государственно-частного партнерства // Юрист. 2017. № 7. С. 38—42.
9. Замолоцких Ю.Н. Основные формы реализации межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти Российской Федерации // Юридический мир. 2016. № 10. С. 44—48.
10. Ибрагимов О.А. Повышение экономической безопасности уголовно-исполнительной системы на основе развития механизмов привлечения внешних инвестиционных ресурсов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 6. С. 26—28.
11. Каляшин А.В. Государственная служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы РФ: теория и практика развития: монография, 2-е изд. М: РИОР. 2018. 99 с.
12. Килинкаргов В.В. Соглашения в сфере государственно-частного партнерства: основные проблемы и перспективы правового регулирования // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2017. № 3. С. 28—35.
13. Комягин Д.Л. Бюджетные инвестиции: публичный расход или трансформация казны? // Реформы и право. 2014. № 4. С. 20—24.
14. Маркелова О.Н. Теоретико-правовые основы инновационной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 228—237.
15. Путило Н.В., Волкова Н.С., Цомартова Ф.В. Правовое регулирование государственно-частного партнерства в здравоохранении: опыт субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 25—34.
16. Старостович П.В. Конкурентные основы государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Вестник арбитражной практики. 2017. № 3. С. 49—54.
17. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. М.: Юриспруденция. 2015. 192 с.
18. Хохрин С.А. Предупреждение пенитенциарной преступности: проблемы и пути решения // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 122—128.
19. Чернышов И.Н. Экономика и пенитенциарная система: поиск модели сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 42. С. 52—62.
20. Шамсунов С.Х. Частные тюрьмы в мире: нужны ли они современной России? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 3. С. 25—28.
21. Шохин С.О. Государственно-частное партнерство: проблемы правового обеспечения // Юрист. 2018. № 2. С. 4—10.

Вопросы разграничения насильственного грабежа и разбоя: проблемы квалификации

Челябова З. М.¹

Ключевые слова: *насилие, насильственный грабеж, разбой, неопасное насилие, опасное насилие, насильственные посягательства на собственность, квалификация, разграничение, дифференциация, опасный способ, вред здоровью, высший судебный орган, субъективное восприятие, неопределенный характер угрозы.*

Аннотация. *В статье проанализирована актуальная в настоящем времени для уголовно-правовой доктрины и правоприменителя проблема разграничения таких схожих по законодательной конструкции составов насильственных посягательств на собственность, как насильственный грабеж и разбой. Обоснование необходимости исследования представленной проблемы автор находит в имеющейся разности позиций судов при квалификации действий виновных, совершивших названные преступные посягательства. Суды представляют одни и те же аргументы, содержащиеся в рекомендациях Пленума Верховного Суда в Постановлении от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Представленная разность в оценке судами насильственных действий при завладении чужим имуществом видится в несовершенстве законодательной техники исследуемых насильственных посягательств на собственность, а также в том, что при их описании допускается деление насилия по степени его опасности. Признаки, дифференцирующие эти виды насилия, называет и конкретизирует п. 21 Постановления Пленума № 29. Автор констатирует неоднозначность в понимании судами этих рекомендаций высшего судебного органа. Автор делает вывод по представленной судебной практике и к настоящей статье в целом, преследуя цель единообразного понимания и применения закона.*

DOI: [10.21681/2226-0692-2018-2-63-66](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-2-63-66)

Правильная квалификация, в том числе при разграничение смежных составов преступлений имеет большое теоретическое и практическое значение. Этим обеспечивается справедливое наказание, следовательно, правильная квалификация преступлений является непременным условием реализации принципов уголовного права, и, прежде всего, законности. Без сомнения, как справедливо отмечено в научной литературе, этого требует и социальная справедливость, попорченная преступным посягательством [1].

Возьмем на себя смелость констатировать, что очень часто проблемы возникают при разграничении насильственного грабежа и разбоя.

В п. 21 Постановления Пленума ВС № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»², теории уголовного права в качестве разграничительного признака этих преступлений приводится опасность применяемого насилия. Об этом же свидетельствует анализ диспозиций ст. 161 УК и ст. 162 УК, где законодатель связывает насильственный грабеж с неопасным насилием, а разбой — с опасной его формой [2].

Разграничение по приведенному основанию наблюдаем и в решениях судов различного уровня, которые содержат перекалфикацию содеянного с разбоя на насильственный грабеж.

Обратимся непосредственно к практике и выявим тенденции, сложившиеся в ходе разрешения судами уголовных дел о разграничении насильственного грабежа и разбоя.

Наибольшее число решений по перекалфикации содержат такое обоснование, как наличие или отсутствие вреда здоровью в результате насильственных действий [3].

Так, Ж. решил на хищение имущества Ф. С целью подавления возможного ее сопротивления Ж. нанес Ф. в грудь один удар ногой, обутой в ботинок. Органы предварительного расследования квалифицировали насильственные действия Ж. как разбой. Однако, суд счел необходимым перекалфицировать действия Ж. на грабеж, посчитав, что позиция обвинения не нашла своего подтверждения, поскольку судом установлено, что Ж. своими действиями причинил физическую боль и кровоподтек, как вред здоровью не оценивающийся³. Как видим, в своем решении суд опирается на один из

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Обвинительный приговор РФ от 07.08.2015 № 1-234/2015 // Официальный сайт обзора судебной практики «Судакт». URL: <https://sudact.ru/> [дата обращения: 24.04.2018].

¹ *Челябова Залина Магомедзагировна*, ассистент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань, Российская Федерация.
E-mail: zalina.chelyabova@yandex.ru

критериев принадлежности насилия к той или иной степени опасности — наличие или отсутствие вреда для здоровья. Хотя локализация удара не дает возможности однозначно говорить о правильности решения суда.

Наличие или отсутствие последствий для здоровья как обоснование переквалификации соответствует рекомендации высшего судебного органа, так как Верховным судом оно названо в качестве основы разграничения насилия по степени опасности. И этому критерию разграничения суды отдают предпочтение, что особенно наблюдаем в делах, где помимо него имеется и другой вариант опасного насилия — опасный способ.

Нередко практика дает примеры, в которых завладение сопряжено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер [4].

В упомянутом ранее Постановлении Пленума ВС № 29 в этом случае рекомендуется решать вопрос о квалификации содеянного как грабеж или разбой с учетом ряда обстоятельств: места, времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали, субъективного восприятия потерпевшим высказанной угрозы и т.д.

Обратимся к доктрине, оценивающей решение этой проблемы в разных вариантах.

Так, Л.Д. Гаухман предлагал ориентироваться:

- ▶ на субъективное восприятие потерпевшим опасности угрозы,
- ▶ на восприятие угрозы виновным⁴.

В более поздней работе Л.Д. Гаухмана видим рекомендации оценивать насилие как неопасное, если содеянное не дает возможности определить степень опасности насилия. Ученый исходил из ч. 3 ст. 49 Конституции РФ, в соответствии с которой неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого [5]. На первый взгляд, ссылка на основной закон вполне убедительна. Однако, такой алгоритм саму проблему разграничения схожих составов не решает. Полагаем, что положения принципа презумпции невиновности применимы к ситуациям выбора между виновностью и невиновностью лица в совершении преступления. В качестве же признака, разграничивающего насилие по степени опасности, мы его не видим.

В.И. Симонов и В.Г. Шумихин отдают предпочтение осознанию опасности угрозы виновным, а не потерпевшим⁵.

В.В. Ераксин, напротив, признавал значимым для квалификации преобладание оценки опасности угрозы потерпевшим, а не виновным⁶.

Учитывая, что умысел виновного является элементом состава преступления, считаем, что за основу при определении степени опасности угрозы применения насилия, носившей неопределенный характер, следует брать объективные обстоятельства в совокупности с субъективным отношением виновного к содеянному [6, 7].

⁴ См.: Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления / Л.Д. Гаухман. М.: Юрид. лит., 1974. С. 97.

⁵ См.: Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность / В.И. Симонов, В.Г. Шумихин. М.: Изд-во Юрид. ин-та МВД РФ, 1993. С. 21—22.

⁶ См.: Ераксин В.В. Ответственность за грабеж / В.В. Ераксин. М.: Юрид. лит., 1972. С. 89.

Обратимся к практике. Суды при разрешении вопроса о разграничении грабежа и разбоя при угрозе насильем неопределенного характера из ряда обстоятельств, содержащихся в рекомендации, делают упор на объективные признаки, оставляя в стороне субъективное восприятие угрозы потерпевшим, которое суды по большей части игнорируют.

Так, Москаленский районный суд Омской области, решая вопрос о грабеже или разбое в действиях И. и Л., оценил их как разбой. Виновные, получив отказ на их требование о передаче денежных средств, достали нож и начали демонстрировать его потерпевшему Ф., повторили свое требование. Суд положил в основу решения следующие обстоятельства: ночное время суток в условиях замкнутого пространства, отсутствие поблизости иных лиц, способных оказать помощь, двое нападавших, их состояние алкогольного опьянения, агрессивное поведение, сопровождение требования денег демонстрацией ножа, фактическую угрозу его применения. Перечисленные обстоятельства суд счел достаточными для признания того, что у потерпевшего имелись основания опасаться за свою жизнь или здоровье⁷.

Как видим, суд проанализировал объективные обстоятельства, посчитав, что они доказывают вину И. и Л. в разбое.

Аналогичный результат и обоснование наблюдаем и в следующем примере, где В., требуя у А. передачи денег из кассы, применил нож, угрожая расправой в случае неисполнения его преступного требования. И в этом случае суд счел, что действия виновного способны вызвать у потерпевшей опасения за свою жизнь и здоровье⁸.

Анализ дел привел нас к выводу, что не субъективное восприятие потерпевшим угрозы, а прежде всего объективные обстоятельства в совокупности с виной потерпевших суд ставит во главу угла при разграничении грабежа и разбоя в случаях с угрозой применения насилия неопределенной степени опасности. Обоснование находим верным. Именно такое сочетание обстоятельств считаем наиболее оправданным.

Для убедительности наших выводов приведем еще один пример. Так, суд изменил квалификацию органов следствия с разбоя на грабеж, поскольку Б. действительно держал в руке нож и размахивал им перед собой, однако на потерпевшую им не замахивался и в ее сторону его не направлял, к ее телу не приставлял, угрозы применения ножа не высказывал, иных каких-либо действий, свидетельствующих о его намерении применить физическое насилие, не совершал. Суд, думается, исходил из характера действий виновного, которые, по нашему мнению, не свидетельствуют о намерении виновного посягнуть на жизнь или здоровье потерпевшей. Также действия Б. считаем недостаточными, чтобы сформировать у нее опасения за свою жизнь или здоровье. Все это, на наш взгляд, демонстрирует неопасное насилие.

⁷ Обвинительный приговор РФ от 06.05.2016 № 1-19/2016 // Официальный сайт обзора судебной практики «Судакт». URL: <https://sudact.ru/> [дата обращения: 24.04.2018].

⁸ Обвинительный приговор РФ от 22.06.2017 № 1-307/2017 // Официальный сайт обзора судебной практики «Судакт». URL: <https://sudact.ru/> [дата обращения: 24.04.2018].

Создается впечатление, что суды выполняют предписание Верховного суда РФ не полностью. Возникает вопрос: оправдано ли игнорирование субъективного восприятия потерпевшим угрозы? Считаем, что да. Решая вопрос о виновности лица в совершении того или иного преступления, суды всегда должны исходить из объективных обстоятельств в сочетании с его виной, а не полагаться на субъективное восприятие потерпевшим угрозы насилем. Стоит привести справедливое замечание В.А. Владимировой и Ю.И. Ляпунова: «Нельзя отвлекаться от того обстоятельства, что потерпевшие зачастую склонны переоценивать угрожающую им опасность»⁹.

Действительно, личное представление потерпевшего может быть неаналогичным реальному содержанию угрозы. Помимо этого, уголовное право — это публичная отрасль права [8]. Расширение влияния потерпевшего на оценку действий виновного судом «приведет к нарушению хрупкого равновесия между частными и государственными интересами и поставит под сомнение публичный характер уголовно-правового регулирования»¹⁰.

Таким образом, судебная практика пестрит примерами переквалификации. Повторимся: такая тенденция несет в себе не только благо, но и порождает отсутствие единообразия в решениях судов по одним и тем же основаниям.

Более чем в половине дел суды второй инстанции меняют квалификацию. Это огромная цифра. Что мешает правоприменителю единообразно решать вопрос о квалификации? Причину мы видим в разности объема, которым наделяются насильственные составы, а также в самом факте разграничения законодателем насилия по опасности [9;10]. Законодатель не только не дал определения понятию «насилие», но еще и разделил его, положив в основу признаки, которые мы не считаем убедительными [11]. Во-первых, как мы уже отметили в предыдущей главе, насилие по своей природе — это

действие [12]. Верховный суд же положил в основу разграничения насилия по степени его опасности опасный способ и последствия для здоровья (последние, в принципе, выходят за рамки природы понятия насилия). Но именно тот вид опасного насилия (опасный способ), который более близок к понятию «насилие», правоприменитель обходит стороной. Полагаем, что, описывая насильственные составы и наделяя их определенным содержанием, законодатель должен придерживаться, в первую очередь, природы этого понятия, наполнив его единым для всех насильственных составов смыслом. Тогда не будет необходимости в нагрузке насильственных составов различным по объему содержанием, а значит, и в разграничении насилия по степени его опасности.

Порой оценка объективных обстоятельств, последствий применения насилия не говорит о наличии у виновного аналогичного этим обстоятельствам и последствиям умысла. Например, случайные обстоятельства, такие, как промах при ударе, выстреле, могут не иметь последствий, относящих насилие к опасному. Наличие или отсутствие последствий для здоровья потерпевшего может зависеть и от анатомических особенностей потерпевшего. К примеру, удары при побоях будут в разной степени восприняты организмом больного, пожилого или крепкого человека. Каждый подобный случай порождает практику, где становятся весьма неубедительными признаки, разграничивающие насилие по степени его опасности.

Потому считаем, что необходимо отказаться от разделения насилия по степени опасности. Такое разграничение усложняет практику, лучшим чему доказательством является число переквалифицированных дел, что считаем демонстрацией неэффективности подобного деления.

⁹ См.: Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посяательства на социалистическую собственность / В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов. М.: Юрид. лит., 1986. С. 116.

¹⁰ См.: Сидоренко Э.Л. О статусе потерпевшего в уголовном праве / Э.Л. Сидоренко // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 77.

Литература

1. Атагимова Э.И., Потемкина А.Т., Цопанова И.Г. Конфликт интересов в уголовном праве (частный случай) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79). С. 124—134.
2. Ильина И.А. Проблемные вопросы квалификации преступлений, совершаемых с применением насилия // Arpriori. Серия: гуманитарные науки. 2015. № 3. URL: <http://arpriori-journal.ru> [дата обращения: 24.04.2018].
3. Дубровин Н.В. Понятие и общая характеристика преступлений против собственности // Вектор науки ТГУ. Серия: юридические науки. 2016. № 1(24). С. 38—40.
4. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность / Н.А. Лопашенко. М.: «Норма», «Инфра-М», 2012. 328 с.
5. Гаухман Л.Д. Проблемы квалификации насильственных преступлений / Л.Д. Гаухман // Уголовное право. 2014. № 5. С. 39—42.
6. Ермакова О.В. Преступления против собственности: научно-практический комментарий. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. 96 с.
7. Кобец П.Н. Отграничение разбоя и других составов преступлений по действующему отечественному законодательству // Символ науки. 2015. № 1-2. С. 72—74.
8. Яни П.С. Вопросы квалификации разбоя // Законность. 2015. № 9. С. 45—50.
9. Харин Р.Е. Отличие грабежа от смежных составов преступления // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 34. С. 218—223.
10. Боровиков В. О некоторых подходах к квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5.
11. Кириенко Н.Г. Судебная практика о характеристике насилия, не опасного для жизни или здоровья, при квалификации грабежа // Актуальные проблемы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14 (2). С. 38—39.
12. Шарпапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 112—124.

ABSTRACTS, KEYWORDS AND REFERENCES

ANTI-CORRUPTION PROCEDURAL LAWS OF SUBJECTS OF RUSSIAN FEDERATION REGULATING THE PROCEDURE FOR PUBLISHING INFORMATION ABOUT THE PROPERTY STATUS OF CERTAIN CATEGORIES OF PERSONS AND THEIR COMPLIANCE WITH ANTICORRUPTION REQUIREMENTS

P. Kabanov

*Pavel Kabanov, Doctor of Science (Law), Associate Professor, Director of the Research Institute for Combating Corruption of the Timiryasov Kazan Innovation University, Kazan, Russian Federation.
E-mail: kabanovp@mail.ru*

Keywords: *corruption, combating corruption, corruption prevention, anti-corruption laws, income details, spending details, publishing of information, information technology law.*

Abstract. *For the first time in Russian legal science, a study of anti-corruption procedural laws of subjects of Russian Federation regulating the procedure for publishing information about the property status of certain categories of persons and their compliance with anticorruption requirements is carried out. A detailed expounding of the content of these laws as well as distinctive features of their formation in different regions of Russia considering their specialisation are presented. Specific features of setting deadlines and procedures for publishing information on the property status of certain categories of persons and their compliance with anticorruption requirements are noted.*

References

1. Bobkov S.P. Opublikovanie svedenii o dokhodakh glav munitsipal'nykh obrazovaniy, *Zakonnost'*, 2013, No. 11, pp. 13-14.
2. Goncharuk N.S. Obespechenie prozrachnosti svedenii o dokhodakh i imushchestvennom sostoianii gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh kak faktor protivodeistviia korruptsii v sisteme gosudarstvennoi sluzhby, *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii v sovremennoi Rossii: Sbornik nauchnykh statei i dokladov III i IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Orel, 2015, pp. 38-44.
3. Kulachenko D.A. Nekotorye aspekty opublikovaniia svedenii o dokhodakh glav munitsipal'nykh obrazovaniy, *Innovatsionnoe razvitie sovremennoi nauki: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, otv. red. A.A. Sukiasian, Ufa, 2014, pp. 122-124.
4. Zaitseva G. Novyi uroven' prozrachnosti: raskrytie rukovoditeliami svedenii o dokhodakh, *Avtonomnye uchrezhdeniia: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie*, 2013, No. 7, pp. 7-12.
5. Zykova T. Pokazhi dokhody, direktor!, *Rossiiskaia gazeta*, 2012, 31 dekabria.
6. Chagin K.G. Prozrachnost' dokhodov rukovoditelei gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uchrezhdenii: novye pravila, *Rukovoditel' biudzhethnoi organizatsii*, 2013, No. 4, pp. 12-16.
7. Ovcharenko R.K. Obespechenie prozrachnosti dokhodov grazhdanskikh sluzhashchikh, *Povyshenie effektivnosti form i metodov rasprostraneniia sredi naseleniia znaniy po voprosam ekonomicheskoi i finansovoi bezopasnosti Rossii, bor'by s tenevymi dokhodami, protivodeistviia finansirovaniia terrorizma, ekstremizma, antigosudarstvennoi i destruktivnoi deiatel'nosti: Sbornik dokladov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pod red. A.U. Al'bekova, M., 2017, pp. 197-200.

FEATURES OF LEGAL ASSESSMENT OF IMAGINARY DEFENCE

V. Merkur'ev, I. Tarakanov

*Viktor Merkur'ev, Doctor of Science (Law), Professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia, Senior Counsellor of Justice, Vladimir, Russian Federation.
E-mail: upik@vui.vladinfo.ru*

Il'ia Tarakanov, Ph.D. (Law), Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia, Lieutenant Colonel of Internal Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Vladimir, Russian Federation.

E-mail: upik@vui.vladinfo.ru

Keywords: *necessary defence, imaginary defence, subjective perception, factual mistake, excusable mistake, reality of encroachment, actual encroachment, situation of encroachment, subjective criterion, objective criterion, innocent infliction of harm, bona fide mistake, infliction of harm.*

Abstract. *The paper is devoted to studying features of considering the subjective perception by the person defending himself in qualifying acts committed for imaginary defence. The concept of imaginary defence is analysed and it is noted that such a concept is missing in the text of the current Criminal Code. Interpretations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are examined and based on these interpretations three situations of imaginary defence are identified, each entailing different legal consequences for the person who inflicted harm. Based on this study the objective and subjective criteria for the situation of imaginary defence are identified, their interrelation and specific features of legal assessment are analysed. It is argued that the subjective perception of the imaginary defence situation by a person defending himself largely depends on the circumstances in which the alleged encroachment takes place. The nature of the factual mistake committed by the person defending himself in each of the three imaginary defence situations is analysed and the impact of this mistake on the qualification of defence acts is examined. Based on the analysis carried out, the assertion is put forward that all outstanding doubts about the capability and obligation of the person defending himself to perceive the absence of real encroachment should be interpreted in favour of the said person, thus avoiding the accusatory bias in qualifying the acts.*

References

1. Volkov K.A. Neobkhodimaia oborona v deiat'nosti politzii: voprosy teorii i sudebnoi praktiki, K.A. Volkov, Rossiiskii sud'ia, 2013, No. 4.
2. Galiev B.B. Voprosy kvalifikatsii pravomernosti prichineniia vreda pri mnimoi oborone, B.B. Galiev, Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki, 2014, No. 1.
3. Egorova N.A. Novoe Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF o neobkhodimoi oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo prestuplenie, N.A. Egorova, S.A. Gordeichik, Zakonnost', 2013, No. 2.
4. Kruter M.S. Problema sudoproizvodstva o neobkhodimoi oborone po ugovnomu delu V.A. Usanova, M.S. Kruter, Publichnoe i chastnoe pravo, Vypusk I (XXIX) ianvar'-mart, M., 2016.
5. Kudriavtsev I.A. Zakliuchenie spetsialista-psikhologa po ugovnomu delu V.A. Usanova, I.A. Kudriavtsev, Publichnoe i chastnoe pravo, vypusk I (XXIX) ianvar'-mart, M., 2016.
6. Lukki E.V. Poniatie mnimoi oborony v rossiiskom ugovnom prave, E.V. Lukki, Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, No. 4(167).
7. Pobegailo E.F. Zakliuchenie spetsialista-pravoveda po ugovnomu delu V.A. Usanova, E.F. Pobegailo, Publichnoe i chastnoe pravo, vypusk I (XXIX) ianvar'-mart, M., 2016.
8. Ptashchenko D. Mnimaia oborona v ugovnom prave gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv: osobennosti sudebnogo tolkovaniia, D. Ptashchenko, Ugolovnoe pravo, 2013, No. 6.
9. Razilova A.V. Mnimaia oborona v ugovnom prave Rossii, A.V. Razilova, Evraziiskii nauchnyi zhurnal, 2016, No. 5.
10. Timoshenko Iu.A. Neobkhodimaia oborona i prichinenie vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo prestuplenie, Raz'iasneniia Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii, Iu.A. Timoshenko, Prokuror, 2013, No. 1.
11. Trofimova I.D. Mnimaia oborona kak raznovidnost' fakticheskoi oshibki, I.D. Trofimova, Aktual'nye problemy ugovnogo prava na sovremennom etape (voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noi tekhniki), 2016, No. 5.

USING THE CATEGORY OF 'VIOLENCE' IN LAW-MAKING

A. Potemkina

Anna Potemkina, Ph.D. (Law), Associate Professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russian Federation.

E-mail: potemkina.an@yandex.ru

Keywords: *criminal law, offence, law-maker, law, criminal violence, physical violence, mental violence, victim, social danger, legal regulation, counteraction.*

Abstract. *Topical problems of legal regulation of criminal violence in Russia are considered in the paper. Definitions reflecting the main content of the concept of 'violence' are presented, different kinds of criminal violence are analysed, in particular, a legal characterisation of physical and mental violence in criminal law is given. Legal boundaries and elements of criminal violence are determined,*

ways of perpetrating criminal violence are analysed. Current criminal law provisions regulating liability for violent offences and the main aspects related to determining the share of violent offences in the overall number of offences irrespective of the object of encroachment are expounded by the author. Such representative materials are touched upon as data of special censuses of convicts which in turn allow to determine the share of convicts serving a sentence in prison, at the time of the census, for offences against person, depending on the category of act committed, and for violent offences against property as well as to make a criminological profile of convicts in correctional facilities who were serving a sentence for violent offences against person. In the opinion of the author, these data confirm the topicality of considering violence as a criminal law category.

References

1. Atagimova E.I. Rol' instituta sem'i pri formirovanii nravstvennosti i pravosoznaniia lichnosti v usloviakh sovremennogo informatsionnogo prostranstva Rossii, *Pravovaia informatika*, 2017, No. 2, pp. 18-27.
2. Atagimova E.I., Potemkina A.T., Tsopanova I.G. Konflikt interesov v ugovnom prave (chastnyi sluchai), *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2017, No. 6 (79), pp. 124-134.
3. Golodniuk M.N., Zubkova V.I. Osuzhdennye, otbyvaiushchie lishenie svobody za prestupleniia protiv lichnosti, Po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsia pod strazhei, 12-18 noiabria 2009 g., pod red. V.I. Seliverstova, vyp. No. 10, M.: ID "Iurisprudentsiia", 2011, 128 pp.
4. Danilin E.M., Seliverstov V.I. Osuzhdennye v vospitatel'nykh koloniakh lichnosti, Po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsia pod strazhei, 12-18 noiabria 2009 g., pod red. V.I. Seliverstova, vyp. No. 2, M.: ID "Iurisprudentsiia", 2011, 81 pp.
5. Kazakova V.A. Zhenshchiny, otbyvaiushchie lishenie svobody, Po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsia pod strazhei, 12-18 noiabria 2009 g., pod red. V.I. Seliverstova, vyp. No. 5, M.: ID "Iurisprudentsiia", 2011, 87 pp.
6. Kiriukhin A.B. Prestupnoe nasilie i ego vidy. Uchebnoe posobie, M., 2009, 48 pp.
7. Lysiagin O.B., Akimov S.K. Osuzhdennye v tiur'makh lichnosti, Po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsia pod strazhei, 12-18 noiabria 2009 g., pod red. V.I. Seliverstova, vyp. No. 10, M.: ID "Iurisprudentsiia", 2011, 56 pp.
8. Osuzhdennye v koloniakh-poseleniakh, Po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsia pod strazhei, 12-18 noiabria 2009 g., pod red. V.I. Seliverstova, vyp. No. 1, M.: ID "Iurisprudentsiia", 2011, 128 pp.
9. Cheliabova Z.M. O determinantakh proiavlennii nasiliia, *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta*, 2016, No. 4, pp. 29-33.

ON THE QUESTION OF TYPOLOGY OF JUVENILE JUSTICE MODELS IN FOREIGN COUNTRIES: THE COMPARATIVE LAW ASPECT

N. Dorodonova

*Nataliia Dorodonova, Ph.D. (Law), Associate Professor at the Department of History of Law and State of Saratov State Academy of Law, Saratov, Russian Federation.
E-mail: dorodonovan@gmail.com*

Keywords: justice for minors, juvenile justice, juvenile crime prevention, classification, punitive model, restorative model, welfare model, laws of foreign countries, USA, Germany, Canada.

Abstract. The paper is written with a view to try to determine how the juvenile justice system is organised in the western countries using the case of the USA, Germany and Canada. The subject of the study is the current laws and regulations of the USA, Germany and Canada.

The author analyses various models of juvenile justice in these foreign countries, identifies specific features of each of these models, and considers the structure and system of federal and local level bodies in the sphere of juvenile justice application.

Special attention is paid to issues of efficiency as well as inefficiency of applying the punitive, welfare, and restorative models considered using the case of some foreign countries. At the same time, discussion points of each model of juvenile justice are mentioned. Special attention is given to studying of specialised laws and regulations in the field of juvenile delinquency prevention in the USA, Germany and Canada.

References

1. Bates K., Swan R. *Juvenile Delinquency in a Diverse Society*, United States, Thousand Oaks, 2013, 472 pp.
2. Cavadino M., Dignan P. *Penal Systems: A Comparative Approach*, London: Sage Publications, 2006, 380 pp.
3. Decker S., Marteache N. *International Handbook of Juvenile Justice*, NY: Springer, 2017, 550 pp.
4. Muncie J., Goldson B. *Comparative Youth Justice: Critical Readings*, London: Sage Publications, 2006, 224 pp.
5. Pratt J. Corporatism: The Third Model of Juvenile Justice, *British Journal of Criminology*, vol. 29, issue 3, 1989, pp. 236-254.
6. Winterdyk J.A. *Juvenile Justice Systems: International Perspectives, Models and Trends*, CRS Press, 2015, 302 pp.

7. Akester K. Sistemy iuvenalnogo pravosudiia, [Elektronnyi resurs] URL: <http://juvenjust.org/index.php?showtopic=63> (data obrashcheniia 12.01.2018).
8. Atagimova E.I. Rol' instituta sem'i pri formirovanii nravstvennosti i pravosoznaniia lichnosti v usloviakh sovremennogo informatsionnogo prostranstva Rossii, *Pravovaia informatika*, 2017, No. 2, pp. 18-27.
9. Gamaiunova A.V. Modeli instituta iuvenal'noi iustitsii, *Sovremennaia pedagogika*, 2014, No. 6, [Elektronnyi resurs] URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/06/2442> (data obrashcheniia: 12.01.2018).
10. Doktrina prava: poniatie, sushchnost', natsional'nye osobennosti, Puzikov R.V., Zelinski Ia., Rybakov O.Iu., Suleimanov B.B., Mal'ko A.V., Zelinski Iu., Zakharov A.V., Bekmagambetov A.B., Zebrovski A., Tambov, 2016.
11. Dorodonova N.V. Regulirovanie voprosov po organizatsii profilaktiki pravonarushenii nesovershennoletnikh v zarubezhnom zakonodatel'stve: istoriia i sovremennost', *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii*, 2017, No. 5 (118), pp. 191-197.
12. Mel'nikova E.B., Vetrova G.N. Rossiiskaia model' iuvenal'noi iustitsii (teoreticheskaiia kontseptsiiia), *Pravozashchitnik*, 1996, No. 1, pp. 22-41.
13. Moldavanov K.V., Chebykina K.L. Sravnenie modelei iuvenal'noi iustitsii i sistem probatsii dlia molodykh pravonarushitelei na primere nekotorykh stran Evropeiskogo Soiuza, *Molodoi uchenyi*, 2014, No. 10, pp. 325-327, [Elektronnyi resurs] URL: <https://moluch.ru/archive/69/11934/> (data obrashcheniia: 19.04.2018).
14. Rostova O.S. Semeinoe vospitanie nesovershennoletnikh -- prioritnoe napravlenie gosudarstvenno-pravovoi politiki Rossiiskoi Federatsii, *Pravovaia informatika*, 2016, No. 3, pp. 20-25.
15. Rybakov O.Iu. Riski v prave, v sbornike: Osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiia sovremennogo prava materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati professora Feliksa Mikhailovicha Rudinskogo, Moskva, 2018, pp. 88-93.

LEGAL AND ORGANISATIONAL FOUNDATIONS OF THE ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INDUSTRY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

K. Iakovlev

Konstantin Iakovlev, Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor at the Department of State-Building and Law of the University of the Prosecution Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: yakovlew.2572@mail.ru

Keywords: *Ministry of Internal Affairs, protectionist policy, Main Administration of Manufactories, Expedition of State Economy, Ministry of Finance, Department of Manufactories and Domestic Trade, privileges, foreign colonists.*

Abstract. *The purpose of this paper is carrying out a complex analysis of legal and organisational foundations of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the development of industry in the first half of the 19th century. The research was performed based on the study of laws and regulations contained in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1st and 2nd collection) as well as the reports of the Ministry of Internal Affairs. As a result, it was possible to identify the main lines of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the area of improving the legal framework regulating the activities of the industry in the period under consideration as well as implementing a protectionist policy of the government as regards private entrepreneurs. The result of the efforts of the Ministry was the satisfaction of needs of the Army and Navy for cloth and an almost complete elimination of dependency of the country on imported cloth.*

References

1. Adrianov S.A. *Ministerstvo vnutrennikh del, 1802-1902*, SPb., 1902.
2. Eroshkin N.P. *Istoriia gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevoliutsionnoi Rossii*, M., RGGU, 2008.
3. *Izvlechenie iz otcheta ministra vnutrennikh del za 1833 g.*, SPb., 1834.
4. *Izvlechenie iz otcheta ministra vnutrennikh del za 1835 g.*, SPb., 1836.
5. Kornilov A.A. *Kurs istorii Rossii XIX v. M.*, Vysshiaia shkola, 1993.
6. Lodyzhenskii K. *Istoriia russkogo tamozhennogo tarifa*, SPb., 1886.
7. *Otchet MVD za 1803 g.*, S.-Peterburgskii zhurnal, 1804, ch. 3, kn. 9.
8. *Otchet MVD za 1804 g.*, Sankt-Peterburgskii zhurnal. 1806, ch. 1, kn. 1.
9. *Otchet MVD za 1806 g.*, S.-Peterburgskii zhurnal. 1807, ch. 4, kn. 11.

10. Pazhitnov K.A. Ocherki istorii tekstil'noi promyshlennosti dorevoliutsionnoi Rossii. Khlopchatobumazhnaia, l'nope'kovaia i shelkovaia promyshlennost', M., 1958.
11. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv, F. 1281, Sovet ministra vnutrennikh del, Op. 1, D. 8.
12. Sobranie zakonov o politseiskom upravlenii, SPb., 1826.
13. Tugan-Baranovskii M.I. Izbrannoe. Russkaia fabrika v proshlom i nastoiashchem, serii "Pamiatniki ekonomicheskoi mysli", M.: Nauka, 1997.

'CLOUD' TECHNOLOGIES: RUSSIAN AND FOREIGN LAWS AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

A. Kartskhia

Aleksandr Kartskhia, Ph.D. (Law), Professor at the Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation.

E-mail: arhz50@mail.ru

Keywords: *cloud services and computing, intellectual property, personal data, service agreement, confidential information.*

Abstract. *Legal aspects of using digital technologies in the new conditions of digital economy, as well as new challenges for traditional institutions of modern law are considered in the paper. Wide practical application of modern revolutionary technologies (artificial intelligence, blockchain technology, analytical databases, "cloud computing", self-managed systems) forms a new "digital ecosystem" to which modern law should adapt. "Cloud" computing and "cloud" services as components of the modern digital economy and technological infrastructure of the digital ecosystem have formed a new legal institution within the structure of digital services. Modern Russian laws, the EU and US laws in the area of "cloud" technologies are adapting to the capabilities of digital technologies and the needs of their broad practical use. The paper analyses features of legal regulation of "cloud" services and computing in Russian and foreign laws as well as law enforcement practice. The author comes to the conclusion that "cloud" computing and "cloud" services as new types of Internet services are able to form a civil digital turnover in the structure of the modern digital ecosystem, and the operational capabilities of these digital technologies serve as an instrument for adapting the law to the realia of the modern digital world.*

References

1. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskusstvennyi intellekt i pravo intellektual'noi sobstvennosti, Intellektual'noe pravo. Avtorskoe pravo i smezhnye prava, 2018, No. 2, pp. 35-44.
2. NIST Definition of Cloud Computing, URL: <https://csrc.nist.gov/publications/detail/sp/800-145/final>
3. Savelev A.I. Elektronnaia kommertsia v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie. 2-e izd, M.: Statut, 2016, Konsul'tant Plius, L. 231.
4. Savelev A.I. Pravovaia priroda "oblastnykh" servisov: svoboda dogovora, avtorskoe pravo i vysokie tekhnologii, Vestnik grazhdanskogo prava, 2015, No. 5, pp. 62-99, Konsul'tant Plius, L. 3.
5. Elin V.M. "Oblastnye" uslugi i osobennosti ikh pravovogo regulirovaniia v Rossiiskoi Federatsii, Informatsionnoe pravo, 2017, No. 4, pp. 28-33.
6. Internet-interv'iu s I.A. Bliznetsom, rektorom Rossiiskoi gosudarstvennoi akademii intellektual'noi sobstvennosti: "Realizatsiia gosudarstvennoi politiki v oblasti intellektual'noi sobstvennosti", <http://www.consultant.ru/law/interview/bliznets/>.
7. Savelev A.I. Nauchno-prakticheskii postateinyi kommentarii k Federal'nomu zakonu "O personal'nykh dannykh", M.: Statut, 2017, Konsul'tant Plius, L. 79.
8. Unleashing the Potential of Cloud Computing in Europe. European Commission, Memo/12/713, Brussels, 27 September 2012.
9. Aubakirov M.Z., Nikulchev E.V. Zadachi razrabotki oblastnykh platform dlia obespecheniia informatsionnykh potrebnosti gosudarstvennogo sektora, Elektronnyi zhurnal Cloud of Science, 2015, t. 2, No. 2, URL: <http://cloudofscience.ru>, ISSN 2409-031X.
10. Hon W Kuan, Christopher Millard, Ian Walden. The Problem of Personal Data in Cloud Computing -- What Information is Regulated? The Cloud of Unknowing, International Data Privacy Law (2011) 1(4), 211-214.
11. Paul Ohm, Broken Promises of Privacy: responding to the surprising failure of anonymisation, UCLA Review 57, 2009, 1707.
12. Neil Robinson, Hans Graux, Maarten Botterman, and Lorenzo Valeri, Review of the European Data Protection Directive (2009) RAND Europe technical report, 26-27.
13. Anonymisation: managing data protection risk code of practice, UK ICO, 2012, URL: <https://ico.org.uk/>
14. Entin V.L. Avtorskoe pravo v virtual'noi real'nosti (novye vozmozhnosti i vyzovy tsifrovoy epokhi), M.: Statut, 2017, Konsul'tant Plius, L. 43.
15. Hurlay Lawrence, Volz Dustin (February 27, 2018), "U.S. Supreme Court wrestles with Microsoft data privacy fight", Reuters, retrieved April 2, 2018 -- via The Globe and Mail.
16. Kartskhia A.A. Tsifrovizatsiia v prave i pravoprimenenii, Monitoring pravoprimenenii, No. 1 (26), 2018, pp. 36-40.
17. Kartskhia A.A. Tsifrovoe budushchee klassicheskoi tsivilistiki, Intellektual'naia sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava, 2018, No. 5, pp. 35-46.

MONITORING OF COURT DECISIONS ON LAWSUITS RELATED TO THE PROVISION OF LAND LOTS

O. Bobrova

Ol'ga Bobrova, Ph.D. (Law), Senior Researcher at the Department of Academic Support for the Prosecutor's Participation in Civil, Arbitration, and Administrative Proceedings of the Research Institute of the University of the Prosecution Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: bogomazova.olga2013@yandex.ru

Keywords: *the Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, commercial court, prosecutor, lawsuit, land dispute, adequacy of the requested and granted land lot, ways to protect violated rights, rule of law.*

Abstract. *Protection of constitutionally guaranteed rights of citizens, interests of society and state using means of prosecutorial response in the disposal and use of land is an important activity of Prosecution Office bodies. The paper analyses topical issues and emerging court practice of consideration by commercial courts of lawsuits related to provision of land lots which were initiated by prosecutors. This class of cases and problems of their consideration by commercial courts are of great importance for overseeing the execution of laws in the field of land lots turnover. The author shows that laws regulating legal relations in the field of disposal and use of land lots are of complicated intersectoral nature, which is illustrated by examples of consideration of such cases given in the paper. In addition, the author proposes introducing legislative modifications into the procedural law, with regards to the powers of the prosecutor.*

References

1. Beliaev V.L. Soglasovanie gradostroitel'nykh i zemel'nykh voprosov: sostoianie, zadachi i vozmozhnye puti resheniia, Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii, 2013, No. 9, pp. 14-29.
2. Vorob'ev T.N. Tseli uchastiia prokurora v rassmotrenii sudom grazhdanskikh del, Sovremennoe pravo, 2017, No. 5, pp. 53-56.
3. Zheleznov D.S. Predostavlenie zemel'nykh uchastkov sobstvennikam nakhodiashchikhsia na nikh ob'ektov nedvizhimosti: aktual'nye voprosy teorii i praktiki, Agrarnoe i zemel'noe pravo, 2017, No. 3, pp. 11-15.
4. Mel'nikov N.N., Saveleva E.A. Znachenie pravil zemlepol'zovaniia i zastroiki i dokumentov territorial'nogo planirovaniia v regulirovanii pravovogo rezhima zemel' naselennykh punktov, Rossiiskaia iustitsiia, 2013, No. 6, pp. 8-11.
5. Otcheskaia T.I. Protsessual'nye aspekty uchastiia prokurora v arbitrazhnom protsesse, Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2018, No. 2, pp. 122-131.
6. Serebrianni K.S. Grazhdansko-pravovoi rezhim zemel'nykh uchastkov v noveishei redaktsii Zemelnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, Informatsionno-analiticheskii zhurnal "Arbitrazhnye spory", 2017, No. 3, pp. 101-108.
7. Totochenko D.A. Minimal'nyi i maksimal'nyi razmer zemelnogo uchastka, Rossiiskaia iustitsiia, 2015, No. 11, pp. 22-25.
8. Totochenko D.A. O podvedomstvennosti i podsudnosti sporov o pravakh na zemel'nye uchastki, Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess, 2015, No. 5, pp. 51-55.
9. Totochenko D.A. O sootnoshenii poniatii "zemel'nyi spor" i "imushchestvennyi spor, vznikaiushchii iz zemel'nykh otnoshenii", Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii, 2017, No. 11, pp. 88-92.
10. Umerenko Iu.A. Tendentsii razvitiia i nekotorye problemy zemelnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape, Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii, 2016, No. 7 (178), pp. 90-105.

LEGAL REGULATION OF COMBATING FAMILY AND DOMESTIC VIOLENCE IN RUSSIA AND ABROAD: A COMPARATIVE ANALYSIS

E. Atagimova

El'mira Atagimova, Ph.D. (Law), Advisor of the Apparatus of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: atagimova75@mail.ru

Keywords: *family, government, family and domestic violence, human rights, minor, victim of violence, legal regulation, law, offence, prevention, combating, human rights defenders.*

Abstract. *In this paper the author considers features of legal regulation of relations in the field of prevention of family and domestic violence in today's Russia. An analysis of provisions of current laws directed at protection from family violence is made. A comparative express analysis of international law in this field is given. Foreign experience in creating conditions required for the safety of the family is presented. Countries where special laws and regulations directed at combating family violence are in force, are noted. Social and legal problems contributing to family and domestic violence are expounded. Considering the opinions of some human rights defenders and officials, a justification is given for the conclusion that the laws on preventing family and domestic violence in Russia should be improved. Attention is drawn to the fact that passing a special law directed at the prevention of family and domestic violence is a socially conditioned necessity. It is noted that such a law can become an additional tool for the prevention of family and domestic violence, legal protection of victims of family and domestic violence, and inevitability of punishment of the guilty.*

References

1. Atagimova E.I., Potemkina A.T., Tsopanova I.G. Konflikt interesov v ugovnom prave (chastnyi sluchai), Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2017, No. 6 (79), pp. 124-134.
2. Atagimova E.I. Rol' instituta sem'i pri formirovanii npravstvennosti i pravosoznaniia lichnosti v usloviakh sovremennogo informatsionnogo prostranstva Rossii, Pravovaia informatika, 2017, No. 2, pp. 18-27.
3. Domashnee nasilie po zakonodatel'stvu zarubezhnykh stran: otvetstvennost' i preventsiia, otv. red. kand. iurid. nauk N.A. Golovanova, M.: Iustitsinform, 2011, 384 pp.
4. Magomedov G.B. Ugolovno-pravovaia kharakteristika obstoiatel'stv, vliiaushchikh na ob'em kary kak sodержaniia nakazaniia. Monografiia, M., Iurlitinform, 2013, 160 pp.
5. Nauchnye kontseptsii razvitiia rossiiskogo zakonodatel'stva: monografiia, 7-e izd. dop. i pererab., S.E. Naryshkin, T.Ia. Khabrieva, A.I. Abramova i dr., otv. red. T.Ia. Khabrieva, Iu.A. Tikhomirov, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, M.: ID Iurisprudentsiia, 2015, 544 pp.
6. Rostova O.S. Semeinoe vospitanie nesovershennoletnikh -- prioritnoe napravlenie gosudarstvenno-pravovoi politiki Rossiiskoi Federatsii, Pravovaia informatika, 2016, No. 3, pp. 20-25.
7. Rybakov O.Iu. Strategii pravovoi politiki Rossii, Iuridicheskoe obrazovanie i nauka, 2015, No. 1, pp. 30-33.
8. Rybakova O.S. Podderzhka materinstva i detstva v Rossiiskoi Federatsii: priorityety zakonodatel'nogo regulirovaniia, v sbornike: Osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiia sovremennogo prava materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati professora Feliksa Mikhailovicha Rudinskogo, Moskva, 2018, pp. 358-362.
9. Stepanova O. Iu. Spornye momenty differentsiatsii ugovnoi otvetstvennosti za seksual'nye prestupleniia v otnoshenii detei i podrostkov, Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2016, No. 2 (63), pp. 178-182.
10. Cheliabova E.I. Ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii analiz neispolneniia obiazannostei po vospitaniiu nesovershennoletnego: dis.... kand. iurid. nauk, Makhachkala, 2006, 223 pp.

CHARACTERISATIONS OF THE SOCIAL ROLE OF COURT-APPOINTED MANAGER IN BANKRUPTCY PROCEDURES

S. Polutin, R. Mot'kin

Sergei Polutin, Doctor of Science (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation.

E-mail: polutin.sergei@yandex.ru

Roman Mot'kin, Ph.D. student at the Department of Sociology, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation.

E-mail: motkin.r@gmail.com

Keywords: *temporary manager, external management, bankruptcy proceedings, financial sanation, conflict, insolvency, disqualification, criminal liability, bankruptcy, social role, role theory of personality.*

Abstract. *The first legislative act in the history of modern Russia regulating the sphere of insolvency was Law No. 3929-1 of the 19th of November 1992 "On insolvency (bankruptcy) of enterprises" which laid down the modern form of the concept of court-appointed manager as the person appointed by a commercial court to whom the functions of managing the creditor's property are transferred. At the same time, during twenty-five years of existence and development of the profession of court-appointed manager, no single opinion was formed in scholarly literature on the socio-economic function of court-appointed management and the social role of court-appointed manager. Moreover, no professional standard for the activity of court-appointed manager has been formed at the law-making level and his job function has not been laid down. The author of the paper carried out an analysis of the social role of court-appointed manager, identified specific features of the professional activities of managers depending on the insolvency procedure, and considered the court-appointed manager's key skills and knowledge.*

References

1. Gagarina A.Iu., Malysenko I.A., Tsyplenkova M.V. Institut nesostoiatel'nosti bankrotstva Anglii, Materialy VII Mezhdunarodnoi studencheskoi elektronnoi nauchnoi konferentsii "Studencheskii nauchnyi forum", rezhim dostupa: <https://www.scienceforum.ru/2015/896/7660> (data obrashcheniia: 14.04.2018).
2. Kubantsev S.P. Istoricheskii aspekt ugovnoi otvetstvennosti za nedobrosovestnoe bankrotstvo v Rossii i zarubezhnykh stranakh, Zhurnal rossiiskogo prava, 2016, No. 12, pp. 98-105.
3. Mal'bakhova Z.B. Grazhdansko-pravovaia otvetstvennost' arbitrazhnogo upravliaiushchego, Innovatsionnaia nauka, Ufa, izd. OOO "Aeterna", 2017, pp. 128-130.
4. Parkhomenko I.K. Figura arbitrazhnogo upravliaiushchego: poniatie i problemnye aspekty opredeleniia ego statusa v ramkakh instituta nesostoiatel'nosti (bankrotstva), Vestnik Sankt-Peterburgskoi iuridicheskoi akademii, 2017, No. 1 (34), pp. 71-75.
5. Poliakova A.A. Vozniknovenie i razvitie instituta nesostoiatel'nosti (bankrotstva) v stranakh zapadnoi Evropy, Alleia nauki, 2017, t. 1, No. 10, pp. 227-232.

THE CURRENT STATE AND PROSPECTS OF EXPANDING THE EXTERNAL INTERACTION OF PRODUCTION DIVISIONS OF THE PENAL SYSTEM IN THE INNOVATION SPHERE

V. Barmashov

Vladimir Barmashov, Lecturer at the Department of Organisation of Special Investigative Activities of the Faculty of Law of the Academy of the Federal Penal Service of the Russian Federation, Ryazan, Russian Federation.

E-mail: vlado-18@rambler.ru

Keywords: *innovation, production, industry, interaction, entrepreneurship, commercialisation, public-private partnership, agreement, enterprise, penal system, property, agriculture.*

Abstract. *The current state of external interaction of production divisions of the penal system which is based on the interaction with public authorities and with organisations of the business sector is examined in the paper. Arguments are presented for the conclusion that inter-institutional interaction should not be limited to the conclusion of agreements between penal system divisions and law enforcement institutions and in the long term should be expanded by concluding mutual agreements with divisions of other executive authorities, for example, the Federal Service for Intellectual Property. Conclusions are made about the lack of systematicity in the interaction of production divisions of the penal system with the private sector considering a number of encumbrances and difficulties, notably the need to observe regime requirements in the territory of penal system institutions, using low-skilled work of convicts and outdated infrastructure. At the same time, the advantages of using the production facilities of correctional institutions are emphasised, such as the diversified nature of production operations carried out at these facilities, a number of tax concessions they have, and a system of vocational training for convicted persons. In this regard, it is proposed to expand the interaction of production divisions of the penal system with the business community by concluding public-private partnership agreements, first of all, concerning facilities for production, processing and storage of agricultural production, a justification is given for the advisability of extending the list of objects of public-private partnership agreements, so that buildings and constructions of the residential zone of correctional facilities be also included in the list. Additionally, the possible socially useful effect of participation of correctional facilities in public-private partnerships is specially emphasised which manifests itself in the reduction of disciplinary violations on the part of employed convicted persons and stabilisation of the operational situation in their territory.*

References

1. Belitskaia A.V. Gosudarstvo kak uchastnik i reguliator investitsionnykh otnoshenii v ramkakh gosudarstvenno-chastnogo partnerstva, Biznes, menedzhment i pravo, 2017, No. 1-2, pp. 42-46.
2. Bykov A.V., Pertli L.F., Kaluzhina M.A., Spasennikov B.A. Mesto i rol' penitentsiarnoi sistemy v gosudarstvennom mekhanizme Soedinennykh Shtatov Ameriki, Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie, 2015, No. 3 (31), pp. 84-89.
3. Goncharenko O.G., Oliinik A.I., Anishchenko V.A. Rol' investitsii v usovershenstvovanii upravleniia proizvodstvennymi kompleksami penitentsiarnoi sistemy, Ugolovno-ispolnitel'naia sistema: pravo, ekonomika, upravlenie, 2013, No. 1, pp. 23-25.
4. Gorenkova E.V. Organizatsiia truda osuzhdennykh: mezhdunarodnye standarty i zarubezhnyi opyt, Ugolovno-ispolnitel'naia sistema: pravo, ekonomika, upravlenie, 2017, No. 1, pp. 13-16.
5. Goriainov K.K., Kosonogov D.A. Vzaimodeistvie podrazdelenii sobstvennoi bezopasnosti FSIN Rossii s inymi pravookhranitel'nymi organami, Ugolovno-ispolnitel'naia sistema: pravo, ekonomika, upravlenie, 2017, No. 3, pp. 9-12.
6. Griaznov S.A. Problemy formirovaniia predprinimatel'skoi sredy v penitentsiarnykh uchrezhdeniiaakh v edinstve ego osnovnykh komponentov: lichnostnykh, ekonomicheskikh i organizatsionno-upravlencheskikh, Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, 2015, No. 2, pp. 7-11.
7. Diatlova N.A. Ob'ekty soglashiia o gosudarstvenno-chastnom partnerstve kak faktor formirovaniia konkurentnoi sredy, Konkurentnoe pravo, 2017, No. 3, pp. 25-28.
8. Diatlova N.A. Sub'ekty gosudarstvenno-chastnogo partnerstva, Iurist, 2017, No. 7, pp. 38-42.

9. Zamolotskikh Iu.N. Osnovnye formy realizatsii mezhdedomstvennogo vzaimodeistviia organov ispolnitel'noi vlasti Rossiiskoi Federatsii, Iuridicheskii mir, 2016, No. 10, pp. 44-48.
10. Ibragimov O.A. Povyshenie ekonomicheskoi bezopasnosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy na osnove razvitiia mekhanizmov privlecheniia vneshnikh investitsionnykh resursov, Ugolovno-ispolnitel'naia sistema: pravo, ekonomika, upravlenie, 2016, No. 6, pp. 26-28.
11. Kaliashin A.V. Gosudarstvennaia sluzhba v uchrezhdeniakh i organakh ugovolno-ispolnitel'noi sistemy RF: teoriia i praktika razvitiia: monografiia, 2-e izd. M: RIOR, 2018, 99 pp.
12. Kilinkarov V.V. Soglasheniia v sfere gosudarstvenno-chastnogo partnerstva: osnovnye problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniia, Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Pravo i Biznes", 2017, No. 3, pp. 28-35.
13. Komiagin D.L. Biudzhethnye investitsii: publichnyi raskhod ili transformatsiia kazny?, Reformy i pravo, 2014, No. 4, pp. 20-24.
14. Markelova O.N. Teoretiko-pravovye osnovy innovatsionnoi deiatel'nosti v ugovolno-ispolnitel'noi sisteme, Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki, 2012, No. 3, pp. 228-237.
15. Putilo N.V., Volkova N.S., Tsomartova F.V. Pravovoe regulirovanie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v zdravookhraneni: opyt sub'ektov Rossiiskoi Federatsii, Zhurnal rossiiskogo prava, 2015, No. 8, pp. 25-34.
16. Starostovich P.V. Konkurentnye osnovy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossiiskoi Federatsii, Vestnik arbitrazhnoi praktiki, 2017, No. 3, pp. 49-54.
17. Talapina E.V. Gosudarstvennoe upravlenie v informatsionnom obshchestve (pravovoi aspekt): monografiia. M.: Iurisprudentsiia, 2015, 192 pp.
18. Khokhrin S.A. Preduprezhdenie penitentsiarnoi prestupnosti: problemy i puti resheniia, Zhurnal rossiiskogo prava, 2016, No. 3, pp. 122-128.
19. Chernyshov I.N. Ekonomika i penitentsiarnaia sistema: poisk modeli sotrudnichestva, Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost', 2015, No. 42, pp. 52-62.
20. Shamsunov S.Kh. Chastnye tiur'my v mire: nuzhny li oni sovremennoi Rossii?, Ugolovno-ispolnitel'naia sistema: pravo, ekonomika, upravlenie, 2016, No. 3, pp. 25-28.
21. Shokhin S.O. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: problemy pravovogo obespecheniia, Iurist, 2018, No. 2, pp. 4-10.

ISSUES OF DISTINGUISHING BETWEEN VIOLENT ROBBERY AND DANGEROUS ROBBERY: PROBLEMS OF QUALIFICATION

Z. Cheliabova

Zalina Cheliabova, Assistant Professor at the Department of Criminal Law of Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation.

E-mail: zalina.chelyabova@yandex.ru

Keywords: *violence, violent robbery, dangerous robbery, violence without danger, dangerous violence, violent encroachment on property, qualification, distinguishing, differentiation, dangerous method, harm to health, supreme judicial authority, subjective perception, uncertain nature of the threat.*

Abstract. *An analysis of the problem (at present a topical one for the criminal law doctrine and law enforcement practice) of distinguishing between such violent encroachments on property as violent robbery and dangerous robbery which are similar from the standpoint of law-making structure is given in the paper. The author justifies the need to examine the said problem by pointing to different positions taken by courts in qualifying the acts of the perpetrators of the said criminal encroachments. The courts present the same arguments contained in the recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the Resolution No. 29 of the 27th of December 2002 entitled "On Court Practice in Cases of Theft, Violent Robbery, and Dangerous Robbery". It is assumed that the reason for the presented differences in the assessment by the courts of violent acts in taking possession of another's property can lie in the defects of law-making technique as regards the violent encroachments on property under consideration as well as in the description of these acts which discerns different degrees of danger of violence. The elements allowing to differentiate these kinds of violence are named and made specific in Paragraph 21 of the said Resolution No. 29. The author states the ambiguity in understanding these recommendations of the supreme judicial body by the courts. The author presents her conclusions about the court practice presented as well as for the paper on the whole, her goal being a uniform understanding and application of law.*

References

1. Atagimova E.I., Potemkina A.T., Tsopanova I.G. Konflikt interesov v ugovolnom prave (chastnyi sluchai), Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2017, No. 6 (79), pp. 124-134.
2. Il'ina I.A. Problemnye voprosy kvalifikatsii prestuplenii, sovershaemykh s primeneniem nasiliia, Apriori. Seriya: gumanitarnye nauki, 2015, No. 3, URL: <http://apriori-journal.ru> [data obrashcheniia: 24.04.2018].
3. Dubrovin N.V. Poniatie i obshchaia kharakteristika prestuplenii protiv sobstvennosti, Vektor nauki TGU. Seriya: iuridicheskie nauki, 2016, No. 1(24), pp. 38-40.

4. Lopashenko N.A. Posiagatel'stva na sobstvennost' / N.A. Lopashenko, M.: "Norma", "Infra-M", 2012, 328 pp.
5. Gaukhman L.D. Problemy kvalifikatsii nasil'stvennykh prestuplenii / L.D. Gaukhman, Uголовное право, 2014, No. 5, pp. 39-42.
6. Ermakova O.V. Prestupleniia protiv sobstvennosti: nauchno-prakticheskii kommentarii, Barnaul: Barnaul'skii iuridicheskii institut MVD Rossii, 2015, 96 pp.
7. Kobets P.N. Otgranichenie razboia i drugikh sostavov prestuplenii po deistviuiushchemu otechestvennomu zakonodatel'stvu, Simvol nauki, 2015, No. 1-2, pp. 72-74.
8. Iani P.S. Voprosy kvalifikatsii razboia, Zakonnost', 2015, No. 9, pp. 45-50.
9. Kharin R.E. Otlichie grabezha ot smezhnykh sostavov prestupleniia, Zakonnost' i pravoporiadok v sovremennom obshchestve, 2016, No. 34, pp. 218-223.
10. Borovikov V. O nekotorykh podkhodakh k kvalifikatsii nasil'stvennykh prestuplenii, Uголовное право, 2014, No. 5.
11. Kirienko N.G. Sudebnaia praktika o kharakteristike nasiliia, ne opasnogo dlia zhizni ili zdorov'ia, pri kvalifikatsii grabezha, Aktual'nye problemy s prestupleniiami i inymi pravonarusheniiami, 2016, No. 14 (2), pp. 38-39.
12. Sharapov R.D. Aktual'nye voprosy kvalifikatsii nasil'stvennykh prestuplenii, Uголовное право, 2015, No. 1, pp. 112-124.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Шеф-редактор	<i>Г.И. Макаренко</i>
Начальник РИО	<i>Ю.В. Матвиенко</i>
Перевод	<i>Т.В. Галатонов</i>
Дизайн	<i>И.Г. Колмыкова</i>
Компьютерная верстка	<i>А.С. Александян</i>
Тиражирование (печать)	<i>Н.Г. Шабанова</i>

Отпечатано в РИО НЦПИ при Минюсте России
Формат 60x90/8 Печать цветная цифровая
Первый тираж 100 экз. Цена свободная
Подписано в печать 28.05.2018 г.